

ПРЕЦЕДЕНТЫ

ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В НОМЕРЕ:

F.G. против Швеции 2

[F.G. v. Sweden] (жалоба № 3611/11)

Депортация заявителя в Иран в связи с его политическим прошлым в этой стране не составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции, однако депортация при отсутствии оценки властями Швеции последствий его религиозного обращения в случае возвращения в Иран будет являться нарушением статей 2 и 3 Конвенции.

Иззеттин Доган и другие против Турции 42

[İzzettin Doğan and Others v. Turkey] (жалоба № 62649/10)

По делу обжалуется отказ в разрешении проводить публичные религиозные службы членам алавитской конфессии.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК № 4 / 2 0 1 7

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Научное электронное
периодическое издание

Прецеденты Европейского Суда
по правам человека.
Специальный выпуск
№ 4 / 2017

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС77-58098 от 20 мая 2014 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Учредители
ООО «Развитие
правовых систем»,
Ю.Ю. Берестнев,
Д.Ю. Давыдов

Редакция и издатель
ООО «Развитие
правовых систем»

Главный редактор
Е.А. Поворова

Дата подписания
к использованию
22.09.2017 г.

Перевод текстов
Ю.Ю. Берестнев,
Г.Н. Николаев

Адрес редакции
127050 г. Москва,
ул. Суцьевская, д. 12, стр. 1
Тел.: +7 (499) 350-0015
E-mail: info@echr.today
www.echr.today

Объем выпуска 1.0 Мб

Минимальные системные
требования
Windows 2000/XP;
процессор с частотой 2,0 ГГц;
512 Мб ОЗУ;
20 Мб свободного места
на жестком диске

Свободная цена

Перепечатка материалов,
а равно иное использование
в коммерческих и некоммерческих
целях возможны только
с письменного разрешения
редакции.
Мнение редакции может
не совпадать с точкой зрения
авторов статей и аналитических
материалов.

© «Прецеденты
Европейского Суда
по правам человека», 2017
© ООО «Развитие
правовых систем», 2017

В оформлении дизайна издания
используется символика Совета
Европы и Европейского Суда
по правам человека

© Совет Европы / Архитектура:
Партнерство Ричарда Роджерса
(Richard Rogers Partnership)
(Европейский Суд по правам
человека)

Уважаемые читатели!

В предлагаемой подборке прецедентов Европейского Суда на тему гарантий религиозных свобод можно увидеть, насколько выверены и едины подходы Европейского Суда в ситуациях, схожих общим внешним признаком: наличием негативных последствий для лица или сообщества лиц, исповедующих учение, не имеющее публичного признания властями. Следует отметить, что Европейским Судом для разрешения правовых вопросов возможности и способов выражения вероисповедания используются различные статьи Конвенции.

Так, депортация в исламское государство лица, обратившегося в христианство по прибытии в европейскую страну, по мнению Европейского Суда, фактически относилось бы этого человека «к группе лиц, которые в зависимости от различных факторов могли подвергаться риску обращения, противоречащего статьям 2 и 3 Конвенции», в случае возвращения в страну мусульманского мира. Вместе с тем в ситуации, когда группа лиц, исповедующая веру, не относящуюся к публично признанному государством исламскому учению, испытывает в связи с этим различные правовые, организационные и прочие жизненные препятствия, Европейским Судом приводится в действие статья 9 Конвенции, не допускающая дискриминации религиозных конфессий.

F.G. против Швеции [F.G. v. Sweden] (жалоба № 3611/11)

Депортация заявителя в Иран в связи с его политическим прошлым в этой стране не составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции, депортация заявителя в Иран в отсутствие оценки властями Швеции последствий его религиозного обращения составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции.

Настоящее дело интересно позицией Европейского Суда в отношении лица, обратившегося из ислама в христианство по прибытии в Швецию с ходатайством о предоставлении убежища в стране на том основании, что он сотрудничал с известными оппонентами иранского режима, задерживался и содержался под стражей властями не менее трех раз в 2007–2009 годах, особенно в связи с его публикациями в Интернете. Европейский Суд высказался об абсолютном характере прав, предусмотренных статьями 2 и 3 Конвенции: поскольку необходимо принимать во внимание особенность «уязвимого положения, в котором часто находятся искатели убежища, если государство-участник было осведомлено о фактах, относящихся к конкретному лицу, которые могли подвергнуть его риску жестокого обращения по возвращении в данную страну, обязательства, возложенные на государства в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции, предполагают, что власти могут провести оценку данного риска по своей инициативе». Соответственно, независимо от поведения заявителя компетентные внутригосударственные органы были обязаны по своей инициативе оценить всю информацию, предоставленную до их сведения до принятия решения о его высылке в Иран.

Иззеттин Доган и другие против Турции

[İzzettin Doğan and Others v. Turkey] (жалоба № 62649/10)

По делу допущено нарушение требований статьи 9 Конвенции.

По делу обжалуется отказ в разрешении проводить публичные религиозные службы членам алавитской конфессии.

В данном деле рассматриваются положение непризнанных религиозных меньшинств в государстве и связанные с этим правовые, организационные и финансовые проблемы в части возможности строить культовые места, получать пожертвования или субсидии и иметь доступ к судам. Алавиты являются религиозным меньшинством в Турции, где согласно законодательству религиозная публичная служба возможна только для последователей мажоритарного (суннитского) понимания ислама. Европейский Суд указал на очевидный дисбаланс между ситуацией религиозных меньшинств и бенефициариев религиозной публичной службы, которые извлекают выгоду из религиозной публичной службы (особенно относительно применимых правовых режимов и права на государственные субсидии). Необходимо исходить из общих начал уважения культурного разнообразия, поддерживаемых Европейским Судом, при которых для оправдания любого различия по признакам религии или убеждений требуются весьма веские причины.

2

Депортация заявителя в отсутствие оценки властями последствий религиозного обращения заявителя составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции

42

Допущено нарушение требований статьи 9 Конвенции

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «F.G. (F.G.) против Швеции»¹

(Жалоба № 43611/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 23 марта 2016 г.

По делу «F.G. против Швеции» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты*,

Дина Шпильманна,

Андраша Шайо,

Йозепа Касадеваля,

Инеты Зиемеле,

Элизабет Штайнер,

Георга Николау,

Леди Бианку,

Винсента А. де Гаэтано,

Юлии Лаффранк,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Линос-Александра Сицильяноса,

Хелены Ядерблом,

Алеша Пейхалю,

Кшиштофа Войтычека,

Дмитрия Дедова,

Роберта Спано, *судей*,

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,

рассмотрев дело в открытых заседаниях 3 декабря 2014 г. и 7 января 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 43611/11, поданной против Королевства Швеция в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека

и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Ирана F.G. (далее – заявитель) 12 июля 2011 г. Председателем Секции Суда удовлетворено ходатайство заявителя о неразглашении его имени (пункт 4 правила 47 Регламента Суда).

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представлял Д. Лавдей (*D. Loveday*), адвокат коллегии Англии и Уэльса, практикующий в Швеции. Власти Швеции были представлены их агентом А. Рёнkvистом (*A. Rönqvist*), послом и генеральным директором по правовым вопросам Министерства иностранных дел.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что его высылка в Иран составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции.

4. Жалоба была распределена в Пятую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 25 октября 2011 г. Председатель Секции, в которую было распределено дело, дал указание властям государства-ответчика в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, что заявитель не должен быть выдворен в Иран в течение разбирательства дела Европейским Судом. 16 января 2014 г. Палата Европейского Суда в составе Марка Виллигера, Ангелики Нуссбергер, Боштьяна Зупанчича, Анны Пауэр-Форд, Пауля Лемменса и Хелены Ядерблом, а также Клаудии Вестердийк, Секретаря Секции Суда, вынесла Постановление по делу. Палата Европейского Суда указала, что исполнение решения о высылке заявителя не нарушило бы статьи 2 или 3 Конвенции. К Постановлению прилагалось совместное несовпадающее мнение судей Зупанчича, Пауэр-Форд и Лемменса.

5. 16 апреля 2014 г. заявитель ходатайствовал о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции, и Коллегия Большой Палаты удовлетворил ходатайство 2 июня 2014 г.

6. Состав Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

7. Заявитель и власти Швеции подали дополнительные письменные объяснения (пункт 1 правила 59 Регламента Суда) по существу жалобы.

8. Кроме того, комментарии третьей стороны были получены от Европейского центра за право и справедливость (*European Centre for Law and Justice*), Альянса по защите свободы (*Alliance Defending Freedom*), которому помогали Юбилейная кампания (*Jubilee Campaign*), Консультация об индивидуальных правах в Европе (*Advice on Individual Rights in Europe*) (центр «Эй-Ай-Ар-И»), Европейский совет по беженцам и ссыльным (*European Council on Refugees and Exiles, ECRE*), Международная комиссия юристов и Управление верховного комиссара ООН

¹ Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 7 января 2016 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

по делам беженцев (УВКБ), которым Председатель Большой Палаты разрешил принять участие в письменной процедуре (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44).

9. Открытое слушание состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 3 декабря 2014 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Швеции:

Андерс Рёнkvист, посол и генеральный директор по правовым вопросам Министерства иностранных дел, *агент*;

Хелен Линдквист (*Helen Lindquist*),

Мария Вестма-Клемент (*Maria Westman-Clément*),

Линда Эман Бростов (*Linda Öman Bristow*), *советники*;

(b) со стороны заявителя:

Дэвид Лавдей, адвокат коллегии Англии и Уэльса, практикующий в Швеции, *адвокат*,

Ханна Петтерсон (*Hanna Pettersson*),

Ангела Эванс (*Angela Evans*), *советники*.

Европейский Суд заслушал выступления Рёнkvиста и Лавдея, а также их ответы на вопросы судей Спано, Ядерблом, Бианку, Пинту де Альбукерке и де Гаэтано.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявитель родился в 1962 году и проживает в Швеции.

11. Он прибыл в Швецию 16 ноября 2009 г. и обратился за получением политического убежища.

12. 19 февраля 2010 г. назначенный заявителю адвокат подал письменные объяснения в Миграционную службу Швеции (*Migrationsverket*), в которых изложил основания для ходатайства заявителя о предоставлении политического убежища.

13. 24 марта 2010 г. миграционная служба провела устное интервью с заявителем в присутствии его адвоката и переводчика. Заявитель передал декларацию шведского пастора от 15 марта 2010 г., подтверждающую, что заявитель являлся членом его конгрегации с декабря 2009 года и был крещен. Сотрудник миграционной службы начал интервью с вопроса, касающегося данной темы. Заявитель ответил, что это является частным делом «[его] сердца», добавив: «Это не имеет отношения к тому, но если вы хотите задавать вопросы, то можете это делать. Все проблемы на моей родине вызваны приходом ислама в Иран...». Сотрудник миграционной службы объяснил, что причина, по которой он задает вопросы по данному поводу, заключается в том, что он истолковал сертификат как то, что заявитель ссылался на него как на основание для получения убежища. Заявитель указал: «нет,

это не то, на что я хочу сослаться. Это нечто личное». Сотрудник миграционной службы предложил сделать перерыв в интервью, чтобы заявитель мог проконсультироваться со своим адвокатом. После 10-минутного перерыва адвокат пояснил: «заявитель хочет подчеркнуть, что он сменил религию не для повышения шансов на получение вида на жительство, а по личным убеждениям». На вопрос о том, как он перешел в другую религию, заявитель ответил, что это произошло, когда он прибыл в шведский город X, где было мало иранцев. Он познакомился с человеком, который посещал церковь четыре раза в неделю. Этот человек знал, что заявитель ненавидит ислам. Заявитель продолжил: «Я не рассматриваю христианство как религию». На вопрос о том, почему, заявитель ответил: «если рассматривать это как религию, оно будет как ислам, но христианство – это вид любви к богу». Он пояснил, что посещал собрания конгрегации от двух до четырех раз в неделю и читал Библию. Заявитель привел примеры чудес и пророчеств из Библии, которые привлекли его в христианство. Сотрудник миграционной службы спросил, почему, если заявитель не хотел сослаться на свое обращение в христианство как на основание для предоставления убежища, он, тем не менее, передал сертификат от пастора, на что заявитель ответил: «Я не знаю. Я не просил его выдавать и даже не собирался передавать его вам, но вы его просили. Они выдают всем обратившимся сертификаты наподобие этого».

14. В остальной части интервью речь шла о политическом прошлом заявителя. Заявитель рассказал, что в Иране он работал с лицами, связанными с разными университетами, которые были известны как противники режима. Он в основном работал над созданием и публикацией веб-страниц. Он и еще один человек были задержаны в апреле 2007 года. Он был освобожден после 24 часов и госпитализирован в связи с высоким кровяным давлением.

15. Перед выборами 12 июня 2009 г. заявитель работал с Зеленым движением, которое поддерживало Мусави на президентских выборах путем распространения своих посланий через Интернет. В день накануне выборов он и его друзья были задержаны, допрошены и заключены под стражу на избирательном участке.

16. После выборов заявитель участвовал в демонстрациях и иной деятельности. Он был вновь арестован в сентябре 2009 г. и лишен свободы на 20 дней. В тюрьме с ним обращались жестоко. В октябре 2009 года он был доставлен в Революционный суд, который освободил его через день при условии, что он будет сотрудничать с властями и следить за своими друзьями. Он согласился на эти требования и передал свои офисные помещения в качестве гарантии. Он также заверил власти, что не будет участвовать в демонстрациях и будет

являться к ним по вызову. После освобождения в парке он обнаружил, что его офисные помещения были обысканы. Он хранил там важные политические материалы, которые власти должны были найти, а его паспорт и другие документы исчезли.

17. На 2 ноября 2009 г. заявителя вызвали в Революционный суд. Он связался с другом, который в свою очередь заручился поддержкой контрабандиста, чтобы помочь ему покинуть страну. Заявитель представил повестку из Революционного суда от 21 октября 2009 г., в которой указывалось, что он должен явиться в тюрьму Эвин (*Evin*) в г. Тегеране 2 ноября 2009 г.

18. Интервью в миграционной службе продолжалось примерно два часа, впоследствии протокол был направлен заявителю и его адвокату для комментариев. Адвокат сообщил, что заявитель не прочитал сертификат от пастора конгрегации до интервью, поскольку он не был переведен, и что заявитель собирался представить формальный сертификат о крещении.

19. 29 апреля 2010 г. миграционная служба отклонила ходатайство заявителя о предоставлении убежища. Во вводной части она указала, что, хотя заявитель не доказал свою личность или гражданство, она установила их вероятность.

20. Что касается ходатайства о предоставлении политического убежища, миграционная служба указала, что его участие в демонстрациях или связь с Зеленым движением сами по себе не могли вызвать риск преследования, жестокого обращения или наказания в случае возвращения в Иран. Миграционная служба отметила, что заявитель в некоторых частях изменил свою версию во время разбирательства и, в частности, изменил свои объяснения по поводу количества его задержаний. Кроме того, он не мог назвать парк, в котором был освобожден в октябре 2009 года. Исходя из этого миграционная служба поставила под вопрос, был ли он задержан вообще. Миграционная служба также отметила, что политическая деятельность заявителя была ограниченной. После допроса в 2007 году и до выборов в 2009 году он мог продолжать работать с веб-страницами, содержащими критический материал, хотя, по словам заявителя, в это время власти уже знали о его деятельности. По этим причинам миграционная служба решила, что заявитель не мог представлять интерес для властей в связи с его деятельностью или имеющимися у него материалами.

21. В отношении обращения заявителя в христианство миграционная служба заметила, что обращение и крещение не имело место в Церкви Швеции и что заявитель не предоставил доказательств своего крещения. Сертификат от пастора конгрегации мог рассматриваться только как ходатайство в миграционную службу о предоставлении заявителю убежища. Заявитель первоначально не намеревался ссылаться на свое обращение как

на основание для предоставления убежища и указывал, что его новое вероисповедание – это его частное дело. Исповедание своей веры в частном порядке не было признано уважительной причиной, чтобы полагать, что ему грозит преследование в случае возвращения. На основании изложенного миграционная служба решила, что заявитель не доказал, что он нуждается в защите в Швеции.

22. Заявитель подал жалобу в Миграционный суд (*Migrationsdomstolen*), где поддержал свои требования и ссылаясь на политические и религиозные основания для предоставления убежища. Что касается последних, он приложил сертификат о крещении от 31 января 2010 г. Он отреагировал на решение миграционной службы, которая, по его мнению, предполагала, что обращение в «свободную церковь» имело меньшее значение, чем в Церковь Швеции. Он объяснил, что причина первоначального нежелания ссылаться на свое обращение заключалась в том, что он не хотел опоплять серьезность своих убеждений.

23. 16 февраля 2011 г. миграционная служба провела устное слушание в присутствии заявителя, его адвоката, переводчика и представителя миграционной службы.

24. Миграционная служба не оспаривала тот факт, что заявитель в то время исповедовал христианскую веру, но посчитала, что самого по себе этого недостаточно для того, чтобы считать его нуждающимся в защите. Она сослалась на оперативное руководство Министерства внутренних дел Соединенного Королевства от января 2009 года.

25. Заявитель сообщил, что не хотел ссылаться на свое обращение в христианство как на основание для предоставления убежища и считал это чем-то личным. Он добавил, что «однако это несомненно создаст [ему] проблемы в случае возвращения».

26. В отношении его политического прошлого он пояснил, в частности, что у него были контакты со студенческим движением и многими студентами, и он помогал им с их домашними интернет-страницами. Его компьютер был изъят из его рабочего помещения, когда он находился в тюрьме. В его компьютере содержались материалы с критикой режима. Хотя он лично не критиковал режим, Президента Ахмадинежада или высших руководителей страны, заявитель посещал некоторые веб-сайты и получал карикатуры по электронной почте. Таким образом, по его мнению, было достаточно доказательств того, что он являлся противником режима. Это было в основном тем же, что и материалы, хранившиеся в его компьютере в 2007 году.

27. Повестка о явке в Революционный суд 2 ноября 2009 г. также была представлена в Миграционный суд. Заявитель объяснил, что повестка была доставлена к нему домой и его сестра передала ее ему. Он оставил повестку у друга, когда уехал из Ирана. Впоследствии этот друг направил повестку другому другу, который собирался на

Украину и обещал переслать повестку заявителю в Швецию. Больше его не вызывали, и семью не трогали. Однако что-то могло произойти, но семья не хотела его обременять.

28. 9 марта 2011 г. Миграционный суд отклонил жалобу заявителя. Он отметил, что заявитель более не ссыался на свои религиозные взгляды как на основание для преследования и не указывал на данную причину в своем заключении.

29. Миграционный суд признал, что рассказ заявителя в поддержку его ходатайства о предоставлении политического убежища был связным и достоверным во многих существенных пунктах. Он решил, что неопределенности, на которые было указано миграционной службой, были удовлетворительно объяснены. Однако что касается повестки в Революционный суд, Миграционный суд счел, независимо от подлинности документа, что она не могла сама по себе обосновать необходимость защиты. Миграционный суд подчеркнул в этом отношении, что документ был всего лишь повесткой и в нем не приводились причины того, почему заявитель должен явиться в тюрьму Эвин. Кроме того, информация относительно политической деятельности заявителя была в целом неясной и неконкретной. Заявитель указал только, что участвовал в оппозиционной кампании перед выборами 2009 года, примкнув к демонстрациям и поддерживая контакты со студенческими движениями и студентами для оказания им помощи с их веб-страницами. Кроме того, заявитель сообщил, что материал, который находился в его распоряжении во время допроса в 2007 году, не отличался от материала, который имелся в 2009 году. Эти обстоятельства совместно с тем фактом, что после ноября 2009 года его больше не вызывали в Революционный суд и его семью не тронули, заставили Миграционный суд сомневаться в том, что его политическая деятельность имела такие характер и масштаб, чтобы вызвать предполагаемые последствия. Миграционный суд решил, что заявитель преувеличил значение своей политической деятельности и ее последствия, а следовательно, и интерес властей к себе. По этим причинам он пришел к выводу, что заявитель не доказал, что власти Ирана имели к нему особый интерес и поэтому он нуждался в защите.

30. 30 марта и 19 апреля 2011 г. заявитель запросил разрешение на обжалование в Миграционный апелляционный суд (*Migrationsöverdomstolen*). Он подтвердил свою нуждаемость в политическом убежище. Заявитель также утверждал, что в Миграционном суде он ссыался на свою смену веры. Заявитель указал, что последний вопрос был для него чувствительным и он считал его частным делом и не хотел омрачать серьезность своих убеждений. Такова была причина того, что в ответ на прямой вопрос Миграционного суда он сказал, что более не намерен ссылаться на свое обра-

ние как на основание предоставления убежища. После устного слушания в Миграционном суде он стал членом другой христианской конгрегации и принял участие в трансляции церемонии инициации в Интернете. Его страхи по поводу того, что его обращение станет известно иранским властям Ирана, таким образом, усилились. Он приложил письмо от 13 апреля 2011 г. из своей новой конгрегации, которое подкрепляло его объяснение. В частности, в нем указывалось, что заявитель сменил вероисповедание вскоре после прибытия в Швецию и что он проявил искреннее намерение и интерес в желании узнать больше о христианстве, принимал участие в церковных службах, молитвенных собраниях и общественной деятельности. Заявитель также указал, что стал членом конгрегации в феврале 2011 года и его христианские убеждения уже не были частными, поскольку службы, которые он посещал, транслировались в Интернете.

31. 8 июня 2011 г. Миграционный апелляционный суд отклонил ходатайство заявителя о разрешении на обжалование. Таким образом, приказ о высылке вступил в силу.

32. 6 июля 2011 г. заявитель просил миграционную службу приостановить исполнение его высылки и пересмотреть предыдущее решение с учетом новых обстоятельств. Он, в частности, указал, что переход из ислама в другую религию запрещен и наказывается в Иране смертью. Заявитель представил вышеупомянутое письмо от 13 апреля 2011 г. из своей новой конгрегации.

33. 13 сентября 2011 г. миграционная служба отказалась пересмотреть ходатайство заявителя о предоставлении убежища на основании его обращения. Миграционная служба отметила, что в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища заявитель указывал, что был крещен и обращен в христианство. Он также пояснил, что его обращение было личным делом, и он не хотел ссылаться на него как на основание предоставления убежища. Миграционная служба сочла заслуживающим внимания, что заявитель выдвинул вопрос об обращении в христианство, когда получил шанс разъяснить его во время устного слушания в Миграционном суде, но не сделал этого. Исходя из этого она заключила, что обращение заявителя не могло рассматриваться как новое обстоятельство, что являлось бы предпосылкой для пересмотра ходатайства миграционной службы.

34. Заявитель обжаловал решение в Миграционный суд, настаивая на своих требованиях. Заявитель утверждал, что, поскольку он ранее не ссыался на свое обращение, оно должно рассматриваться как новое обстоятельство.

35. 6 октября 2011 г. Миграционный суд отклонил жалобу. Он отметил, что власти были осведомлены об обращении заявителя в первоначальном разбирательстве, которое повлекло решение о его

высылке. Следовательно, обращение не могло рассматриваться как «новое обстоятельство». Тот факт, что заявитель ранее предпочел не ссылаться на свое обращение в христианство как на основание предоставления убежища, не меняет судебной оценки в этом отношении.

36. Ходатайство заявителя о разрешении на обжалование было отклонено Миграционным апелляционным судом 22 ноября 2011 г.

37. Поскольку согласно разделу 12, глава 22 Закона «об иностранцах» приказ о высылке теряет силу через четыре года после даты его вступления в законную силу, в настоящем деле приказ о высылке утратил силу 8 июня 2015 г.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

38. Соответствие положения относительно права иностранцев на въезд в Швецию и на пребывание там изложены в Законе «Об иностранцах» (*Utlänningslagen*, 2005:716) с изменениями от 1 января 2010 г.

39. Статья 1 главы 5 Закона «Об иностранцах» предусматривает, что иностранец, который считается беженцем или иным образом нуждающимся в защите, с определенными исключениями имеет право на вид на жительство в Швеции. Согласно статье 1 главы 4 Закона «Об иностранцах» термин «беженец» означает иностранца, который находится вне страны своего гражданства из-за обоснованных опасений стать жертвами преследования по признаку расы, национальности, религиозных или политических убеждений, пола, сексуальной ориентации или иного рода принадлежности к конкретной социальной группе и который не может или в связи с таким опасением не хочет воспользоваться защитой этой страны. Данное определение применимо независимо от того, осуществляют ли преследование власти страны или от этих властей нельзя ожидать защиты от преследования со стороны частных лиц. «Иностранец, иным образом нуждающийся в защите» означает, в частности, лицо, которое покинуло страну своего гражданства из-за обоснованного страха смертной казни или телесного наказания, пытки или иного бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (см. статью 2 главы 4 Закона «Об иностранцах»).

40. Кроме того, если вид на жительство не может быть предоставлен на вышеизложенных основаниях, он может быть выдан иностранцу, если после общей оценки его ситуации усматриваются особенно мучительные обстоятельства (*synnerligen ömmande omständigheter*), чтобы позволить ему остаться в Швеции (см. статью 6 главы 5 Закона «Об иностранцах»).

41. Что касается исполнения приказа о высылке или выдворении, следует учитывать угрозу смертной казни или пытки и другого бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Согласно специальной норме о препятствиях для исполнения иностранец не может быть выдворен в страну, если есть разумные основания полагать, что там ему угрожает опасность быть приговоренным к смертной казни или телесному наказанию, подвергнуться пыткам или иному бесчеловечному или унижающему достоинству обращению или наказанию (см. статью 1 главы 12 Закона «Об иностранцах»). Кроме того, высылка иностранца в страну, где он может подвергнуться преследованию, не допускается в принципе (см. статью 2 главы 12 Закона «Об иностранцах»).

42. При определенных условиях иностранцу может быть предоставлен вид на жительство, даже если приказ о высылке или выдворении вступил в законную силу. Согласно статье 18 главы 12 Закона «Об иностранцах» это происходит в случае появления новых обстоятельств, указывающих на наличие разумных оснований полагать, что в случае исполнения такого приказа иностранцу будет угрожать опасность подвергнуться смертной казни, телесным наказаниям, пыткам или другим видам бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания или когда приказ о высылке не может быть исполнен по медицинским или иным особым причинам.

43. Если вид на жительство не может быть предоставлен в соответствии со статьей 18 главы 12 Закона «Об иностранцах», миграционная служба может вместо этого пересмотреть вопрос. Данный пересмотр проводится в случаях, когда на основании новых доказательств, на которые ссылается иностранец, можно допустить существование сохраняющихся препятствий для исполнения приказа того характера, о котором говорится в статьях 1 и 2 главы 12 Закона «Об иностранцах», и что об этих обстоятельствах нельзя было сообщить ранее или иностранец доказал наличие уважительных причин, по которым он этого не сделал. Если применимые условия не выполнены, миграционная служба принимает решение об отказе в пересмотре дела (см. статью 19 главы 12 Закона «Об иностранцах»).

44. Согласно Закону «Об иностранцах» вопросы относительно права иностранцев на въезд и пребывание в Швеции рассматриваются тремя органами: миграционной службой, Миграционным судом и Миграционным апелляционным судом. Однако жалоба на решение миграционной службы о непредоставлении вида на жительство в соответствии со статьей 18 главы 12 Закона «Об иностранцах» не подается (см. противоположный пример в главе 14 Закона «Об иностранцах»). Согласно статье 16 главы 11 Закона «Об иностранцах» раз решение на обжалование является условием для

рассмотрения дела по существу Миграционным апелляционным судом. Разрешение на обжалование дается, если это имеет значение для руководства применением закона, на основании которого Миграционный апелляционный суд рассматривает жалобу, или если имеются экстраординарные причины для такого рассмотрения.

В соответствии со статьей 22 главы 12 Закона «Об иностранцах» приказ о высылке, который не был выдан судом общей юрисдикции (то есть не вследствие уголовного осуждения), теряет силу через четыре года после вступления в законную силу. Когда срок давности по приказу о высылке истекает, иностранец может заново обратиться за предоставлением убежища и вида на жительство. Новое заявление влечет полное рассмотрение миграционной службой причин, выдвинутых иностранцем, и в случае отрицательного решения службы оно может быть обжаловано в Миграционный суд и Миграционный апелляционный суд в соответствии с правилами, относящимися к обычному разбирательству по поводу убежища и вида на жительство. Жалоба на отрицательное решение службы имеет приостанавливающее действие, и иностранец, соответственно, не может быть выслан, пока разбирательство продолжается.

45. 30 ноября 2011 г. Миграционный апелляционный суд Швеции вынес решение (MIG 5 (25), 2011:29) по поводу оценки угрозы преследования в делах об обращении *sur place*¹. Он указал, что при оценке того, убедительно ли доказал иностранец, что его обращение из одной религии в другую было искренним, поскольку было основано на искренних личных убеждениях, должна осуществляться индивидуальная оценка в соответствии с руководством УВКБ по процедурам и критериям определения статуса беженца в соответствии с Конвенцией 1951 года, Протоколом 1967 года, касающимся статуса беженцев (далее – руководство УВКБ), и рекомендациями УВКБ о международной защите по требованиям беженцев, основанным на религии (далее – рекомендации УВКБ). Общая оценка должна производиться на основе обстоятельств, при которых обращение имело место, и того, можно ли ожидать, что заявитель сможет жить как обращенный на родине. Кроме того, в случае лиц, которые обратились в новую веру после выезда из страны происхождения (обращение *sur place*), вопрос достоверности требует особого внимания. Если обращение произошло вскоре после того, как

решение о высылке заявителя стало окончательным и не подлежащим обжалованию, особое внимание следует уделить достоверности заявлений об обращении. Заявитель, обращение которого считалось не основанным на искреннем убеждении, убедительно не доказал, что в случае возвращения в страну происхождения он имел намерение жить там в качестве обращенного и впоследствии привлекать внимание властей или лиц.

46. 12 ноября 2012 г. генеральный директор по правовым вопросам Миграционной службы Швеции издал «общую правовую позицию» относительно религии как основания для предоставления убежища включая обращение (*Rättsligt ställningstagande angående pelugiu som asylskäl inklusive konvertering*, RCI 26/2012). Она была основана на вышеупомянутом решении Миграционного апелляционного суда (MIG 5 (25) 2011:29), рекомендациях УВКБ и решении от 5 сентября 2012 г. Суда Европейского союза по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» (*Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z*) (№№ C-71/11 и C-99/11) (см. § 50 настоящего Постановления). Согласно правовой позиции достоверность обращения должна быть тщательно проверена для определения того, имело ли место искреннее обращение. Лицо, чье обращение не основано на искреннем убеждении, вероятнее всего, не будет исповедовать свою новую религию по возвращении в страну происхождения. Кроме того, если заявитель не заслуживает доверия, должна быть произведена оценка того, атрибутируется ли приверженность новой религии лицу по возвращении в страну происхождения. При этой оценке целесообразно рассмотреть вопрос о том, может ли обращение дойти до сведения властей или любого другого актора, который может представлять угрозу, и дойдет ли оно до него. Наконец, лицо, пережившее искреннее изменение своей веры или которому грозит атрибуция нового религиозного убеждения и которому поэтому грозит преследование, не должно принуждаться к сокрытию своей веры только для избежания преследования.

47. 10 июня 2013 г. генеральный директор по правовым вопросам Миграционной службы Швеции издал «общую правовую позицию» относительно методологии оценки благонадежности и достоверности заявлений о международной защите (*Rättsligt ställningstagande angående metod för prövningen av tillförlitlighet och trovärdighet*, RCI 09/2013), которая была основана, в частности, на оценке УВКБ в его докладе «Вне сомнений: оценка достоверности в системах убежища ЕС» (*Beyond Proof; Credibility Assessment in EU Asylum Systems*) от мая 2013 года. В ней указывается, что заявитель обязан представить все соответствующие элементы, необходимые для обоснования своего обращения о международной защите, и что первоначальное бремя доказывания возлагается на заявителя.

¹ *Sur place* (фр.) – на месте. В данном контексте имеются в виду беженцы на месте (беженцы *sur place*) – лица, которые не являются беженцами при выезде из страны своего происхождения, но которые становятся таковыми позднее (то есть у них появляется вполне обоснованное опасение стать жертвами преследований). Беженцы на месте могут опасаться преследований из-за военного переворота на своей родине, начала или усиления репрессий после своего отъезда (примеч. редактора).

Однако ответственность за оценку ходатайства о международной защите возлагается на заявителя и на рассматривающий орган. Кроме того, из правовой позиции также следует, что доказательства в деле о предоставлении убежища состоят не только из объяснений заявителя, но и из подкрепляющих данных, таких как документы, свидетельские показания и информации о стране.

III. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

48. Директива Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. «О минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в международной защите по иным основаниям, и объеме предоставляемой защиты» (далее – директива о квалификации), замененная Директивой Совета 2011/95/EU Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г. о стандартах квалификации граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве бенефициаров международной защиты, о едином статусе беженцев или лиц, имеющих право на дополнительную защиту, а также о содержании предоставляемой защиты, которая применяется с 9 января 2012 г., в соответствующих частях предусматривает следующее:

«...Статья 4. Оценка фактов и обстоятельств

1. Государства-члены могут считать, что заявитель обязан как можно скорее предоставить все элементы, необходимые для обоснования своего ходатайства о предоставлении международной защиты. Государство-член обязано сотрудничать с заявителем, производя оценку соответствующих элементов ходатайства.

2. Элементы, упомянутые в пункте 1, представляют собой заявления и всю документацию, имеющуюся в распоряжении заявителя относительно его возраста, происхождения, в том числе родственников, личности, гражданства, страны (стран) и места (мест) предыдущего проживания, предыдущих ходатайств о предоставлении убежища, маршрутов передвижения и причин ходатайства о международной защите.

3. Оценка ходатайства о международной защите осуществляется индивидуально и учитывает следующее:

(а) все существенные факты, касающиеся страны происхождения, имеющиеся на момент принятия решения по ходатайству, в том числе законы и подзаконные акты страны происхождения и особенности их применения;

(б) существенные заявления и документы, представленные заявителем, в том числе информацию о том, подвергается и может ли подвергнуться заявитель преследованиям или риску причинения серьезного вреда;

(с) личную позицию и обстоятельства заявителя, в том числе такие факторы, как биографические

данные, пол и возраст, для того, чтобы определить, являются ли действия, которым подвергся или мог подвергнуться заявитель ввиду своих личных обстоятельств, его преследованием или причинением ему серьезного вреда;

(d) были ли действия заявителя после того, как он покинул страну происхождения, направлены исключительно или главным образом на создание необходимых условий для подачи ходатайства о предоставлении международной защиты с тем, чтобы оценить, приведут ли эти действия к преследованию заявителя или причинению ему серьезного вреда в случае его возвращения в эту страну;

(е) есть ли у заявителя веские основания рассчитывать на то, что он сможет получить защиту другой страны, на гражданство которой он мог бы претендовать.

4. Тот факт, что заявитель уже подвергался преследованиям, ему уже причинялся тяжкий вред или поступали прямые угрозы такого преследования или вреда, является серьезным признаком наличия у заявителя обоснованных опасений стать жертвой преследования или реальной угрозы причинения ему тяжкого вреда, за исключением случаев, когда существуют веские основания полагать, что подобное преследование или серьезный вред более не повторятся.

5. Если государство-участник применяет принцип, согласно которому заявитель обязан обосновать свое ходатайство о предоставлении международной защиты, и если утверждения заявителя не подтверждаются документальными или иными доказательствами, эти аспекты не требуют подтверждения при соблюдении следующих условий:

(а) заявитель сделал реальную попытку обосновать ходатайство;

(б) были представлены все значимые элементы, имеющиеся в распоряжении заявителя, и было дано удовлетворительное объяснение отсутствия других значимых элементов;

(с) утверждения заявителя признаны непротиворечивыми и правдоподобными и соответствуют имеющейся по его делу информации конкретного и общего характера;

(d) заявитель при первой же возможности подал ходатайство о предоставлении международной защиты, за исключением случаев, когда заявитель может привести уважительные причины, по которым он этого не сделал, и

(е) установлено, что в целом заявитель заслуживает доверия.

Статья 5. Потребности в международной защите *sur place*

1. Вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований или подвергнуться реальному риску причинения серьезного вреда могут основываться на событиях, которые произошли после того, как заявитель покинул страну своего происхождения.

2. Вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований или подвергнуться реальному риску причинения серьезного вреда могут осно-

вываться на действиях, предпринятых заявителем с того момента, когда он покинул страну своего происхождения, в частности, если установлено, что действия, которые принимаются во внимание, являются выражением убеждений или взглядов, которых заявитель придерживался в стране происхождения.

3. Без ограничения положений Женевской конвенции государства-участники могут определить, что заявителю, подающему повторное ходатайство, обычно не предоставляется статус беженца, если риск преследования основывается на обстоятельствах, которые заявитель создал по своему собственному решению после того, как покинул страну своего происхождения...

Статья 9. Действия по преследованию

1. Действия, рассматриваемые как преследования в свете статьи 1(А) Женевской конвенции, должны:

(а) быть достаточно серьезными по своему характеру или повторяемости и представлять собой серьезное нарушение основных прав человека, в частности, прав, которые не могут быть нарушены согласно пункту 2 статьи 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод,

или

(b) являться комплексом разных мер, включая нарушение прав человека, которые являются достаточно серьезными, чтобы ущемлять интересы лица таким же образом, как указано в подпункте (а).

2. Действия по преследованию, определенные в пункте 1, могут, в частности, иметь форму:

(а) актов физического или психического насилия, в том числе актов сексуального насилия;

(b) правовых, административных, полицейских и/или судебных мер, которые сами по себе являются дискриминационными или осуществляются дискриминационным способом;

(с) судебного преследования или наказания, которое является несоразмерным или дискриминационным;

(d) отказа в судебном обжаловании, что приводит к несоразмерному или дискриминационному наказанию;

(е) судебного преследования или наказания за уклонение от военной службы в таком конфликте, когда военная служба может включать совершение преступления или актов, подпадающих под изъятия, предусмотренные в статье 12(2);

(f) актов, направленных против определенного пола или детей.

3. В соответствии со статьей 2(с) должна существовать связь между причинами, перечисленными в статье 10, и актами преследования, определенными в пункте 1.

Статья 10. Причины преследования

1. Государства-члены принимают во внимание следующие факторы при оценке причин преследований:

(а) концепция расы, в частности, включает такие признаки, как цвет кожи, происхождение или принадлежность к определенной этнической группе;

(b) концепция религии, в частности, включает такие признаки, как теистические, нетеистические и атеистические убеждения, участие или неучастие в формальном богослужении публично или частным образом как индивидуально, так и совместно с другими лицами, другие религиозные действия или выражение мнения, формы личного или общинного поведения, которые основываются или проявляются на любых религиозных убеждениях...».

49. Директива Совета 2005/85/ЕС от 1 декабря 2005 г. (Директива о процедурах предоставления убежища) «О минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца», была заменена Директивой 2013/32/EU Европейского парламента и Совета от 26 июня 2013 г. об общих процедурах предоставления и отмены международной защиты, которая применяется с 19 июля 2013 г. Первая, в частности, указывала следующее:

«...Раздел III. ПРОЦЕДУРЫ РАССМОТРЕНИЯ В ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Глава II

Статья 25. Недопустимые ходатайства

1. В дополнение к случаям, когда ходатайство не рассматривается согласно Регламенту (ЕС) № 343/2003, от государств-членов не требуется рассматривать вопрос о квалификации лица в качестве беженца в соответствии с Директивой 2004/83/ЕС, если ходатайство считается недопустимым в соответствии с настоящей статьей.

2. Государства-члены могут считать ходатайства недопустимыми в соответствии с настоящей статьей, если...

...(f) заявитель подал повторное ходатайство после принятия окончательного решения...

Глава IV

Статья 32. Повторное ходатайство

1. Если лицо, подавшее ходатайство о предоставлении убежища в государстве-члене, предоставляет дополнительную информацию или ходатайствует повторно, то государство-член может рассматривать такую информацию или элементы последующего ходатайства в рамках рассмотрения предыдущего ходатайства или процедуры пересмотра или обжалования в такой степени, в которой компетентные органы могут принять во внимание и рассмотреть все элементы дополнительной информации или последующего ходатайства.

2. Кроме того, государства-члены могут применять специфическую процедуру, оговоренную в пункте 3, если лицо подает повторное ходатайство о предоставлении убежища после того, как:

(а) его предыдущее ходатайство было отозвано или прекращено на основании статей 19 и 20;

(b) было принято решение по его предыдущему ходатайству. Государства-члены могут также применять данную процедуру только после принятия окончательного решения.

3. Повторное ходатайство о предоставлении убежища является предметом предварительной проверки в отношении того, появились ли после отзыва предыдущего ходатайства или принятия по нему решения, согласно пункту 2(b) настоящей статьи, новые сведения или элементы, относящиеся к проверке того, можно ли квалифицировать лицо как беженца согласно Директиве 2004/83/ЕС, и были ли они представлены заявителем...

Раздел V

Статья 39. Право на эффективную правовую защиту

1. Государства-члены обеспечивают, чтобы заявители, ходатайствующие о предоставлении убежища, имели право на эффективную правовую защиту в суде или трибунале в отношении:

(a) решения, принятого по ходатайству о предоставлении убежища, в том числе решения:

(i) считать ходатайство недопустимым в соответствии со статьей 25(2)...

50. 5 сентября 2012 г. Большая Палата Суда Европейского союза (далее – CJEU) вынесла решение по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» (*Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z*) (NºNº C-71/11 и C-99/11). Оно касалось двух искателей убежища из Пакистана, которые утверждали, что они подвергались жестокому обращению в связи с принадлежностью к мусульманской общине ахмадийя, исламскому реформистскому движению, и что по этой причине были вынуждены покинуть страну происхождения. Власти Германии установили, что Y и Z были искренне преданы своей вере и что их жизнь в Пакистане определялась ею. Они продолжали исповедовать свою религию в Германии и считали, что публичное исповедание веры имеет существенное значение для сохранения своей религиозной идентичности. Обращения по поводу предварительного решения касались толкования статей 2(c) и 9(1)(a) Директивы Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. «О минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства как беженцев или лиц, нуждающихся в силу иных причин в международной защите, и содержании предоставляемой защиты». Административный суд Германии (*Bundesverwaltungsgericht*) поставил перед CJEU три вопроса. Во-первых, он спрашивал, в какой степени нарушение свободы религии и, в частности, права лица на полное и открытое исповедание своей веры может быть «актом преследования» в значении статьи 9(1)(a) Директивы 2004/83/ЕС. Далее, внутригосударственный суд спрашивал CJEU, должна ли была концепция акта преследования быть ограничена нарушениями, затрагивающими лишь «ключевую сферу» свободы религии. Наконец, он задал CJEU вопрос о том, было

ли опасение беженца по поводу преследования обоснованным в значении статьи 2(c) Директивы 2004/83/ЕС, если беженец собирался в случае возвращения в страну своего происхождения совершать религиозные акты, которые ставили под угрозу его жизнь, свободу или неприкосновенность, или было ли разумным ожидать, что это лицо оставит практику таких актов. В своем заключении CJEU указал следующее:

«1. Статья 9(1)(a) Директивы Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. “О минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства как беженцев или лиц, нуждающихся в силу иных причин в международной защите, и содержании предоставляемой защиты” должна толковаться как означающее следующее:

– не каждое вмешательство в право на свободу религии, которое нарушает статью 10(1) Хартии Европейского союза по правам человека, может составлять “акт преследования” в значении этого положения Директивы;

– возможен акт преследования в результате вмешательства во внешнее выражение этой свободы, и

– для целей определения того, может ли вмешательство в право на свободу религии, которое нарушает статью 10(1) Хартии Европейского союза по правам человека, составлять “акт преследования”, компетентные органы должны удостовериться, с учетом личных обстоятельств заинтересованного лица, подвергается ли это лицо вследствие осуществления этой свободы в стране его происхождения реальной угрозе, в частности, преследования или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания со стороны одного из акторов, упомянутых в статье 6 Директивы 2004/83.

2. Статья 2(c) Директивы 2004/83 должна толковаться как означающая, что опасение заявителя по поводу преследования является обоснованным, если в свете личных обстоятельств заявителя компетентные органы полагают, что можно обоснованно думать, что после его возвращения в страну его происхождения он будет участвовать в религиозных обрядах, которые подвергнут его реальной угрозе преследования. При оценке ходатайства о признании статуса беженца на индивидуальной основе эти органы не могут разумно ожидать, чтобы заявитель воздержался от этих религиозных практик».

51. 2 декабря 2014 г. Большая Палата CJEU вынесла решение по делу («A, B и C против Государственного секретаря по безопасности и юстиции» (*A, B и C v. Staatssecretaris van Veiligheid en Justitie*)) (NºNº C-148/13, C-149/13 и C-150/13 совместно). Оно затрагивало граждан третьей страны, которые подали обращение о предоставлении убежища в Нидерландах, поскольку они боялись преследования в соответствующих странах происхождения, в частности, в связи с их гомосексуализмом. Государственный совет Нидерландов (*Raad van State*) запросил предварительное решение по поводу толкования статьи 4 Директивы Совета 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. относи-

тельно того, ограничивает ли законодательство ЕС действия государств-членов при оценке обращений о предоставлении убежища, поданных заявителем, который боялся преследования в своей стране происхождения по признакам сексуальной ориентации. В своем заключении CJEU указал следующее:

«Статья 4(3)(с) Директивы 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. “О минимальных стандартах квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства как беженцев или лиц, нуждающихся в силу иных причин в международной защите, и содержании предоставляемой защиты” и статья 13(3)(а) Директивы 2005/85/ЕС от 1 декабря 2005 г. “О минимальных стандартах для процедур государств-членов по предоставлению и отмене статуса беженца” должны толковаться как препятствующие в контексте оценки компетентными национальными органами, действующими под надзором судов, фактов и обстоятельств относительно провозглашенной сексуальной ориентации обратившегося за предоставлением убежища, чье обращение основано на опасении преследования по признакам этой сексуальной ориентации, заявлениям этого заявителя и документальным и иным данным, подвергшимся оценке этими органами на основании вопросов, основанных только на стереотипных понятиях относительно гомосексуалистов.

Статья 4 Директивы 2004/83 во взаимосвязи со статьей 7 Хартии Европейского союза по правам человека должна толковаться как препятствующая в контексте этой оценки компетентным органам в проведении подробного вопроса относительно сексуальных практик обратившегося за предоставлением убежища.

Статья 4 Директивы 2004/83 во взаимосвязи со статьей 1 Хартии Европейского союза по правам человека должна толковаться как препятствующая в контексте этой оценки принятию этими органами данных, таких как совершение обратившимся за предоставлением убежища гомосексуальных актов, прохождение им “тестов” с целью установления его гомосексуализма или еще предоставление им фильмов о таких актах.

Статья 4(3) Директивы 2004/83 и статья 13(3)(а) Директивы 2005/85 должны толковаться как препятствующие в контексте этой оценки компетентным национальным органам в установлении того, что показания обратившегося за предоставлением убежища не являются достоверными только потому, что заявитель не ссыался на объявленную сексуальную ориентацию при первой возможности, предоставленной ему для изложения оснований для преследования».

IV. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ УПРАВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ (УВКБ)

52. 28 апреля 2004 г. УВКБ издало Рекомендации¹ по международной защите относительно тре-

бований беженцев на религиозной основе, которые под заголовком «Анализ по существу, А. определение “религии”» (*Substantive Analysis, A. defining “religion”*), в частности, указывают:

«...9. Установление искренности веры, идентичности и/или определенного образа жизни совсем необязательно в каждом случае. К примеру, совсем необязательно, чтобы отдельный человек (или же группа людей) объявляла о том, что он или она принадлежит к определенной религии, придерживается какого-то конкретного вероисповедания или же придерживается каких-либо религиозных обычаев, которые преследователь вменяет им или связывает с этой религией, верой или обычаями. Как говорится в приведенном ниже § 31, может быть и так, что заявителю совсем необязательно знать что-либо о религии или понимать что-либо в ней в том случае, когда он или она другими были идентифицированы как принадлежащие к этой конкретной группе, в результате чего они боятся преследования. Человек (или группа людей) могут подвергаться преследованиям по религиозным мотивам даже в том случае, когда этот человек или другие члены группы твердо отрицают то, что их верования, идентичность и/или образ жизни представляют собой “религию”».

Согласно рекомендациям религиозные убеждения, идентичность или образ жизни могут рассматриваться в качестве основ идентичности человека, которые человек не должен быть вынужден скрывать, изменять или отказываться от них для того, чтобы избежать преследований. Ограничения свободы исповедания религии или убеждений могут быть оправданными, если они предусмотрены законом и необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, а также основных прав и свобод других лиц. Даже несмотря на то, что дискриминация по религиозным мотивам запрещена в соответствии с международным законодательством по правам человека, необязательно, что каждая дискриминация достигает уровня, требуемого для того, чтобы за заявителем был признан статус беженца. В целях анализа заявлений на предоставление убежища необходимо проводить разграничение между дискриминацией, которая приводит просто к предпочтительному обращению, и дискриминацией, которая ведет к преследованию, поскольку все эти факторы вместе или каждое в отдельности серьезно ограничивают возможность заявителя по реализации его фундаментальных прав человека. Кроме того, в тех случаях, когда люди переходят в другую веру уже после того, как они покинули страну происхождения, может быть создан эффект заявления *sur place*. В таких ситуациях возникает определенная озабоченность относительно доверия, и требуется скрупулезное и глубокое изучение обстоятельств и того, насколько искренним было обращение в другую веру. Те вопросы, которые надо будет изучить лицам, принимающим решения, включают в себя природу и связь между любыми религиозными убеждениями, которые существо-

¹ На русском языке называются «Руководство по международной защите. Заявления на предоставление статуса беженца по религиозным мотивам» (примеч. переводчика).

вали у заявителя в стране происхождения и теми религиозными убеждениями, которых он придерживается в настоящее время, они также включают любое недовольство относительно той религии, которой заявитель придерживался в стране происхождения, например, из-за своей позиции по гендерным вопросам или вследствие сексуальной ориентации, также и то, каким образом заявитель узнал о новой религии в стране, предоставившей убежище, его ожидания от этой религии, его психическое состояние, а также наличие подтверждающих свидетельств относительно уровня его участия и членства в новой религии. Так называемая деятельность в «собственных интересах» не вызывает справедливо обоснованного страха быть подвергнутым преследованиям в стране происхождения заявителя в тех случаях, когда оппортунистическая природа такой деятельности будет несомненной для всех, включая власти страны происхождения, и не предвидится каких-либо неблагоприятных последствий для заявителя, если он будет возвращен в страну происхождения.

53. УВКБ также опубликовало руководство по процедурам и критериям определения статуса беженца согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года о статусе беженцев (руководство УВКБ). Параграф 67 руководства предусматривает следующее:

«Задачей проверяющего лица при изучении обстоятельств дела является установление причины или причин преследований и принятие решения о том, соответствуют ли они определению Конвенции 1951 года. Очевидно, что причины преследования по этим различным мотивам будут частично совпадать. Чаще всего будет присутствовать более чем один элемент, связанный с одним лицом, например, политическим оппонентом, который принадлежит к религиозной или национальной группе или обеим сразу, и совокупность этих причин для одного лица будет иметь значение при оценке его вполне обоснованных опасений».

Также имеет значение доклад УВКБ «Вне доказывания: оценка достоверности в системах убежища ЕС» (*Beyond Proof: Credibility Assessment in EU Asylum Systems*) от мая 2013 г.

V. РЕШЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА США

54. Соответствующие решения Верховного суда США, «Соединенные Штаты против Стигера» (*United States v. Steeger*¹), 380 U.S. 163 (1965) и «Уэлш против Соединенных Штатов» (*Welsh v. United States*) от 15 июня 1970 г. касались отказников от военной службы по мотивам совести и «теста религиозного убеждения», вынесенные Верховным судом США в соответствии с § 6(j) Закона о всеобщей военной подготовке и службе. В первом решении Верховный суд указал, что тест религиозного убеждения согласно § 6(j) заключается в том, имеется ли искреннее и значимое убежде-

ние, занимающее в жизни обладателя место, занимаемое Богом у тех, кто считается имеющим право на освобождение. Таким образом, статус отказника по мотивам совести не ограничивался лицами с традиционной религиозной основой. В последнем решении Верховный суд решил, что, хотя Уэлш отрицал какую-либо религиозную основу своих убеждений, в то время как Сигер характеризовал свои пацифистские убеждения как «религиозные», убеждения Уэлша, тем не менее, должны были учитываться. Верховный суд США, в частности, указал:

«Суд разъяснил [в деле Стигера], что искренние и значимые убеждения, которые обусловили возращение лица, поставленного на воинский учет, против всех войн не требуют ограничения источником или содержанием в традиционных или узких концепциях религии. Он указал, что § 6(j) “не различает между внешне и внутренне приобретенными убеждениями”, *id.* на с. 186, а также указал, что “чрезвычайно личные” убеждения, которые кто-то может найти “недостижимыми” или “неправильными”, используются в значении “религиозного убеждения” в законе, *id.* на с. 184–185. Согласно делу Сигеру для того, чтобы возражение по мотивам совести лица, поставленного на воинский учет, против любой войны было “религиозным” в значении 6(j), необходимо, чтобы его возражение против войны следовало из моральных, этических или религиозных убеждений лица, поставленного на воинский учет, по поводу того, что правильно и неправильно, и чтобы эти убеждения поддерживались силой традиционных религиозных убеждений. Большая часть великих религий современности и прошлого воплощает идею Верховного существа или Верховной реальности, Бога, который сообщает человеку тем или иным способом сознание того, что является правильным и должно быть сделано и что неправильно и чего следует избегать. Если лицо глубоко и искренне придерживается убеждений, которые являются чисто этическими или моральными по источнику и содержанию, но, тем не менее, возлагают на него долг совести по воздержанию от участия в любой войне в любое время, эти убеждения определенно занимают в жизни этого индивида “место, параллельное занимаемому... Богом” у традиционно религиозных лиц. Поскольку его убеждения функционируют как религия в его жизни, данный индивид в такой же степени имеет право на освобождение “религиозного” отказника по мотивам совести в соответствии с § 6(j), как любой, кто основывает свою оппозицию войне по мотивам совести на традиционных религиозных убеждениях».

VI. СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ХОДАТАЙСТВУ ЗАЯВИТЕЛЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ УБЕЖИЩА ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ

55. Соответствующий справочный материал включает информацию Министерства внутренних дел Соединенного Королевства от 26 сентября 2013 г. «Иран, доклад страны происхождения» (*Iran, Country of Origin*) (COI) (Report), который, в частности, содержит разделы «История и послед-

¹ Чаще упоминается как *Seeger* (примеч. переводчика).

ние события» (*History and Recent Developments*) (главы 3 и 4), «Вызовы» (*Summonses*) (глава 11.53) и «Зеленое движение» (*Green Movement*) (глава 15.49). Также представляют интерес доклад специального докладчика ООН о ситуации с правами человека в Исламской Республике Иран от 13 марта 2014 г. и доклад Министерства иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства «Иран, страна тревоги» (*Iran, Country of Concern*) от 10 апреля 2014 г.

56. Сразу после выборов в Иране 12 июня 2009 г. Комитет по политическим делам Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) 1 октября 2009 г. принял декларацию, в которой признал насильственную реакцию властей Ирана на мирные протесты серьезным нарушением прав граждан страны. Он также призвал правительства других стран не высылать граждан этой страны в Иран. Кроме того, в докладе Госдепартамента США о правах человека за 2010 год по поводу Ирана, в разделе 2 «Свобода слова и прессы/Свобода Интернета» (*Freedom of Speech and Press/Internet Freedom*) (8 апреля 2011 г.), отмечалось:

«Правительство осуществляло мониторинг интернет-коммуникаций, особенно через сайты социальных сетей, таких как Facebook, Twitter и YouTube, и собирало персональные данные лиц в связи с мирным выражением мнения. Правительство угрожало, запугивало и задерживало лиц, которые публиковали в Интернете критические по отношению к правительству комментарии...».

Оперативное руководство Министерства внутренних дел Соединенного Королевства по Ирану, датированное ноябрем 2011 года, указывало следующее: «3.7.11... Существует реальная угроза того, что известные активисты и политические оппоненты, привлечшие внимание властей, в случае возвращения в Иран столкнутся с реальной угрозой преследования, и им следует предоставлять убежище по мотиву политического мнения».

VII. СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ХОДАТАЙСТВУ ЗАЯВИТЕЛЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ УБЕЖИЩА, ОСНОВАННОМУ НА ЕГО ОБРАЩЕНИИ

57. В документе «Уточнение ситуации с лицами, обращенными в христианство, в Иране» (*Update on the Situation for Christian Converts in Iran*) Иммиграционной службы Дании от июня 2014 года, в частности, указывается следующее:

«...1.2.1. Обвинения, предъявляемые обращенным в христианство по прошествии времени

По данным международной организации в Турции, хотя отступничество не предусмотрено в Уголовном кодексе Иране, в прошлом были случаи вынесения судьями решений об отступничестве на основании знаний судьбы и учета ислам-

ского права. Упоминается дело пастора Судманда (*Soodmand*), который был казнен в 1990 году по обвинению в отступничестве. Кроме того, дополнительно указывалось, что в 1994 году другой пастор, Мехди Дибадж (*Mehdi Dibaj*), был обвинен в отступничестве, освобожден и найден убитым в лесу. После 1990 года в Иране отсутствуют сообщения о смертных приговорах, вынесенных лицам, обращенным из ислама в христианство за отступничество. Последнее дело, в котором обращенный был обвинен в отступничестве, это дело Юсефа Надерхани (*Yousef Naderkhani*), пастора Церкви Ирана, которое широко освещалось в международных средствах массовой информации. Он был приговорен к трем годам лишения свободы.

В 2009–2010 годах, когда возникло дело Надерхани, суды подвергались давлению режима в целях использования обвинений в отступничестве в делах относительно обращенных. Однако суды сопротивлялись, так как дела об отступничестве передавались в специальные религиозные суды для духовенства. Религиозные суды были единственными судами, которые могли судить по обвинениям в отступничестве, и, следовательно, только в случае обращения клирика такое обвинение могло быть применимым. Вместо этого в судах, помимо религиозных, дела с участием обращенных могли использовать обвинения в нарушении общественного порядка, а не в отступничестве.

После 2011 года единственное изменение в обращении властей с лицами, перешедшими в христианство, заключается в кристаллизации, что отступничество не применимо к обращенным в христианство. Власти Ирана указали в 2009–2011 годах, что домашние церкви были связаны с внешними движениями, например, с сионистскими движениями и зарубежными организациями, например, в США. Режим считает усилия евангелических движений посягательством против иранского режима. В результате евангелические церкви и домашние церкви рассматриваются с точки зрения национальной безопасности. Это мнение режима объясняет, почему некоторые дела с участием обращенных, особенно лидеров домашних церквей, также включают обвинения политического характера.

По поводу дела Юсефа Надерхани «Крисчен солидарити уорлдуайд» (*Christian Solidarity Worldwide*) (CSW) заявила, что, по сведениям организации, Надерхани до сих пор проживает в г. Реште (*Rasht*) и продолжает пасторскую деятельность. Не было случаев отступничества у христиан в Иране после дела Надерхани, в котором обвинения были отклонены. Сейчас все обвинения против обращенных и пасторов/лидеров домашних церквей имеют политический характер и связаны с утверждениями об угрозе национальной безопасности или шпионаже, включая связи с иностранными органами и врагами Ирана, в том числе с сионистами...

1.6. Ситуация с обращенными лицами, которые возвращаются в Иран после обращения за границей, то есть в Европе/ западных странах

Мансур Борджи (*Mansour Borji*) пояснил, что 20 лет назад было возможно крещение обратившегося

в христианство в церкви в Иране. Со временем церкви, осуществлявшие крещение, заплатили цену, и в связи с постепенным давлением эта возможность сейчас исчезла. После 2006–2007 годов обращенные лица более не крестятся в церквях Ирана, поскольку никто не рискует проводить крещение. Обращенные в христианство начали ездить для крещения в Турцию и другие соседние страны. В ответ на вопрос, осуществляют ли крещение домашние церкви, источник сообщил, что некоторые церкви могут это делать. Что касается ситуации с обращенными, которые возвращаются в Иран после крещения за границей, будь то в Турции, Армении, ОАЭ или другой стране, источник указал, что они спокойно могут вернуться в Иран и не столкнуться с какими-либо проблемами. Если лицо уже находится под наблюдением властей, оно может столкнуться с последствиями после возвращения в Иран. Согласно данным AHS, трудно получать информацию о потенциальных угрозах, с которыми лицо может столкнуться по возвращении в Иран после обращения за границей. Если иранские информаторы собирают информацию относительно лица, которое вернулось в Иран, власти могут задержать их для допроса. Возможно, что после задержания и допроса последуют обвинения и осуждение. В подобном положении может оказаться большая группа лиц: студенты, политические активисты, члены семей политических деятелей, – могут быть допрошены, как и обращенные в христианство. Относительно того, ставит ли крещение за границей лицо под угрозу со стороны властей в Иране, AHS полагает, что важность крещения должна быть сопоставлена с тем, как власти Ирана воспринимают обращенного. Лицо, которое посещало тренинг и заседания за границей, может считаться обратившимся, даже если оно официально могло не быть крещеным. В ответ на вопрос о ситуации обращенного, который возвращается в Иран после обращения за границей, то есть в Европе или западной стране, Мансур Борджи отметил, что отсутствовала разница в том, как власти Ирана рассматривали дело. Если лицо известно властям, и они проявляют к нему интерес до выезда из страны, в случае возвращения для него может существовать угроза. Если лицо неизвестно властям, источник не считал, что для него существует огромная угроза. Источник сослался на дело семьи, которая вернулась в Иран, и по возвращении они подверглись угрозам и слежке/запугиванию. Считалось, что, возможно, родственники или другие лица могли сообщить о них властям, вызвав преследование. Наконец, семья вновь покинула Иран. Они начали скрытно посещать домашнюю церковь. По поводу последствий для лица возвращения в Иран после обращения за границей CSW сообщила, что любой обращенный, который хочет исповедовать свою веру по возвращении, подвергается серьезной угрозе. Крещено ли лицо в соседней стране, в Европе или США, не имеет значения. Если лицо возвращается в Иран и в действительности не продвигает христианство, остается фактом, что такое лицо покинуло “веру” (шиитский ислам) и потому угрожает порядку режима. В ответ на вопрос о последствиях возвращения в Иран после крещения за границей “Элам министр”¹ сообщила, что многие иранцы выезжают за границу и возвра-

щаются в Иран через какое-то время. Если власти в Иране узнают о факте крещения лица за границей, такому лицу могут угрожать допрос и последствия. Источник сообщил, что власти могут установить, что лицо крестилось, благодаря информаторам и перехвату телефонных/электронных сообщений. В ответ на вопрос о том, как лица, крещенные за границей, ведут христианскую жизнь по возвращении в Иран, высказано мнение о том, что иранские обращенные нуждаются в крещении по причине исламской основы. Ментально легче жить по-христиански после того, как крещение имело место. После крещения лицо часто демонстрирует большую перемену в поведении, которая заметна остальным. По собственному опыту иранский сетевой лидер сообщил, что после обращения в христианство он больше не использовал ругательства или не злился, как ранее, и это изменение в поведении заметили члены семьи и окружавшие его лица. Также после обращения в христианство лицо получает задачу распространять свою веру среди других. Евангелизм – это часть учения Библии, и в Евангелии от Матфея сказано, что следует идти и рассказывать людям об Иисусе. Обращенные хотят исполнять это, и именно тех, кто занимается евангелизмом, власти хотят остановить. Считалось, что лица, которые возвращаются из западных стран после обращения, должны проявлять осторожность при проповедовании евангелизма. Ситуация лица, которое обратилось в Европе и затем возвращается в Иран, в основном та же, что и у иранцев, которые обратились в Иране. Данные лица должны скрываться и не говорить открыто о своем обращении. Если их обращение раскрыто и власти уведомлены, существует угроза того, что такое лицо будет заподозрено в связях с иностранными организациями, как и лицо, проживающее в Иране. Источник добавил, что те, кто проживает вне Ирана длительное время, могут подвергаться большей угрозе, поскольку власти могут заподозрить их в шпионаже. Также указывалось, что это относится не только к обращенным в христианство, но и к другим иранцам. В ответ на вопрос о положении лиц, обращенных в христианство, которые возвращаются в Иран после поездки в Турцию или другую страну и встреч с другими верующими, представители церкви единения² уведомили делегацию о том, что, если обращенные ведут себя “спокойно”, то есть не связываются с другими верующими, они могут не быть раскрыты, и поездки за границу могут не изменить положение. Источник не считал, что было бы меньше опасности для лица, которое возвращается в Иран после крещения в западной стране, если лицо отказывается от крещения и признает его частью стратегии переселения на Запад. Это применимо для их семей, но может не подходить для правительственных органов. Лица, обращенные в Иране, подвергаются арестам, пыткам и казням, они обычно не сообщают о своей религии или в заявлениях в школу. Согласно утверждениям представителей церкви единения, даже если это неизвестно властям, обращенные лица могут столкнуться с изоляцией

¹ Прозелитическая организация Ирана (примеч. переводчика).

² Под названием *Union Church*, употребленным в оригинале, могут скрываться разные организации, от униатов до общей церкви для представителей разных исповеданий, которые иногда встречаются в небольших населенных пунктах (примеч. переводчика).

и даже с «убийствами чести» со стороны родственников. Этническим христианским меньшинствам (армянам, ассирийцам) разрешено встречаться и совершать богослужения в строго регулируемых условиях. Источник сообщил, что мы слышали, что они также сталкиваются с трудностями, о части которых сообщается в средствах массовой информации».

58. В документе «Иран, Доклад страны происхождения» Министерства внутренних дел Соединенного Королевства от 26 сентября 2013 г., в частности, указано:

«...19.01. “Доклад о преследованиях христиан в Иране” всепартийной парламентской группы “Христиане в парламенте”, опубликованный в октябре 2012 года, указывает: “Дореволюционный Иран считался благосклонным к религиозным меньшинствам, и Конституция Ирана содержит гарантии фундаментальных прав человека, включая свободу выражения мнения и защиты от пытки и произвольного ареста. Статья 23 Конституции Ирана устанавливает, что: “Выяснение убеждений лиц запрещено, и никто не может быть привлечен или призван к ответу только за то, что придерживается определенного убеждения”. Однако эти права подчиняются более общему принципу того, что шариатское право пользуется приоритетом в случае любой коллизии права, поэтому данные конституционные положения не прекратили широко распространенные допросы и наказания иранцев исключительно на основании их религиозных убеждений».

19.02. В том же докладе группы отмечается также, что Конституция Ирана предусматривает защиту свободу религии для христиан, евреев и зороастрийцев, и существует система регистрации немусульманских мест богослужения. Однако в действительности даже официально признанные церкви сталкиваются с серьезными ограничениями свободы богослужений...

Религиозная демография

19.09. Книга всемирных фактов Агентства криминальной разведки (CIA) с изменениями от 22 августа 2013 г., доступ от 11 сентября 2013, излагает следующую разбивку религиозных групп в Иране: мусульмане (официально) 98% (шииты 89%, сунниты 9%), другие (включая зороастрийцев, иудеев, христиан и бахаитов) 2%...

Проект закона об отступничестве

19.21. Доклад ICHRI¹ за 2013 год “Цена веры” (*The Cost of Faith*) отметил, что «согласно ожидаемому в настоящее время утверждению нового Уголовного кодекса Ирана отступничество остается некодифицированным. Однако кодекс включает положение, ссылающееся на статью 167 Конституции Ирана, которая прямо предлагает судьям использовать исламские правовые источники, если преступления или наказания не охватываются кодексом. Это оставляет дверь открытой для продолжения практики ссылки на правовую практику, которая рассматривает

отступничество как преступление, наказываемое смертной казнью...

Преследование отступников

19.23. По поводу преследования отступников веры в докладе Лэндинго² (*Landinfo Report*) 2011 года отмечалось: “На практике люди осуждаются за отступничество очень редко”. Однако в том же источнике сообщалось: “Обвинение обращенных в отступничество, по-видимому, учащается... Формальные обвинения в отступничестве обращенных лиц в Иране имеют место относительно редко, но угрозы таких обвинений выдвигаются в судебных разбирательствах в качестве средства оказания давления на обращенных для принуждения к заявлению о том, что они раскаиваются и хотят вернуться к исламу. Во многих случаях суд решал освободить обращенного без каких-либо обвинений или предъявить другие обвинения, такие как участие в незаконных домашних церквях или контактах с иностранными средствами массовой информации».

19.24. В докладе ICHRI за 2013 год “Цена веры” сообщалось, что: “Компания может документировать три дела христиан, обвиненных в отступничестве: Мехди Дибаджа, Юсефа Надерхани и Хусейна Судманда, – и одно дело, Хусейна Судманда, в котором христианин был казнен за состояние отступничества. Судманд, обращенный и пастор, был задержан в 1990 году. После двух месяцев в тюрьме, в течение которых он, по-видимому, отказался отречься от своей веры, Судманд был казнен через повешение. Известно, был ли суд. Надерхани, также обращенный и пастор, был задержан в 2009 году и впоследствии приговорен к смертной казни. Пересмотр дела, произведенный после жалобы, привлек международное внимание. После давления со стороны ООН, Европейского союза, международных правозащитных организаций и Ватикана он был оправдан по обвинению в отступничестве и приговорен вместо этого к трем годам лишения свободы по обвинениям, связанным с евангелизмом. Он был освобожден в 2012 году после отбытия наказания...

Христиане

Данный раздел следует читать во взаимосвязи с разделами об отступничестве, преследовании отступников и мусульманах, обращенных в христианство.

19.31. В докладе Международной кампании за права человека в Иране (ICHRI) за 2013 год “Цена веры” указывалось, что “отсутствует определенная статистика о количестве христиан и обращенных в христианство, в частности, в Иране в связи с отсутствием достоверных опросов. В 2010 году исследовательская группа “Уорлд кристен дейтабейс” (*World Christian Database*, далее – WCD) сообщала о 270 057 христиан в Иране, что составляло примерно 0,36% от общего населения Ирана в 74,7 миллиона человек. В Иране имеются две основные категории христиан: этнические и неэтнические. Большинство составляют этнические

¹ Возможно, имеется в виду упоминаемая ниже «Международная кампания за права человека в Иране», антииранская организация, находящаяся в г. Нью-Йорке (примеч. переводчика).

² Центр по информации о странах происхождения, который, по его мнению, предоставляет точную, выверенную и актуальную информацию о странах происхождения иммигрантов и искателей убежища для органов иммиграции и интеграции Норвегии (примеч. переводчика).

христиане, армяне и ассирийцы (или халдеи), обладающие собственными языковыми и культурными традициями. Большинство этнических христиан являются членами своей общинной православной церкви. Неэтнические христиане по большей части являются членами протестантских церквей и в большинстве случаев, если не всегда, являются обращенными из мусульманскими лицами. WCD в 2010 году сообщала примерно о 66 700 протестантских христиан в Иране, что составляло примерно 25% из иранской христианской общины. Правительство Ирана не признает обращенных христианами, и многие обращенные не объявляют о своей вере публично из-за страха преследования. Таким образом, количество обращенных лиц в Иране, по-видимому, недооценивается. Несколько христианских организаций Ирана сообщили компании, что количество обращенных в христианство может достигать 500 000 человек, но данные подсчеты не могут быть независимо подтверждены...

Мусульмане, обращенные в христианство

...19.53. В докладе CSW ("Крисчен солидарити уорлдуайд") от июня 2012 г. указывается:

"Имеется заметное увеличение случаев запугивания, арестов, судов и лишения свободы лиц, обращенных в христианство с начала 2012 года в различных городах Ирана, с особой строгостью по отношению к лицам и группам в городах Тегеране, Керманшахе, Исфахане и Ширазе. Хотя некоторые из этих заключенных были освобождены после требования о подписании документов, препятствующих посещению собраний христиан, многие оставались под стражей, включая женщин и пожилых людей. Имело место особое увеличение количества арестов в феврале 2012 года, которое продолжалось в марте. Вновь требовались чрезмерные залоговые платежи в обеспечение временного освобождения задержанных христиан. Новая волна репрессий затронула как движение домашних церквей, так и одобренные конфессии, последние в продолжение событий, имевших место в конце 2011 года, когда правительство разгромило церковь, принадлежащую к подвергнутому санкциям движению Ассамблей Бога¹ (AOG) в Ахвазе (*Ahwaz*), заключив под стражу всех прихожан, включая учеников воскресной школы. В то время как прямые нападки на санкционированные церкви были редки в 2011 году, в 2012 году состоялись аресты лидеров англиканских церквей святого Павла и святого Петра в третьем по величине городе Ирана Исфахане (*Esfahan*). В мае [2012 года] сообщалось, что глава церкви святого Павла пастор Хекмат Салими (*Hekmat Salimi*) был временно освобожден под залог примерно в 40 000 долларов. См. доклад CSW для дополнительной информации.

19.54. 8 сентября 2012 г. "Гардиан" сообщила об освобождении из тюрьмы христианского пастора Юсефа Надерхани, но также отметила, что "в апреле [2012 года] другой пастор, Фаршид Фатхи (*Farshid Fathi*), 33 лет, стал последней жертвой государственного преследования обращенных в христианство лиц, будучи приговорен к шести годам лишения свободы Революционным судом,

как сообщает Агентство христианских новостей Ирана". Доклад USCIRF 2013 года отметил, что "часть данных, представленных в судебном разбирательстве, состояла в том, что Фатхи хранил и незаконно распространял Библии и христианскую литературу на языке фарси. Он провел несколько месяцев в одиночном заключении и остается в тюрьме".

19.55. Объединенный доклад миссии по установлению фактов Иммиграционной службы Дании, норвежской "Лэндинфо" и Совета беженцев Дании в г. Тегеране, Иран, городах Анкаре и Лондоне, Соединенное Королевство, "Об обращении в христианство, проблемы курдов и протестующих после выборов 2009 года, а также правовые проблемы и процедуры выхода" (*On Conversion to Christianity, Issues concerning Kurds and Post-2009 Election Protestors as well as Legal Issues and Exit Procedures*), 9–20 ноября 2012 г. и 8–9 января 2013 г., опубликован в феврале 2013 года [Датский доклад об установлении фактов 2013 года], сообщал об угрозе преследования обращенных в христианство лиц. Большинство использованных источников пожелали остаться анонимными. В докладе содержались следующие данные:

"Международная организация в г. Анкаре сообщила, что власти воспринимают евангелические сети как разновидность разведывательной сети и склонны преследовать евангелическую и прозелитскую деятельность. Власти не преследуют индивидуальных обращенных, но, если это перерастает в более организованную деятельность, это другой вопрос. Дополнительно сообщалось, что власти, например, не отключают телевизионные спутниковые каналы, которые транслируют христианское телевидение. Согласно источнику власти не преследуют членов домашней церкви, а охотятся за "крупной рыбой", то есть за теми, кто занимаются организацией и прозелитизмом, поскольку они считаются угрозой обществу. Евангелисты, распространяющие христианскую информацию, рискуют больше, чем остальные, и согласно источнику наибольшие усилия прилагаются для охоты на евангелистов, то есть на пасторов. В ответ на вопрос, что могло повлечь преследование обратившегося в христианство, западное посольство подчеркнуло, что участие в евангелистской деятельности или активное проявление христианской идентичности лица в публичной сфере грозит отрицательным влиянием властей и созданием проблем. Ношение креста само по себе не создаст проблем. Однако дополнительно сообщалось, что угроза человеку могла также зависеть от того, что делало лицо в прошлом, например, фиксировалась ли предыдущая деятельность властями...

19.58. 16 июня 2013 г. "Мохабат" сообщал, что:

"Согласно информации "Мохабат ньюс" (*Mohabat News*) Революционный суд в Ширазе вынес приговоры Моджаббе Сейид-Алаэдину Хусейну (*Mojtaba Seyyed-Alaedin Hossein*), Мохаммед-Реза Партоэю (Курош) (*Mohammad-Reza Partoei ("Koorosh")*), Вахид Хаккани (*Vahid Hakkani*) и Хомаюн Шокоухи (*Homayoun Shokouhi*), их адвокату. Все четыре христианина были признаны виновными в посещении домашней церкви, распространении христианства, связях с иностранным духовенством, пропаганде против режима и подрыве

¹ Возможно, имеется в виду пятидесятническая церковь (примеч. переводчика).

национальной безопасности. Каждый был приговорен к трем годам и восьми месяцам лишения свободы...».

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

A. ВЛАСТИ ШВЕЦИИ

59. На слушании 3 декабря 2014 г. власти Швеции подчеркнули, что интересам разбирательства отвечало бы вынесение постановления Европейским Судом до 8 июня 2015 г., поскольку в этот день утратит силу приказ о высылке заявителя в соответствии со статьей 22 главы 12 Закона Швеции «Об иностранцах».

60. В своих дополнительных объяснениях от 23 июня 2015 г. власти Швеции просили Большую Палату Европейского Суда прекратить производство по делу в соответствии, например, с Постановлением по делу «P.Z. и другие против Швеции» (P.Z. and Others v. Sweden) (прекращение производства) от 18 декабря 2012 г., жалоба № 68194/10, §§ 14–17).

61. Они подчеркивали, что приказ о высылке утратил силу, что заявитель не может быть выслан из Швеции на основании этого приказа и что будет обеспечено полное рассмотрение дела по существу при подаче нового обращения о предоставлении убежища. Таким образом, с учетом подпункта «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции власти Швеции полагали, что продолжение рассмотрения жалобы является неоправданным и отсутствуют какие-либо особые обстоятельства в отношении уважения прав человека, установленных Конвенцией или Протоколами к ней, которые могли бы потребовать дальнейшего рассмотрения дела (пункт 1 статьи 37 Конвенции, *in fine*).

62. Если Большая Палата Европейского Суда не прекратит производство по делу, власти Швеции полагали, что оно должно быть признано неприемлемым для рассмотрения по существу, поскольку заявитель не может утверждать, что является жертвой в значении статьи 34 Конвенции приказа о высылке, который утратил силу. Отсюда следует, что жалоба в отношении него несовместима с положениями Конвенции *ratione personae*¹ в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

63. В любом случае, поскольку заявитель может подать новое ходатайство о предоставлении убежища, которое будет рассмотрено по существу всеми

компетентными органами, он не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты. В качестве альтернативы власти Швеции считали, что жалоба должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

B. ЗАЯВИТЕЛЬ

64. Заявитель сообщил, что хочет настаивать на своей жалобе, и просил Европейский Суд рассмотреть дело по существу. Если Европейский Суд прекратит рассмотрение его дела, ему понадобится заново обращаться по поводу предоставления убежища. В этом деле он намеревался сослаться на свое обращение в христианство в качестве одного из оснований предоставления убежища.

65. По мнению заявителя, «вопрос» в Большой Палате Европейского Суда не может рассматриваться как разрешенный для целей подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции в связи с истечением 8 июня 2015 г. срока действия приказа о высылке заявителя. Он подчеркнул, что власти Швеции не предоставили ему убежище или вид на жительство в Швеции в отличие, например, от заявителей в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «М.Е. против Швеции» (M.E. v. Sweden) ((прекращение производства) от 8 апреля 2015 г., жалоба № 71398/12) и Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «W.H. против Швеции» (W.H. v. Sweden) ((прекращение производства) от 8 апреля 2015 г., жалоба № 49341/10²). Таким образом, нельзя заключить, что высылка ему больше не угрожает.

66. Также нельзя заключить, что дальнейшее рассмотрение жалобы не является оправданным для целей подпункта «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

67. В любом случае дело затрагивает серьезные вопросы фундаментальной важности, поэтому соблюдение права человека требует, чтобы Большая Палата Европейского Суда продолжала рассмотрение дела.

68. Заявитель подчеркнул, что в делах, касающихся прекращения производства, в частности, «Атаева и Бурман против Швеции» (Atayeva and Burman v. Sweden) ((прекращение производства), жалоба № 17471/11, Постановление от 31 октября 2013 г.), «P.Z. и другие против Швеции» (упоминавшееся выше), и «B.Z. против Швеции» (B.Z. v. Sweden) ((прекращение производства), жалоба № 74352/11, Постановление от 18 декабря 2012 г.) на основании подпункта «с» пункта 1

¹ *Ratione personae* (лат.) – ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь, критерий, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (примеч. переводчика).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 3 (примеч. редактора).

статьи 37 Конвенции Европейский Суд не выносил постановления на уровне Палаты.

69. Однако в настоящем деле Палата Европейского Суда вынесла Постановление, дело было передано в Большую Палату, и было проведено слушание. На всех этих стадиях власти Швеции решительно отвергали претензии заявителя, и Палата Европейского Суда отклонила их. Следовательно, прекращение производства по делу причинило бы заявителю значительный ущерб.

70. Кроме того, заявитель жаловался на то, что разбирательство о предоставлении убежища имело недостатки. Если Большая Палата не рассмотрит эти предполагаемые недостатки, существует значительный риск того, что предыдущие решения, включая Постановление Палаты Европейского Суда, будут некритически восприняты внутригосударственными властями и судами как не имеющие дефектов. В любом случае это создаст для заявителя существенное неудобство в связи с необходимостью повторной подачи ходатайства о предоставлении убежища на фоне целого ряда потенциально ошибочных решений относительно рисков, с которыми он столкнется при возвращении в Иран. По мнению заявителя, неоправданно подвергать его такой процедуре, если Большая Палата Европейского Суда имеет возможность выносить решения об этих предполагаемых недостатках сейчас и близка к разрешению дела.

71. Наконец, заявитель подчеркнул, что стороны по делу, включая третьи стороны, испытали существенное беспокойство в связи с подготовкой и предоставлением подробных объяснений по делу, и Большая Палата Европейского Суда приложила определенные усилия и понесла расходы из-за проведения слушания по делу. Эти расходы и усилия будут напрасными, если производство по делу будет прекращено, что было бы неоправданно.

С. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

72. Пункт 1 статьи 37 Конвенции предусматривает:

«1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

а) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или

б) спор был урегулирован; или

с) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней».

73. Европейский Суд отмечает, что согласно его последовательной прецедентной практике в делах по поводу высылки заявителя из государства-ответчика, если заявителю предоставлен вид на жительство, и отсутствует угроза его высылки из этого государства, Европейский Суд считает дело урегулированным в значении подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции и исключает его из списка дел, подлежащих рассмотрению, независимо от согласия заявителя (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «М.Е. против Швеции», § 32, Решение Европейского Суда от 17 февраля 2015 г. по делу «Н против Норвегии» (N v. Norway), жалоба № 51666/13, Решение Европейского Суда по делу «I.A. против Нидерландов» (I.A. v. Netherlands) от 27 мая 2014 г., жалоба № 76660/12, Постановление Европейского Суда по делу «O.G.O. против Соединенного Королевства» (O.G.O. v. United Kingdom) от 18 февраля 2014 г., жалоба № 13950/12, Решение Европейского Суда по делу «Исман против Швейцарии» (Isman v. Switzerland) от 21 января 2014 г., жалоба № 23604/11, Решение Европейского Суда по делу «М.А. против Швеции» (M.A. v. Sweden) от 19 ноября 2013 г., жалоба № 28361/12, Решение Европейского Суда по делу «A.G. против Швеции» (A.G. v. Sweden) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 22107/08, и Решение Европейского Суда по делу «Сарвари против Австрии» (Sarwari v. Austria) от 3 ноября 2011 г., жалоба № 21662/10). Причина этого заключается в том, что Европейский Суд последовательно подходит к данному вопросу как к потенциальному нарушению, полагая, что угроза нарушения устраняется за счет решения, дающего заявителю право на пребывание в указанном государстве-ответчике (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «М.Е. против Швеции», § 33).

74. Кроме того, в некоторых делах, в которых заявителю не был предоставлен вид на жительство, Европейский Суд полагал, что более не является оправданным продолжение рассмотрения дела в силу подпункта «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции, и прекращал производство, поскольку из предоставленной информации было ясно, что заявитель в данный момент и на определенный срок не подвергался угрозе высылки и обращения, предположительно нарушающего статью 3 Конвенции, и поскольку заявитель мог оспорить будущее выдворение во внутригосударственных органах (см., в частности, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «I.A. против Нидерландов», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «P.Z. и другие против Швеции», §§ 14–17, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «B.Z. против Швеции», §§ 17–20, и *mutatis mutandis* в соответствии со статьей 8 Конвенции упоминав-

шееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Атаева и Бурман против Швеции», §§ 19–24).

75. Во всех вышеупомянутых делах Европейский Суд не усмотрел особых обстоятельств, имеющих отношение к соблюдению прав человека, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требуют продолжения рассмотрения этой жалобы (пункт 1 статьи 37 Конвенции, *in fine*).

76. Однако в делах, упомянутых в § 74 настоящего Постановления, где угроза высылки отпала до решения о приемлемости жалобы, Европейский Суд иногда признавал последнюю неприемлемой, поскольку заявитель более не мог утверждать, что является жертвой в значении статьи 34 Конвенции (см., в частности, Решение Европейского Суда по делу «Ацаев против Чешской Республики» (*Atsae v. Czech Republic*) от 7 июля 2015 г., жалоба № 14021/10, Решение Европейского Суда по делу «Тухтамуродов против Российской Федерации» (*Tukhtamurodov v. Russia*) от 20 января 2015 г., жалоба № 21762/14, Решение Европейского Суда по делу «Андреев против Эстонии» (*Andreyev v. Estonia*) от 22 января 2013 г., жалоба № 42987/09, Решение Европейского Суда по делу «Этанжи против Франции» (*Etanji v. France*) от 1 марта 2005 г., жалоба № 60411/00, Решение Европейского Суда по делу «Пеллумби против Франции» (*Pellumbi v. France*) от 18 января 2005 г., жалоба № 65730/01, и Постановление Европейского Суда от 27 августа 1992 г. по делу «Виджаянатахан и Пуспарадж против Франции» (*Vijayanathan and Pusparajah v. France*), § 46, Series A, № 241-B). Понятие «жертва» в контексте статьи 34 Конвенции действительно обозначает лицо, непосредственно затронутое указанным действием или бездействием или которое может быть прямо ими затронуто.

77. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что в соответствии со статьей 22 главы 12 Закона «Об иностранцах» приказ о высылке, вступивший в законную силу 8 июня 2011 г., когда Миграционный апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование (см. § 31 настоящего Постановления), утратил силу через четыре года, то есть 8 июня 2015 г. Таким образом, срок действия приказа о высылке истек, и он не мог быть приведен в исполнение.

78. Не оспаривается, что заявитель мог возбудить новое и полное разбирательство о предоставлении убежища. Если бы он сделал это, его требования были бы рассмотрены по существу Миграционным органом и в случае обжалования судами. Заявитель указал (см. § 64 настоящего Постановления), что, если Европейский Суд прекратит рассмотрение дела, он подаст новое обращение о предоставлении убежища и сошлется на свое обращение в христианство как на одно из оснований.

79. Однако в настоящее время заявитель находится в затруднительном положении. Ему не

предоставлены убежище или вид на жительство в Швеции, и в период нового разбирательства по поводу предоставления убежища он неизбежно будет оставаться в неопределенном положении, что касается вопросов, упоминавшихся в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции в настоящей жалобе. Следовательно, Европейский Суд не считает, что заявитель полностью утратил свой статус жертвы. Тем не менее в соответствии с прецедентной практикой, упоминавшейся выше в § 74 настоящего Постановления, Европейский Суд отмечает, что в принципе продолжение рассмотрения жалобы может быть неоправданным (подпункт «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции).

80. Остается установить, имеются ли в настоящем деле особые обстоятельства, имеющие отношение к соблюдению прав человека, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требуют продолжения рассмотрения этой жалобы (пункт 1 статьи 37 Конвенции, последняя часть).

81. Следует учесть, что 2 июня 2014 г. дело было передано в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции, которая предусматривает, что дела могут быть переданы, если они затрагивают «серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений настоящей Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера».

82. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле затронуты важные вопросы относительно обязанностей, которые должны соблюдаться сторонами в разбирательстве по поводу предоставления убежища. Таким образом, влияние настоящего дела не выходит за пределы конкретной ситуации заявителя в отличие от большинства дел о высылке, разрешенных Палатой Европейского Суда.

83. Следовательно, в соответствии с пунктом 1 статьи 37 Конвенции (*in fine*) Европейский Суд приходит к выводу, что имеются особые обстоятельства, имеющие отношение к соблюдению прав человека, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требуют продолжения рассмотрения дела.

84. На основании изложенного Европейский Суд отклоняет требование властей Швеции о прекращении производства по делу.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель жаловался на то, что в связи с его политическим прошлым в Иране и его обращением из ислама в христианство в Швеции его высылка в Иран противоречила бы статьям 2 и 3 Конвенции. Упомянутые положения Конвенции предусматривают следующее:

«Статья 2 Конвенции

1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен

жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

(с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Статья 3 Конвенции

Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

86. В Постановлении от 16 января 2014 г. Палата Европейского Суда указала, что исполнение решения о высылке заявителя не нарушило бы статьи 2 или 3 Конвенции. Она рассмотрела два положения совместно и дала общую оценку угроз, связанных с политическим прошлым заявителя и его обращением в христианство.

87. Палата Европейского Суда отметила, что ходатайство заявителя о предоставлении убежища было тщательно рассмотрено внутригосударственными органами и отсутствовали указания на то, что это разбирательство не имело эффективных гарантий для защиты заявителя против произвольного выдворения, или имелись другие недостатки.

88. Что касается предполагаемой политической деятельности заявителя в Иране, Европейский Суд установил, что отсутствует информация, указывающая, что политическая деятельность и вовлеченность заявителя являлись более чем второстепенными. Он также согласился с оценкой органов государства-ответчика о том, что объяснения заявителя по поводу его политической деятельности были неясными и неконкретными и что в Палате Европейского Суда заявитель не предоставил подробного описания веб-страниц, на которые он ссылался, или их предполагаемого критического содержания. Заявитель не предоставил никаких доказательств, помимо собственных объяснений, для обоснования существования этих веб-страниц. Он также отметил, что заявитель признал, что его семья в Иране не преследовалась из-за его политической деятельности. Наконец, он отметил, что заявитель не утверждал, что продолжал свою политическую деятельность после прибытия в Швецию.

89. Что касается обращения заявителя, Палата Европейского Суда отметила, что он ясно указал во

внутригосударственных органах, что не хочет ссылаться на свою религиозную принадлежность как на основание предоставления убежища, поскольку считал это личным делом. В частности, он имел возможность затронуть вопрос своего обращения во время устного слушания в Миграционном суде, но предпочел этого не делать. Данная позиция изменилась, только когда приказ о его высылке вступил в силу. Палата Европейского Суда также отметила, что заявитель утверждал, что он обратился в христианство только после прибытия в Швецию и что он считал веру личным делом. С учетом вышеизложенного Палата Европейского Суда решила, что отсутствовали данные о том, что власти Ирана знали о его обращении.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

90. Заявитель утверждал, что исполнение приказа о его высылке нарушило бы статьи 2 и 3 Конвенции по нижеследующим причинам.

91. Что касается его политической деятельности в Иране, надлежащим образом не было принято во внимание, например, что он подвергался жестокому обращению в течение 20 дней его содержания под стражей в сентябре 2009 года, что он подробно описал слушание, состоявшееся в октябре 2009 года в Революционном суде, и назвал имя председательствующего судьи, что он представил оригинальную повестку о повторной явке 2 ноября 2009 г. или что он незаконно бежал из страны.

92. Заявитель указал, что подвергался высокой угрозе задержания в аэропорту по возвращении. Эта угроза повысилась, потому что власти Ирана могли опознать его благодаря постановлению Палаты Европейского Суда и в будущем использовали бы для этой цели также постановление Большой Палаты Европейского Суда.

93. Заявитель не собирался ссылаться на свое обращение в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища, поскольку он считал свою религию частным делом и «не хотел эксплуатировать свою ценную вновь приобретенную веру как средство приобретения убежища». Оглядываясь назад, он полагал, что в то время не имел достаточной юридической консультации и поддержки для понимания угрозы, связанной с его обращением. Тем не менее с формальной точки зрения его обращение неоднократно упоминалось его представителями как основание предоставления убежища в первоначальном разбирательстве. Заявитель охотно отвечал на вопросы по поводу его обращения, но миграционная служба решила, что он не внушает доверия в этом отношении, по-видимому, поскольку он не принадлежит к «Церкви Швеции» и представил не свой сертификат о крещении, а только заявление пастора его церкви. Кроме того, во время

устного слушания в Миграционном суде заявитель утверждал, что его обращение создаст ему проблемы в случае возвращения в Иран.

94. Кроме того, 6 июля 2011 г., когда заявитель обратился за приостановлением исполнения приказа о высылке, он приложил письмо, в котором его конгрегация объясняла, почему он не хотел эксплуатировать свое обращение в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища. Конгрегация также указала, что угроза заявителю возрастала, поскольку он вступил в контакт с «докладчиками или шпионами», которые могут передать информацию о его обращении властям Ирана, и так как церковь, к которой заявитель принадлежал с 2011 года, транслировала свои службы в Интернете (см. §§ 30 и 32 настоящего Постановления).

95. В Большой Палате Европейского Суда заявитель добавил, что угроза дополнительно увеличивалась в связи с его конкретной работой для церкви. Он также утверждал, что по возвращении в Иран он сообщит своей семье и друзьям о своем обращении. Они могли бы не понять или не принять это. Они отрекутся от него. Однако заявитель не верил, что его семья или друзья сообщат о его обращении властям, поскольку любят его.

96. В письменном объяснении от 13 сентября 2014 г. Большой Палате Европейского Суда заявитель рассказал о своем обращении, способе текущего исповедания его христианской веры в Швеции, и как он намерен исповедовать ее в Иране, если приказ о высылке будет исполнен. По его мнению, его обращение достигло уровня последовательности, серьезности, связанности и важности, чтобы его можно было отнести к сфере действия статьи 9 Конвенции. Он являлся номинальным мусульманином в Иране, но не верил в ислам. Его друзья в то время знали об этом. По прибытии в Швецию, в один холодный вечер, он и некоторые его друзья посетили собрание, где пили чай и согрелись. Так он вступил в контакт со своей первой христианской конгрегацией. Он отправился домой, получил Библию на фарси и, когда начал читать ее, почувствовал, что «она идет прямо в его сердце». Он продолжал посещать библейские классы и молитвенные собрания и был крещен в январе 2010 года. Действительно, в марте 2010 года он сообщил миграционной службе, что не думал о христианстве как о религии, но это объяснялось его способом определения религии как веры, наподобие ислама, который требовал посредника, в отличие от христианства, где контакт с Богом был непосредственным. Он перешел в другую церковь, где продолжал посещать библейские классы и молитвенные собрания. При возвращении в Иран он ощущал бы внутреннюю потребность демонстрировать любовь к Иисусу и Библии открыто. Дома в идеале он имел бы книги по христианству и крест и, возможно, участвовал бы в деятельности домаш-

них церквей с другими христианами. Он также пытался бы распространять христианскую литературу на фарси, в частности, в Интернете.

97. Объяснение заявителя подкреплялось письменным заявлением от 15 сентября 2014 г., представленным в Большую Палату Европейского Суда, от бывшего пастора церкви заявителя, который, в частности, указывал, что знает заявителя с начала 2012 года, что заявитель был интеллектуалом в своей христианской вере, хорошо говорил по-английски, что они вели хорошие обсуждения по поводу религии и что, пробыв христианином четыре года, заявитель приобрел навыки и зрелость, чтобы руководить группой на уроках по изучению Библии в его церкви.

98. Наконец, заявитель утверждал, что разбирательство по поводу предоставления убежища было омрачено в основном тем, что власти Швеции адекватно не рассмотрели угрозы, с которыми он столкнется в результате его обращения.

99. В частности, он утверждал, что в первоначальном разбирательстве власти не могли игнорировать связанные с его обращением угрозы, о которых они были осведомлены, со ссылкой на тот факт, что он на это не ссылался. Во-первых, потому что лицо не может отказаться от защиты, предоставленной ему статьей 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 31 января 2012 г. по делу «M.S. против Бельгии» (M.S. v. Belgium), жалоба № 50012/08, §§ 121–125), и, во-вторых, поскольку, что даже если бы защита статьи 3 Конвенции в принципе допускала отказ, заявитель не получал какое-либо предупреждение о потенциальных последствиях в случае, если он предпочтет не ссылаться на свои религиозные убеждения как на основание предоставления убежища. Власти никогда не рассматривали вопрос о том, имел ли место отказ в настоящем деле или, если да, в чем конкретно заключался отказ.

100. Что касается второго разбирательства, в котором заявитель активно пытался сослаться на свое обращение, его запрос был отклонен, поскольку его обращение не было расценено как «новое обстоятельство». Однако власти не рассматривали вопрос о том, была ли у заявителя уважительная причина для того, чтобы не ссылаться на свое обращение ранее. Они также не смогли уделить внимание тому факту, что заявитель сослался на новое обстоятельство его перехода в новую церковь в новом городе и трансляцию служб в Интернете, где его могли узнать.

2. Власти Швеции

101. Власти Швеции утверждали, что исполнение приказа о высылке не нарушило бы статьи 2 и 3 Конвенции по нижеследующим причинам.

102. Политическая деятельность, в которой заявитель участвовал в Иране, могла считаться имев-

шей место на низком уровне. Это подкреплялось тем фактом, что с 2009 года заявитель не получал новых повесток из Революционного суда и никто из членов семьи заявителя, оставшихся в Иране, согласно его собственной информации, не подвергся репрессиям со стороны властей Ирана.

103. Кроме того, в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища заявитель особо указал, что он не намерен ссылаться на свое обращение как на основание предоставления убежища, поскольку считает это личным делом. Его ходатайство о предоставлении убежища по политическим причинам было окончательно отклонено 8 июня 2011 г., когда Миграционный апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование. Только 6 июля 2011 г. заявитель сослался на страх преследования в связи с его обращением, хотя он был обращен в христианство в декабре 2009 года и несмотря на обширные контакты с другими иранскими обращенными и его шведской конгрегацией, через которые он должен был сознавать подход иранского государства к обращенным. Заявитель не объяснил, почему его страх преследования возник только после того, как решение о высылке стало окончательным и не подлежащим обжалованию, и, по мнению властей Швеции, это оправдывало особое внимание к достоверности его версии в этом отношении. В возобновленном разбирательстве обращение заявителя не являлось новым обстоятельством, на которое нельзя было сослаться ранее, заявитель также не имел уважительной причины для того, чтобы не сделать это, как требуют условия, изложенные в статьях 18 и 19 главы 12 Закона «Об иностранцах», для пересмотра дела.

104. Что касается процедуры, применяемой в делах о предоставлении убежища, власти Швеции указали, что в целом шведские органы следовали руководству УВКБ и рекомендациям УВКБ о международной защите по требованиям беженцев, основанным на религии, и дали индивидуальную оценку того, убедительно ли иностранец продемонстрировал, что его убеждения *sur place* были искренними в том смысле, что они основаны на искренних личных религиозных убеждениях. Это включало оценку обстоятельств, при которых имело место обращение, и того, можно ли было ожидать от заявителя жизни христианина по возвращении на родину. Кроме того, 12 ноября 2012 г. генеральный директор по правовым вопросам в Миграционной службе Швеции издал «общую правовую позицию» относительно религии как основания для предоставления убежища, включая обращение, основанное на решении Миграционного апелляционного суда (MIG 2011: 29), рекомендациях УВКБ и упоминавшемся выше решении Суда Европейского союза по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» от 5 сентября 2012 г. Согласно правовой позиции

достоверность обращения должна быть тщательно проверена для определения того, имело ли место искреннее обращение. Лицо, пережившее искреннюю перемену веры или которому грозит атрибуция нового религиозного убеждения и которому поэтому грозит преследование, не должно принуждаться к сокрытию своей веры только для избежания преследования. Кроме того, 10 июня 2013 г. генеральный директор по правовым вопросам принял «общую правовую позицию» относительно методологии оценки благонадежности и достоверности заявлений о международной защите, которая была основана, в частности, на оценке УВКБ в его докладе «Вне сомнений: оценка достоверности в системах убежища ЕС» от мая 2013 года.

105. Однако в настоящем деле заявитель не хотел ссылаться на свое обращение в оригинальном разбирательстве по поводу предоставления убежища. Тем не менее заслуживает внимания, что он почти 50 лет был мусульманином в Иране и обратился в христианство *sur place* вскоре после прибытия в Швецию. Вопрос достоверности, таким образом, требовал особого внимания. Как и Миграционный суд, и миграционная служба в разбирательстве в Миграционном суде, власти Швеции не оспаривали того, что заявитель формально обратился в христианство в Швеции или был крещен 31 января 2010 г., но они подчеркнули, что, поскольку заявитель особо указывал, что считает свое обращение личным делом, на которое не хочет сослаться как на основание предоставления убежища, внутригосударственные органы не рассматривали искренность его обращения или того, какие виды религиозных практик он считал существенными для сохранения своей религиозной идентичности.

106. Что касается общего риска для обращенных лиц в Иране, власти Швеции указали на различные международные доклады и утверждали, что обратившийся в христианство может жить в Иране и практиковать свою религию в частной сфере или совместно с другими лицами, придерживающимися тех же религиозных убеждений. Заявитель последовательно утверждал, что его вера являлась личным делом, и действовал соответственно. Кроме того, в интервью миграционной службе в марте 2010 года он указывал, что не рассматривал христианство как религию. С учетом этого власти Швеции находили неразумным полагать, что после его возвращения в Иран заявитель будет заниматься религиозной практикой, которая подвергнет его реальной угрозе преследования.

3. Объяснения третьих сторон

107. Европейский центр за право и справедливость, Альянс по защите свободы при содействии Юбилейной кампании, центра «Эй-Ай-Ар-И», ECRE, Международной комиссии юристов, и УВКБ,

в частности, утверждали, что обращенные в христианство лица являлись одними из наиболее преследуемых религиозных меньшинств в Иране. Исламский режим создал систематические механизмы в попытке выявить всех членов общества, перешедших из ислама в христианство. Данные механизмы сделали все более вероятным установление правительством лиц, обратившихся в христианство в Иране, даже в случае тайной практики. Если это стало бы известно Правительству Ирана, обращенные в христианство лица часто могли бы сталкиваться как минимум с причинением существенного вреда или вмешательству в их жизнь путем лишения свободы, нападений и постоянного запугивания, а в худшем случае человек может столкнуться с серьезным жестоким обращением и даже быть убит.

108. Третьи стороны также утверждали, что в контексте оценки угроз при выдворении в соответствии с последовательной прецедентной практикой Европейского Суда требуется полная и *ex nunc*¹ оценка. Пренебрежение тем фактом, что со временем обстоятельства могли измениться, делает права заявителя теоретическими и иллюзорными. Оценка должна принимать во внимание применимое право Европейского союза и право беженцев. Поэтому они призывали Европейский Суд признать, что в свете решения СЕУ по упомянутому выше делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» от 5 сентября 2012 г. от заявителя нельзя было ожидать, что он скроет свою религию во избежание преследования, охватываемого статьей 3 Конвенции. Принудительное самоисполнимое сокрытие религиозных убеждений лица как прямое предсказуемое следствие исполнения выдворения лиц в страны, где они столкнутся с реальной угрозой смертного приговора в качестве отступников, влечет реальный риск психических, психологических страданий, относящихся к сфере действия статьи 3 Конвенции. Кроме того, согласно праву беженцев требование самоисполнимого принудительного подавления фундаментального аспекта личности, такого как религиозные убеждения, сексуальная ориентация или политическое мнение, несовместимо с основными положениями Конвенции о статусе беженцев.

109. В отношении процессуального аспекта УВКБ подчеркнуло, что обязательства в соответствии с Конвенцией 1951 года требуют от государственного органа установить все относимые факты, чтобы выявить и признать беженцев, которые имеют право на защиту в соответствии с Конвенцией. Соответственно, определение того, имел ли заявитель обоснованное опасение преследования или столкнулся ли он с угрозой другого серьезного вреда, основано на фактах, которые существенны для ходатайства о предоставлении убежища,

включая, например, факты, которые представил заявитель, но просил не учитывать в связи с их частным характером или с тем, что заявитель находил их не относящимися к делу. В конце концов проверяющее лицо должно решить, какие факты имеют значение и существенны для общей оценки. Что касается бремени доказывания, оно обычно возлагается на того, кто утверждает. Однако с учетом особенностей ситуации беженца и его уязвимости они могли быть способны представить относимую информацию. Соответственно, имелась общая обязанность заявителя и проверяющего лица установить и оценить все имеющие значение факты. Исполняя эту общую обязанность, проверяющие лица в некоторых случаях могли нуждаться в использовании всех имеющихся в их распоряжении средств для сбора необходимых доказательств в поддержку жалобы.

С. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Введение

110. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что в контексте высылки, если имеются достаточные основания полагать, что данное лицо в случае высылки столкнется с реальной угрозой смертной казни, пытки или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в стране назначения, статьи 2 и 3 Конвенции предполагают, что государство-участник не должно высылать это лицо. Таким образом, Европейский Суд рассмотрит две статьи Конвенции совместно (см. в числе прочих примеров *mutatis mutandis* Постановление Большой Палаты по делу «Мокану и другие против Румынии» (*Mocanu and Others v. Romania*), жалобы №№ 10865/09, 45886/07 и 32431/08, § 314, *ECHR* 2014 (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Т.А. против Швеции» (*T.A. v. Sweden*) от 19 декабря 2013 г., жалоба № 48866/10, § 37, Постановление Европейского Суда по делу «К.А.В. против Швеции» (*K.A.B. v. Sweden*) от 5 сентября 2013 г., жалоба № 886/11, § 67, Постановление Европейского Суда по делу «Кабулов против Украины» (*Kaboulov v. Ukraine*) от 19 ноября 2009 г., жалоба № 41015/04, § 99, и Постановление Европейского Суда по делу «Ф.Н. против Швеции» (*F.N. v. Sweden*) от 20 января 2009 г., жалоба № 32621/06, § 72).

2. Общие принципы оценки ходатайств о предоставлении убежища в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции

(а) Угроза оценки

111. Европейский Суд прежде всего напоминает, что государства-участники имеют право в соответствии с международным правом и при

¹ *Ex nunc* (лат.) – в настоящее время (примеч. переводчика).

условии соблюдения их договорных обязательств, включая Конвенцию, контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев (см. например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*), жалоба № 27765/09, § 113, *ECHR* 2012, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов» (*Üner v. Netherlands*), жалоба № 46410/99, § 54, *ECHR* 2006-XII, Постановление Европейского Суда от 28 мая 1985 г. по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom*), § 67, Series A, № 94, и Постановление Европейского Суда по делу «Буджлифа против Франции» (*Boujlifa v. France*) от 21 октября 1997 г., § 42, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VI). Однако осуществление государством-участником высылки иностранца может повлечь возникновение вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции и, таким образом, обусловить ответственность указанного государства согласно Конвенции, если имеются существенные основания полагать, что лицо в случае депортации будет подвергаться в стране назначения реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. При таких обстоятельствах статья 3 Конвенции подразумевает обязательство не депортировать заинтересованное лицо в данную страну (см. в числе других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (*Saadi v. Italy*), жалоба № 37201/06, § 124–125, *ECHR* 2008).

112. Оценка того, имеются ли серьезные опасения того, что заявитель будет подвергаться реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, неизбежно предусматривает рассмотрение Европейским Судом условий в принимающей стране с точки зрения стандартов статьи 3 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*), жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, § 67, *ECHR* 2005-I). Эти стандарты подразумевают, что жестокое обращение, которому заявитель предположительно подвергнется в случае возвращения, должно достигать минимального уровня суровости, чтобы подпадать в сферу действия статьи 3 Конвенции. Оценка данного уровня является относительной и зависит от всех обстоятельств дел (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хилаль против Соединенного Королевства» (*Hilal v. United Kingdom*), жалоба № 45276/99, § 60, *ECHR* 2001-II).

113. Оценка наличия реальной угрозы с необходимостью должна быть строгой (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*) от 15 ноября 1996 г., § 96, *Reports* 1996-V, и упоминавшееся выше Постановление Большой

Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии», § 128). В принципе заявитель обязан представить доказательства, подтверждающие наличие серьезных оснований полагать, что в случае исполнения оспариваемой меры он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии», § 129, и Постановление Европейского Суда по делу «N. против Финляндии» (*N. v. Finland*) от 26 июля 2005 г., жалоба № 38885/02, § 167). В этой связи Европейский Суд признает, что из-за особой ситуации, в которой часто оказываются искатели убежища, необходимо предоставить им преимущество сомнения, когда дело доходит до оценки достоверности их объяснений и документов, представленных в их поддержку. Однако если предоставлена информация, дающая серьезные основания ставить под сомнение правдивость объяснений искателя убежища, лицо должно представить удовлетворительное объяснение предполагаемых противоречий (см. в числе многих примеров Постановление Европейского Суда по делу «N. против Швеции» (*N. v. Sweden*) от 20 июля 2010 г., жалоба № 23505/09, Решение Европейского Суда по делу «Хакизимана против Швеции» (*Hakizimana v. Sweden*) от 27 марта 2008 г., жалоба № 37913/05, и Решение Европейского Суда по делу «Коллинс и Аказиебие против Швеции» (*Collins and Akaziebie v. Sweden*) от 8 марта 2007 г., жалоба № 23944/05).

114. Оценка должна сосредоточиться на предсказуемых последствиях выдворения заявителя в страну происхождения с учетом общей ситуации там и его личных обстоятельства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. United Kingdom*) от 30 октября 1991 г., § 108, Series A, № 215). В этой связи, и если это целесообразно, Европейский Суд примет во внимание, существует ли общая ситуация насилия в стране назначения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства» (*Sufi and Elmi v. United Kingdom*) от 28 июня 2011 г., жалобы №№ 8319/07 и 11449/07, § 216).

115. Если заявитель еще не выслан, Европейский Суд должен оценивать это на момент рассмотрения дела (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства», § 86). Полная и *ex nunc* оценка требуется, когда необходимо принять во внимание информацию, которая выявлена после принятия окончательного решения внутригосударственными органами (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маслов против Австрии» (*Maslov v. Austria*), жалоба № 1638/03, §§ 87–95, *ECHR* 2008, и упоминавшееся выше Постановление

Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства», § 215). Данная ситуация обычно возникает, если, как в настоящем деле, решение о высылке не было исполнено в связи с указанием Европейским Судом предварительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда. Поскольку характер ответственности государств-участников по статье 3 Конвенции в подобных делах заключается в действии, подвергающем лицо угрозе жестокого обращения, наличие риска должно оцениваться преимущественно с учетом фактов, которые государство-участник знало или должно было знать на момент высылки. Оценка должна сосредоточиться на предсказуемых последствиях выдворения заявителя в страну происхождения в свете общей ситуации в ней и его личных обстоятельств (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Салах Шеех против Нидерландов» (*Salah Sheekh v. Netherlands*) от 11 января 2007 г., жалоба № 1948/04, § 136, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства», §§ 107 и 108).

116. Европейский Суд должен проанализировать в случае высылки, были ли при всех обстоятельствах рассматриваемого им дела продемонстрированы существенные основания, позволяющие заключить, что данное лицо столкнется с реальной угрозой подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, в случае выдворения. Если существование такой угрозы установлено, выдворение заявителя непременно нарушит статью 3 Конвенции независимо от того, исходит ли угроза от общей ситуации насилия, личной характеристики заявителя или их сочетания. Однако ясно, что не каждая ситуация общего насилия порождает такую угрозу. Напротив, Европейский Суд разъясняет, что общая ситуация насилия лишь достаточной степени интенсивности создает подобную угрозу «в наиболее крайних случаях», где существует реальная угроза жестокого обращения просто потому, что лицо подвергнется этому насилию в случае возвращения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства», §§ 216 и 218, а также, в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Л.М. и другие против Российской Федерации» (*L.M. and Others v. Russia*) от 15 октября 2015 г., жалобы №№ 40081/14, 40088/14 и 40127/14¹, § 108, и Постановление Европейского Суда по делу «Мамажонов против Российской Федерации» (*Mamazhonov v. Russia*) от 23 октября 2014 г., жалоба № 17239/13², §§ 132–133).

(b) Природа проверки Европейским Судом

117. В делах по поводу высылки искателей убежища Европейский Суд сам не рассматривает настоящие ходатайства о предоставлении убежища или не проверяет, как государства исполняют свои обязательства в соответствии с Женевской конвенцией о статусе беженцев. Его основная озабоченность заключается в том, существуют ли эффективные гарантии, которые защищают заявителя от произвольного выдворения, прямого или косвенного, в страну, из которой он бежал. В силу статьи 1 Конвенции основная ответственность за исполнение гарантированных прав и свобод возлагается на внутригосударственные власти. Механизм жалобы в Европейский Суд, таким образом, является субсидиарным по отношению к национальным системам, обеспечивающим права человека. Этот субсидиарный характер выражен в статье 13 и пункте 1 статьи 35 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (*M.S.S. v. Belgium and Greece*), жалоба № 30696/09, §§ 286–287, *ECHR* 2011). Однако Европейский Суд должен удостовериться, что оценка, произведенная властями государства-участника, адекватна и достаточно подтверждена внутригосударственными материалами, а также материалами из других надежных и объективных источников, таких как, например, другие государства-участники, государства, которые не присоединились к Конвенции, учреждения ООН и авторитетные неправительственные организации (см. среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу «NA. против Соединенного Королевства» (*NA. v. United Kingdom*) от 17 июля 2008 г., жалоба № 25904/07, § 119).

118. Кроме того, если имело место разбирательство на внутригосударственном уровне, как в настоящем деле, в задачу Европейского Суда не входит подменять своими выводами оценку фактов, осуществлявшуюся судами государства-ответчика, и, как правило, именно они должны оценивать представленные им доказательства (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии» (*Giuliani and Gaggio v. Italy*) от 24 марта 2011 г., жалоба № 23458/02, §§ 179–180, Постановление Европейского Суда по делу «Низомхон Джураев против Российской Федерации» (*Nizomkhon Dzhurayev v. Russia*) от 3 октября 2013 г., жалоба № 31890/11³, § 113, и Постановление Европейского Суда по делу «Савриддин Джураев против Российской Федерации» (*Savridin Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 71386/10⁴, § 155, *ECHR* 2013 (извлечения)). В качестве общего принципа внутригосударствен-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 8 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 2 (примеч. редактора).

³ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2014. № 2 (примеч. редактора).

⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 5 (примеч. редактора).

ные власти находятся в лучшем положении для оценки не только фактов, но, конкретнее, достоверности свидетельских показаний, поскольку они имеют возможность видеть, слышать и оценивать поведение заинтересованных лиц (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «R.C. против Швеции» (R.C. v. Sweden) от 9 марта 2010 г., жалоба № 41827/07, § 52).

*(с) Процессуальные обязанности
при рассмотрении ходатайств
о предоставлении убежища*

119. В контексте депортации Европейский Суд по разным случаям излагал обязательства, возложенные на государства в отношении процессуального аспекта статей 2 и 3 Конвенции (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии», § 198, Постановление Европейского Суда по делу «М.Е. против Дании» (M.E. v. Denmark) от 8 июля 2014 г., жалоба № 58363/10, § 51, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства», § 214).

120. Что касается бремени доказывания, Европейский Суд установил в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (упоминавшееся выше, §§ 129–132, см. также в числе прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Уабур против Бельгии» (Ouabour v. Belgium) от 2 июня 2015 г., жалоба № 26417/10, § 65, и Постановление Европейского Суда по делу «Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства» ((Abu Qatada) v. United Kingdom), жалоба № 8139/09, § 261, ECHR 2012 (извлечения)), что в принципе заявитель обязан представить доказательства, подтверждающие наличие серьезных оснований полагать, что в случае исполнения оспариваемой меры он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, и что, если представлены такие доказательства, государство-ответчик должно устранить возникшие в связи с этим сомнения (см. там же, § 129). Чтобы определить, имеется ли угроза жестокого обращения, Европейский Суд должен исследовать предсказуемые последствия выдачи заявителя в принимающем государстве, принимая во внимание общую ситуацию в указанном государстве и его личные обстоятельства (см. там же, § 130). Если доступные Европейскому Суду источники описывают общую ситуацию, конкретные утверждения заявителя по делу должны подтверждаться иными доказательствами (см. там же, § 131). В делах, где заявитель ссылается на свою принадлежность к группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения, Европейский Суд считает, что защита статьи 3 Конвенции действует при условии, что заявитель

подтверждает в необходимых случаях с помощью вышеупомянутых источников наличие серьезных оснований полагать, что указанная практика существует, и он входит в соответствующую группу (см. там же, § 132).

121. Что касается процедур предоставления убежища, Европейский Суд отмечает, что пункт 1 статьи 4 Директивы о квалификации предусматривает, что государства – члены Европейского союза могут считать, что обязанность заявителя состоит в том, чтобы как можно скорее предоставить все факты, необходимые для того, чтобы обосновать свое ходатайство о международной защите, и что § 67 руководства УВКБ (см. § 53 настоящего Постановления) предусматривает следующее:

«Задачей проверяющего лица при изучении обстоятельств дела является установление причины или причин преследований и принятие решения о том, соответствуют ли они определению Конвенции 1951 года. Очевидно, что причины преследования по этим различным мотивам будут частично совпадать. Чаще всего будет присутствовать более чем один элемент, связанный с одним лицом, например, политическим оппонентом, который принадлежит к религиозной или национальной группе или обеим сразу, и сочетание этих причин в одном лице будет иметь значение при оценке его вполне обоснованных опасений».

122. Европейский Суд также учитывает, что УВКБ в своих объяснениях третьей стороны (см. § 109 настоящего Постановления) утверждали, что, хотя бремя доказывания обычно возлагается на того, кто утверждает, возникает общая обязанность заявителя и проверяющего лица установить и оценить все относимые факты. Исполняя эту общую обязанность, проверяющие лица могли в некоторых случаях нуждаться в использовании всех имеющихся в их распоряжении средств для сбора необходимых доказательств в поддержку жалобы.

123. Относительно деятельности *sur place* Европейский Суд признает, что обычно очень трудно оценить, искреннее ли в данной деятельности заинтересованное лицо, имеет ли деятельность политическую или религиозную причину или лицо занимается ею только с целью создания оснований после бегства (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «А.А. против Швейцарии» (A.A. v. Switzerland) от 7 января 2014 г., жалоба № 58802/12, § 41). Эта мотивировка соответствует Рекомендациям УВКБ по международной защите относительно требований беженцев на религиозной основе от 28 апреля 2004 г., которые указывают, что «возникает определенная озабоченность относительно доверия, и требуется скрупулезное и глубокое изучение обстоятельств и того, насколько искренним был переход в другую веру... Так называемая деятельность в “собственных интересах” не создает справедливо обоснованного страха быть подвергнутым преследованиям

в стране происхождения заявителя в тех случаях, когда оппортунистическая природа такой деятельности будет несомненной для всех, включая власти страны происхождения, и не предвидится каких-либо неблагоприятных последствий для заявителя, если человек будет возвращен в страну происхождения» (см. § 52 настоящего Постановления). См. также соответствующий вывод Европейского Суда, например, в Решении Европейского Суда по делу «Али Муради и Сельма Алиева против Швеции» (Ali Muradi and Selma Alieva v. Sweden) от 25 июня 2013 г., жалоба № 11243/13, §§ 44–45).

124. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что в отношении определения первой инстанции о праве на международную защиту CJEU (в упоминавшемся выше решении («А, В и С против Государственного секретаря по безопасности и юстиции»), в частности, указал, что статья 4(3) Директивы 2004/83/ЕС и статья 13(3) (а) Директивы 2005/85/ЕС должны толковаться в том смысле, что показания обратившегося за предоставлением убежища лица не являются достоверными только потому, что заявитель не ссылаясь на объявленную сексуальную ориентацию при первой возможности, предоставленной ему для изложения оснований для преследования (см. § 51 настоящего Постановления).

125. В принципе лицо, обратившееся за международной защитой в государстве-участнике, должно как можно скорее представить ходатайство о предоставлении убежища с изложением мотивов в его поддержку и доказательства, способные подтвердить наличие существенных оснований полагать, что высылка на родину повлечет реальную и конкретную угрозу подверженности угрожающей жизни ситуации, охватываемой статьей 2 Конвенции, или обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

126. Однако в отношении требований о предоставлении убежища, основанных на общеизвестном риске, если информация о таком риске свободно доступна из широкого ряда источников, обязательства, имеющиеся у государства в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции в делах о высылке, предусматривают, что власти должны провести оценку этого риска по собственной инициативе (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии», §§ 131–133, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции», § 366).

127. Напротив, что касается ходатайств о предоставлении убежища, основанных на индивидуальном риске, искатель убежища должен ссылаться на наличие подобного риска и обосновать его. Соответственно, если заявитель предпочитает не ссылаться или не раскрывать конкретное индивидуальное основание для предоставления

убежища, умышленно воздерживаясь от его упоминания, будь то религиозные или политические убеждения, сексуальная ориентация или другие основания, от государства нельзя ожидать самостоятельного выявления этого основания. Однако с учетом абсолютного характера прав, гарантированных статьями 2 и 3 Конвенции, и позиции уязвимости, в которой часто оказываются искатели убежища, если государство-участник осведомлено о фактах, относящихся к конкретному лицу, которые ставят его под угрозу жестокого обращения в нарушение указанных положений при возвращении в данную страну, обязательства, возложенные на государства в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции, требуют от властей проведения оценки этого риска по собственной инициативе. Это применимо, в частности, к ситуациям, в которых внутригосударственные власти были осведомлены о том факте, что искатель убежища может рассматриваться как представитель группы, систематически подвергающейся практике жестокого обращения, и имеются серьезные основания полагать, что указанная практика существует, и он относится к соответствующей группе (см. § 120 настоящего Постановления).

3. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

128. Применяя вышеупомянутые принципы в настоящем деле, Европейский Суд находит целесообразным разделить рассмотрение дела на две части: во-первых, политическая деятельность заявителя в Иране и, во-вторых, его обращение в христианство в Швеции.

(a) Политическая деятельность заявителя

(i) Общая ситуация в Иране

129. Заявитель не утверждал, что общие обстоятельства, существующие в Иране, сами по себе препятствуют его возвращению в эту страну. Кроме того, Европейский Суд учитывает, что общая ситуация насилия как таковая не влечет нарушения статьи 3 Конвенции в случае высылки в данную страну (см. Постановление Европейского Суда по делу «H.L.R. против Франции» (H.L.R. v. France) от 29 апреля 1997 г., § 41, *Reports* 1997-III). Однако Европейский Суд никогда не исключает возможности того, что общая ситуация насилия в стране назначения может достигнуть достаточного уровня интенсивности, чтобы любое выдворение в нее с необходимостью нарушало статью 3 Конвенции. Тем не менее Европейский Суд примет данный подход только в наиболее крайних случаях общего насилия, когда имеется реальная угроза жестокого обращения только потому, что заинтересованное лицо будет подвержено такому насилию в этой

стране (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства», § 218, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «NA. против Соединенного Королевства», § 115).

130. В настоящем деле, зная о докладах по поводу серьезных нарушениях прав человека в Иране (см. §§ 55–58 настоящего Постановления), Европейский Суд не усматривает в них такой характер, чтобы они могли сами по себе доказывать, что возвращение заявителя в эту страну будет являться нарушением Конвенции (см. также Постановление Европейского Суда по делу «S.F. и другие против Швеции» (S.F. and Others v. Sweden) от 15 мая 2012 г., жалоба № 52077/10, § 64). Поэтому Европейский Суд перейдет к выяснению того, такая ли личная ситуация заявителя, что его возвращение в Иран нарушит статьи 2 и 3 Конвенции.

(ii) Конкретные обстоятельства ситуации заявителя

131. Европейский Суд учитывает, что заявитель давал объяснения в присутствии адвоката и переводчика во время двухчасового интервью в миграционной службе 24 марта 2010 г. и в Миграционном суде 16 февраля 2011 г. Его дело рассматривалось по существу двумя органами, и Миграционный апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование решения.

132. Из протоколов видно, что миграционная служба и Миграционный суд приняли во внимание, что с 2007 года заявитель работал с лицами, связанными с разными университетами, которые были известны как противники режима. Он в основном работал по созданию и публикации веб-страниц. Его компьютер был изъят из его офисных помещений, когда он находился в тюрьме в сентябре-октябре 2009 года. В его компьютере хранился критический по отношению к режиму материал. Хотя он лично не критиковал режим, Президента Ахмадинежада или высших руководителей страны, заявитель посещал некоторые веб-сайты и получал по электронной почте карикатуры. Таким образом, по мнению заявителя, имелось достаточно доказательств того, что он являлся противником системы. Именно данный материал хранился в его компьютере в 2007 году. Власти Швеции сочли, что информация по поводу политической деятельности заявителя была неясной и неконкретной. Кроме того, он не указывал или не обосновывал существование веб-страниц, предположительно созданных им за двухлетний период. Они также нашли существенным, что заявитель мог продолжать публиковать критические по отношению к режиму материалы с 2007 года до выборов в 2009 году, если власти Ирана действительно знали о его деятельности в 2007 году.

133. Внутригосударственные органы также приняли во внимание то обстоятельство, что заявитель был задержан на 24 часа в апреле 2007 года.

134. Они не ставили под сомнение тот факт, что за день до выборов, 12 июня 2009 г., заявитель и его друзья были задержаны, допрошены и заключены под стражу на избирательном участке в течение ночи.

135. Власти Швеции также признали установленным, что заявитель участвовал в демонстрации и был задержан и вновь заключен под стражу в сентябре 2009 года на 20 дней и подвергнут жестокому обращению и что в октябре 2009 года он был доставлен в Революционный суд, который освободил его.

136. Внутригосударственные органы также учли, что заявитель представил оригинальную повестку о явке 2 ноября 2009 г. в Революционный суд. Однако они решили, что повестка сама по себе не может обосновать необходимость защиты. Это был всего лишь вызов, и не были указаны причины, по которым заявитель должен был явиться туда.

137. Произведя общую оценку, внутригосударственные органы заключили, что политическая деятельность, в которой заявитель участвовал в Иране, могла считаться несущественной, что подтверждалось тем фактом, что с 2009 года заявитель не получал новых повесток из Революционного суда и никто из членов его семьи, остававшихся в Иране, не был подвергнут репрессиям со стороны властей Ирана.

138. При таких обстоятельствах Европейский Суд не убежден утверждением заявителя о том, что власти Швеции надлежащим образом не приняли во внимание жестокое обращение с ним в течение 20 дней содержания под стражей в сентябре 2009 года, его подробное описание слушания в Революционном суде в октябре 2009 года или тот факт, что он представил оригинальную повестку о повторной явке 2 ноября 2009 г.

139. В деле также отсутствуют данные, указывающие, что власти Швеции не приняли надлежащим образом во внимание риск задержания в аэропорту при общей оценке угрозы, которой подвергался заявитель.

140. Европейский Суд находит, что нельзя заключить, что разбирательство в государственных органах Швеции было неадекватным и в недостаточной степени подкрепленным внутригосударственными материалами, а также материалами, полученными из иных достоверных и объективных источников.

141. Кроме того, и что касается оценки риска, отсутствуют данные, подкрепляющие утверждение о том, что власти Швеции неправильно заключили, что заявитель не являлся известным активистом или политическим оппонентом. Таким образом, настоящее дело отличается, в частности, от Постановления Европейского Суда по делу «S.F.

и другие против Швеции» (упоминавшегося выше), где заявитель участвовал в активной политической деятельности и был помещен под наблюдение иранским режимом, Постановления Европейского Суда по делу «К.К. против Франции» (K.K. v. France) (от 10 октября 2013 г., жалоба № 18913/11), в котором заявитель был бывшим сотрудником разведывательных служб Ирана, и Постановление Европейского Суда по делу «R.C. против Швеции» (упоминавшееся выше), касавшееся, в частности, угрозы задержания в аэропорту при возвращении.

142. Наконец, что касается утверждения заявителя в Большой Палате Европейского Суда о том, что власти Ирана могли бы опознать его по постановлению Палаты и смогут сделать это в будущем на основании постановления Большой Палаты, Европейский Суд подчеркивает, что заявитель воспользовался анонимностью, когда его ходатайство об указании предварительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда было удовлетворено в октябре 2011 года, и что согласно материалам, представленным Европейскому Суду, отсутствовали твердые указания на риск опознания заявителя (см. противоположный пример в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда «S.F. и другие против Швеции», §§ 67–70, и упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «NA. против Соединенного Королевства», § 143).

143. Отсюда следует, что статьи 2 и 3 Конвенции не будут нарушены в связи с политическим прошлым заявителя в Иране, если он будет выслан в свою страну.

(b) Обращение заявителя

144. В настоящем деле власти Швеции имели дело с обращением *sur place*. В связи с этим прежде всего они должны были оценить, было ли обращение заявителя искренним и достигло ли оно определенного уровня последовательности, серьезности, связности и важности (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции» (S.A.S. v. France) от 1 июля 2014 г., жалоба № 43835/11, § 55, Постановление Европейского Суда по делу «Эвейда и другие против Соединенного Королевства» (Eweida and Others v. United Kingdom), жалобы №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 и 36516/10, § 81, ECHR 2013, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятыан против Армении» (Bayatyan v. Armenia), жалоба № 23459/03¹, § 110, ECHR 2011), прежде чем проверить, подвергнется ли заявитель угрозе обращения, противоречащего статьям 2 и 3 Конвенции в случае возвращения в Иран.

145. Европейский Суд отмечает, что согласно утверждениям властей государства-ответчика (см. § 104 настоящего Постановления) в делах о предоставлении убежища власти Швеции обычно следуют руководству УВКБ и рекомендациям УВКБ о международной защите по требованиям беженцев, основанным на религии, проводят индивидуальную оценку того, убедительно ли доказал иностранец, что его обращение *sur place* является искренним в том смысле, что основано на искренних личных религиозных убеждениях. Это включает оценку обстоятельств, при которых обращение имело место, и того, можно ли ожидать, что заявитель будет жить в качестве обращенного после возвращения на родину. Кроме того, 12 ноября 2012 г. генеральный директор по правовым вопросам в Миграционной службе Швеции издал «общую правовую позицию» (см. § 46 настоящего Постановления) относительно религии как основания для предоставления убежища, включая обращение, основанное на решении Миграционного апелляционного суда (MIG 2011: 29), рекомендациях УВКБ и упоминавшемся решении от 5 сентября 2012 г. Суда Европейского союза по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» от 5 сентября 2012 г. Согласно правовой позиции достоверность обращения должна быть тщательно проверена для определения того, имело ли место искреннее обращение. Лицо, пережившее искреннее изменение своей веры или которому грозит атрибуция нового религиозного убеждения и которому поэтому грозит преследование, не должно принуждаться к сокрытию своей веры только для избежания преследования. Кроме того, 10 июня 2013 г. генеральный директор по правовым вопросам издал «общую правовую позицию» (см. § 47 настоящего Постановления) относительно методологии оценки благонадежности и достоверности заявлений о международной защите, которая была основана, в частности, на оценке УВКБ в его докладе «Вне сомнений: оценка достоверности в системах убежища ЕС» от мая 2013 года.

146. В первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища в миграционной службе заявитель не захотел ссылаться на свое обращение. Дело было передано на рассмотрение в миграционную службу, но заявитель пояснил, что считал свою религию личным делом и «не хотел эксплуатировать свою ценную вновь приобретенную веру как средство приобретения убежища». Оглядываясь назад, он полагал, что в то время не имел достаточной юридической консультации и поддержки для понимания угрозы, связанной с его обращением.

147. Европейский Суд отмечает, что заявитель прожил почти всю свою жизнь в Иране, хорошо говорил по-английски (см. § 97 настоящего Постановления) и разбирался в компьютерах, веб-страницах и Интернете. Он также был критиком

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

режима. Следовательно, трудно признать, что он не сознавал угрозу для обращенных в Иране сам или через конгрегацию в церкви, где он был крещен вскоре после прибытия в Швецию, или через пастора, который выдал ему декларацию от 15 марта 2010 г. для передачи в миграционную службу. Европейский Суд также не убежден, что заявителю не была предоставлена достаточная юридическая консультация и поддержка для понимания угрозы, связанной с его обращением. Европейский Суд также отмечает, что заявитель не жаловался на это в национальном разбирательстве. Кроме того, на слушании в миграционной службе 24 марта 2010 г. ее сотрудник даже прервал встречу, чтобы заявитель мог проконсультироваться со своим адвокатом по этому конкретному поводу. Заявитель указал, что его обращение являлось личным делом, но не представляется, что он считал это препятствием для бесед о его религии (см. § 13 настоящего Постановления). Кроме того, в своей жалобе в миграционную службу заявитель ссылался на свое обращение как на основание предоставления убежища и представил сертификат о крещении от 31 января 2010 г., объясняя, что причина первоначального нежелания ссылаться на свое обращение заключалась в том, что он не хотел опоплять серьезность своих убеждений. В Миграционном суде 16 февраля 2011 г., указав, что он не хотел ссылаться на свое обращение как на основание для предоставления убежища, он добавил, что «однако это несомненно создаст [ему] проблемы при возвращении».

148. Что касается властей Швеции, 24 марта 2010 г. они узнали о наличии проблемы обращения заявителя *sur place*, когда миграционная служба проводила с ним устное интервью в присутствии его адвоката и переводчика. Конкретно, миграционная служба узнала об этом, поскольку заявитель передал ей декларацию пастора его конгрегации от 15 марта 2010 г., подтверждающую, что заявитель являлся ее членом с декабря 2009 года и был крещен. Поэтому сотрудник миграционной службы тщательно опросил заявителя по поводу его обращения и предложил ему проконсультироваться с адвокатом по этому поводу, после чего узнал, что заявитель не хочет ссылаться на обращение как на основание предоставления убежища (см. § 13 настоящего Постановления).

149. 29 апреля 2010 г. миграционная служба отклонила ходатайство заявителя о предоставлении убежища. Что касается обращения заявителя в христианство, миграционная служба отметила, что сертификат от пастора конгрегации может рассматриваться лишь как ходатайство в миграционную службу о предоставлении заявителю убежища. Она указала, что заявитель первоначально не собирался ссылаться на свое обращение как на основание для предоставления убежища и пояснял, что новая вера – это его частное дело. Она заключила,

что исповедание своей веры в частном порядке не является уважительной причиной, чтобы считать, что ему грозит преследование в случае возвращения, и решила, что заявитель не доказал, что по данной причине он нуждается в защите в Швеции.

150. Соответственно, несмотря на тот факт, что заявитель не хотел ссылаться на свое обращение, миграционная служба, тем не менее, произвела некоторую оценку риска, с которым он мог столкнуться в этой связи в случае возвращения в Иран.

151. В своей жалобе в миграционную службу заявитель ссылался на свое обращение и объяснил, почему ранее не хотел ссылаться на него.

152. Во время устного слушания в миграционной службе заявитель решил не ссылаться на свое обращение как на основание предоставления убежища, но добавил, что «оно, однако, создаст ему проблемы в случае возвращения в Иран». Позиция миграционной службы также была изложена. Она не ставила под сомнение тот факт, что заявитель в то время исповедовал христианскую веру, но не считала, что самого по себе данного факта было достаточно для того, чтобы он мог считаться нуждающимся в защите. Она сослалась на оперативное руководство Министерства внутренних дел Соединенного Королевства от января 2009 года.

153. Однако Миграционный суд дальше не рассматривал вопрос об обращении заявителя, способ исповедания им христианской веры в Швеции в то время, как он намеревался исповедовать ее в Иране, если приказ о высылке будет исполнен, или какие «проблемы» обращение могут возникнуть у него в случае возвращения. В своем решении от 9 марта 2011 г. об отклонении жалобы Миграционный суд отметил, что заявитель более не ссылался на свои религиозные взгляды как на основание для преследования. Соответственно, Миграционный суд не выполнил оценку риска, с которым заявитель мог столкнуться в результате его обращения в случае возвращения в Иран.

154. В своем ходатайстве о разрешении на обжалование в Миграционный апелляционный суд заявитель утверждал, что ссылался на свое обращение в Миграционном суде. Кроме того, он настаивал на том, что его опасение по поводу того, что его обращение стало известно властям Ирана, усилилось. Эти объяснения были признаны недостаточными для удовлетворения ходатайства об обжаловании, и Миграционный апелляционный суд отклонил ходатайство заявителя 8 июня 2011 г., после чего приказ о высылке вступил в силу.

155. 6 июля 2011 г. заявитель просил миграционную службу приостановить исполнение приказа о высылке. Он ссылался на свое обращение в христианство. Его ходатайство было отклонено миграционной службой и Миграционным судом, которые решили, что обращение не может рассматриваться как «новое обстоятельство», оправдывающее пересмотр его дела. 17 ноября 2011 г.

Миграционный апелляционный суд отказал в разрешении на обжалование.

156. Таким образом, несмотря на осведомленность о том, что заявитель обратился в Швеции из ислама в христианство и поэтому может относиться к группе лиц, которые в зависимости от различных факторов могут подвергаться угрозе обращения, нарушающего статьи 2 и 3 Конвенции в случае возвращения в Иран, миграционная служба и Миграционный суд в связи с тем, что заявитель не сослался на обращение как на основание предоставления убежища, не провели тщательного рассмотрения ходатайства заявителя, серьезность его убеждений, способа исповедания им христианской веры в Швеции и того, как он собирался исповедовать ее в Иране, если бы приказ о высылке был исполнен. Кроме того, в повторном разбирательстве обращение не было признано «новым обстоятельством», которое могло оправдать пересмотр его дела. Соответственно, власти Швеции никогда не производили оценку риска, с которым заявитель мог столкнуться в результате его обращения в случае возвращения в Иран. С учетом абсолютного характера статей 2 и 3 Конвенции трудно представить, что заинтересованное лицо может отказаться от предусмотренной ими защиты. Отсюда следует, что независимо от поведения заявителя компетентные внутригосударственные органы были обязаны по своей инициативе оценить всю информацию, доведенную до их сведения, до принятия решения о его высылке в Иран (см. § 127 настоящего Постановления).

157. Кроме того, в Большой Палате Европейского Суда заявитель представил различные документы, которые не были предъявлены во внутригосударственные органы, например, его письменное объяснение от 13 сентября 2014 г. (по поводу его обращения, способа, которым он в настоящее время исповедует свою христианскую веру в Швеции, и как он собирается исповедовать ее в Иране, если приказ о высылке будет исполнен) и письменное объяснение от 15 сентября 2014 г. бывшего пастора церкви заявителя (см. §§ 96–97 настоящего Постановления). С учетом материалов, представленных в Европейский Суд, и материалов, ранее представленных заявителем во внутригосударственные органы, Европейский Суд заключает, что заявитель в достаточной степени доказал, что его ходатайство о предоставлении убежища на основании его обращения заслуживает оценки органами власти государства-ответчика. Внутригосударственные органы должны были принять этот материал во внимание, как и любое дальнейшее развитие общей ситуации в Иране и конкретных обстоятельств дела заявителя.

158. Отсюда следует, что было бы допущено нарушение статей 2 и 3 Конвенции, если бы заявитель был возвращен в Иран в отсутствие *ex nunc* проверки властями Швеции последствий его обращения.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

159. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

160. Заявитель не представил требований о компенсации морального вреда. Соответственно, Европейский Суд не присуждает ему каких-либо сумм по данному основанию. В любом случае Европейский Суд считает, что его вывод в настоящем Постановлении сам по себе составляет достаточную справедливую компенсацию за любой моральный вред, который был причинен заявителю (см. в этом отношении Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таракхель против Швейцарии» (*Tarakhel v. Switzerland*), жалоба № 29217/12, § 137, *ECHR* 2014 (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Бельджуди против Франции» (*Beldjoudi v. France*) от 26 марта 1992 г., §§ 79 и 86, *Series A*, № 234-A, Постановление Европейского Суда по делу «М. и другие против Болгарии» (*M. and Others v. Bulgaria*) от 26 июля 2011 г., жалоба № 41416/08, §§ 105 и 143, и Постановление Европейского Суда по делу «Низамов и другие против Российской Федерации» (*Nizamov and Others v. Russia*) от 7 мая 2014 г., жалобы №№ 22636/13, 24034/13, 24334/13 и 24528/13¹, § 50).

161. В Палате Европейского Суда заявитель выдвинул требование о компенсации материального ущерба в части предполагаемой утраты дохода в качестве веб-дизайнера с оплатой в 19 000 шведских крон в месяц с 9 марта 2011 г. до предоставления ему убежища.

162. Власти Швеции утверждали, что это требование должно быть отклонено, поскольку заявитель не доказал, что ему был причинен какой-либо материальный ущерб и что существовала причинная связь между установлением нарушения и предполагаемым материальным ущербом.

163. Европейский Суд напоминает, что он может присуждать суммы в порядке справедливой компенсации, предусмотренной статьей 41 Конвенции, если убыток или ущерб, на которых основаны требования, причинены установленным нарушением, но государство не обязано возмещать ущерб, который не может быть ему приписан (см. упоминавшееся выше Постановление Большой

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 7 (примеч. редактора).

Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии», § 186).

164. Заявитель не обосновал утрату дохода. Кроме того, с учетом выводов Европейского Суда в настоящем деле о нарушении статей 2 и 3 Конвенции в случае возвращения заявителя в Иран в отсутствие надлежащей оценки *ex nunc* властями Швеции последствий его религиозного обращения не усматривается наличие причинной связи между установленным условным нарушением и материальным ущербом, на который ссылается заявитель.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

165. Заявитель требовал выплаты 67 175 евро, включая налог на добавленную стоимость (НДС), в качестве компенсации судебных расходов и издержек, что включало:

1) 1 415 евро в счет адвокатских гонораров в разбирательстве в Палате Европейского Суда, что равно 8,4 часа по часовой ставке 1 205 крон (не считая НДС);

2) 42 683 евро в счет адвокатских гонораров в разбирательстве в Большой Палате Европейского Суда, что равно 311 часам по часовой ставке 134 евро 5 центов (не считая НДС) и семи часов по часовой ставке 136 евро;

3) 9 860 евро за транспортные расходы и компенсацию расходов, понесенных тремя его адвокатами при участии в рассмотрении дела в Большой Палате Европейского Суда, включая счета из гостиниц на две ночи (1 190 евро) и сбор за избыток багажа (235 евро);

4) 319 евро за издержки, связанные с консультациями заявителя с его адвокатами;

5) 12 898 евро, что равно 25% НДС по пунктам 2 и 3.

166. Власти Швеции не оспаривали часовую ставку, на которую ссылался заявитель, поскольку она соответствовала обычной часовой ставке юридической помощи по назначению в Швеции, но они считали, что количество часов, поставленных в счет разбирательства дела в Большой Палате Европейского Суда, было чрезмерным с учетом предмета и сложности дела. Они полагали, что сумма, равная 120 часам, была бы разумной, что соответствовало бы примерно 16 231 евро (исключая НДС). Кроме того, власти Швеции утверждали, что транспортные расходы заявителя являются чрезмерными.

167. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек лишь в той мере, насколько было доказано, что они были понесены действительно и по необходимости и были разумными по размеру.

168. Что касается адвокатских гонораров в Палате или Большой Палате, Европейский Суд

может принять часовую ставку, указанную заявителем.

169. Обращаясь к другим расходам и издержкам, понесенным в Большой Палате, Европейский Суд должен удостовериться в том, что судебные расходы и издержки действительно были понесены и были разумными по размеру.

170. В итоге Европейский Суд присуждает заявителю 3 644 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, включая НДС. Эта сумма включает сумму, предоставленную в порядке освобождения от оплаты юридической помощи Европейским Судом, а именно 3 902 евро. Оставшуюся сумму, 33 742 евро, должно уплатить государство-ответчик.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

171. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* 16 голосами «за» при одном – «против» требование властей Швеции об исключении жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом;

2) *постановил* единогласно, что высылка заявителя в Иран в связи с его политическим прошлым в этой стране не составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции;

3) *постановил* единогласно, что высылка заявителя в Иран в отсутствие оценки властями Швеции *ex nunc* последствий его религиозного обращения составит нарушение статей 2 и 3 Конвенции;

4) *постановил* единогласно, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителю 33 742 евро (тридцать три тысячи семьсот сорок два евро), а также любой налог, который может быть начислен заявителю, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эту сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) *отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено во время публичных слушаний во

Дворце прав человека в г. Страсбурге 23 марта 2016 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ
Заместитель Секретаря
Большой Палаты

Гвидо РАЙМОНДИ
Председатель
Большой Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(а) совпадающее особое мнение судьи Леди Бианку;

(b) частично совпадающее, частично несовпадающее особое мнение судьи Хелены Ядерблом, к которому в части 1 присоединился судья Роберта Спано;

(с) особое мнение судьи Андраша Шайо;

(d) совместное особое мнение судей Инеты Зиемеле, Винсента А. де Гаэтано, Паулу Пинту де Альбукерке, Линос-Александра Сицильяноса, и Кшиштофа Войтычека.

СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛЕДИ БИАНКУ

Я согласен с выводом о нарушении в данном деле. Однако я бы хотел добавить следующие замечания.

Сегодняшнее Постановление правильно подтверждает позицию Европейского Суда в § 115, подчеркивая, что «[п]олная и *ex nunc* оценка требуется, когда необходимо принять во внимание информацию, которая выявлена после принятия окончательного решения внутренними органами». Таков последовательный подход Европейского Суда особенно в отношении дел о высылке, чтобы сделать их защиту практической и эффективной.

Считаю необходимым напомнить, что Европейский Суд установил принципы, относящиеся к оценке риска жестокого обращения в Постановлении по делу «Крус Варас и другие против Швеции» (*Cruz Varas and Others v. Sweden*) (20 марта 1991 г., §§ 74–76 и 83, Series A, № 201), а также дополнительно разъяснил и консолидировал эти принципы в Постановлении Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. United Kingdom*) (от 30 октября 1991 г., §§ 107–108, Series A, № 215).

Таким образом, после этих постановлений 1991 года для целей анализа оценки риска в соответствии со статьей 3 Конвенции очевидно, что подход анализа *ex nunc* используется Европейским Судом в отношении событий в стране назначения и развивающейся ситуации самих заявителей в стране, где они ищут убежища, так называемой деятельности *sur place* (см. Постановление Европейского Суда от

15 мая 2012 г. по делу «S.F. и другие против Швеции» (*S.F. and Others v. Sweden*), жалоба № 52077/10, §§ 68–71)¹. Сегодняшнее Постановление является подтверждением анализа *ex nunc* в отношении этой деятельности.

В параграфе 156 настоящего Постановления подтверждается, что «независимо от поведения заявителя компетентные внутригосударственные органы *были обязаны* по своей инициативе оценить всю информацию, доведенную до их сведения, до принятия решения о его высылке в Иран» (курсив наш).

Я только хочу подчеркнуть, что это *должно быть ясно* внутригосударственным органам, поскольку более чем 20 лет они имеют такое процессуальное обязательство. С учетом последовательного подхода анализа *ex nunc*, принятого в Страсбурге, также используемого внутригосударственными судами в течение многих лет в своей оценке риска², а ныне кодифицированного на уровне Европейского союза³, я предпочел бы, чтобы в настоящем Постановлении прямо указывалось, что вследствие отсутствия оценки риска *ex nunc* в сочетании с расследованием *ex proprio motu*⁴ и анализом материала властями Швеции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства», § 107)⁵, последние не произвели согласующуюся со статьей 3 Конвенции оценку ситуации заявителя. Я верю, что только оценка на внутригосударственном уровне, которая согласуется со статьей 3 Конвенции, как установил Европейский Суд, постепенно снизит потребность для вмешательства Страсбурга и перейдет к анализу *ex nunc* постоянно развивающихся и сложных ситуаций на второй стадии.

¹ См. также статью 5 Директивы 2011/95/EU Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г. по стандартам для квалификации граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев и по единому статусу для беженцев или лиц, имеющих право на дополнительную защиту, и по содержанию предоставляемой защиты.

² См. в числе многих других решений: Апелляционный суд Англии и Уэльса от 28 октября 1999 г., решение по делу «Даниан против министра внутренних дел» (*Danian v. Secretary of State for the Home Department*) (1999) EWCA Civ 3000, решение Хельсинкского административного суда от 25 октября 2010 г., 10/1389/1, решение Высокого суда Ирландии от 21 января 2011 г., *H.M. v. Minister for Justice, Equality, Law Reform*, (2011) IENC16, и решение Миграционного суда Швеции от 1 марта 2011 г., UM 20938–10 (все имеются по адресу: <http://www.asylumlawdatabase.eu/en>).

³ Пункт 3 статьи 46 Директивы 2013/32/EU Европейского парламента и Совета от 26 июня 2013 г. об общих процедурах для предоставления и отмены международной защиты.

⁴ *Proprio motu* (лат.) – по собственной инициативе (примеч. переводчика).

⁵ См. также, что касается необходимости такого расследования, решение Миграционного апелляционного суда Швеции от 18 сентября 2006 г., UM 122–06 (<http://www.asylumlawdatabase.eu/en>).

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ХЕЛЕНА ЯДЕРБЛОМ, К КОТОРОМУ В ЧАСТИ 1 ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ РОБЕРТ СПАНО

1. ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

При оценке риска на индивидуальном уровне в деле о предоставлении убежища рассматриваемые обстоятельства могут иметь более или менее общий характер. Что касается мусульман, которые обратились в христианство в Иране, страновые доклады показывают, что при определенных ситуациях имеются риски. Однако для обратившегося человека, который недостаточно известен в том смысле, что он не занимается прозелитизмом или не исповедует свое христианство в политическом контексте, а посещает домашние службы и хранит в доме религиозные материалы, обычно отсутствует угроза жестокого обращения степени или характера, достаточных для применения статей 2 и 3 Конвенции. Первоначальное нежелание заявителя ссылаться на его обращение в христианство означает, что с ним *de facto* обращались как с любым бывшим мусульманином, который ссылается на «низкий профиль» исповедания христианства.

Основной принцип, разработанный в прецедентной практике Европейского Суда для оценки риска, влекущего запрет высылки, заключается в том, что заявитель должен представить доказательства, способные установить наличие существенных оснований полагать, что он будет подвергаться реальной угрозе жестокого обращения. Согласно принципам УВКБ, хотя бремя доказывания обычно возлагается на того, кто утверждает, имеется общая обязанность заявителя и проверяющего лица установить и оценить все относимые факты (см. § 109 настоящего Постановления). Я разделяю данное мнение.

Существуют два объяснения того, почему заявитель не ссылался на свое обращение на первом этапе разбирательства в миграционной службе и Миграционном суде. (Что касается жалобы в Миграционный апелляционный суд, следует напомнить, что этот суд функционирует в основном как орган развития практики и не рассматривает дело по существу.) Помимо возможности того, что обращение не было искренним в момент, когда оценивалось его ходатайство о предоставлении убежища, чего я не предполагаю, заявитель либо не понимал величину опасности его обращения и способа, которым он собирался исповедовать свою новую религию, или он не намеревался исповедовать ее любым способом, который подвергнет его опасности в Иране.

Вопрос заключается в том, какую опасность заявитель должен был сознавать во время разбирательства на внутригосударственном уровне, и, следова-

тельно, какую опасность должны были оценивать власти. В этом отношении следует различать лицо, которое бежало из своей страны в связи с преследованием по религиозным основаниям, и лицо, которое подобно заявителю было обращено *sur place*. В последней ситуации не только заявитель, который должен вообразить, какой может быть ситуация после его возвращения в связи с его предсказуемой религиозной деятельностью, но также национальные органы должны рассмотреть и оценить не только уже пережитые трудности, но и трудности, которых можно ожидать. Следует отметить, что дело CJEU «Федеративная Республика Германия против Y и Z» (*Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z*) (см. § 50 настоящего Постановления) касалось не обращения *sur place*, а оценки будущих рисков, относящихся к лицам, которые предположительно являлись жертвами преследования на основе их религиозных убеждений и обрядов. Данное дело не затрагивает процессуальные требования внутригосударственных органов. Напротив, CJEU в деле («А, В и С против Государственного секретаря по безопасности и юстиции» (*A, B и C v. Staatssecretaris van Veiligheid en Justitie*)) (см. § 51 настоящего Постановления) не одобрил практику проведения подробных допросов по поводу сексуальных практик лиц, требующих убежища на основании рисков преследования в связи с их гомосексуализмом, и решил, что заключение о недостоверности не может быть сделано только потому, что искатель убежища не ссылался на свою заявленную сексуальную ориентацию при первой возможности, которая была ему предоставлена для изложения оснований преследования. Однако, по моему мнению, то дело нельзя сравнивать с настоящим. Сексуальная ориентация лица может быть наиболее чувствительным и интимным аспектом его жизни, и CJEU признает, что может быть трудно вынести подобный вопрос на публику или перед принимающим решение органом. Не такова ситуация в нашем деле, где заявитель с самого начала его обращения посещал публичные мероприятия и службы в шведских церквях. Кроме того, в настоящем деле речь идет не о достоверности утверждений заявителя, а скорее о неясности в отношении предполагаемой будущей деятельности во вновь обретенной религии и отсутствия автоматической проверки властей Швеции в этом отношении.

Заявитель не разъяснил в миграционной службе или любом из внутригосударственных судов, как он намерен практиковать свою вновь обретенную религию в Иране. Он никогда не упоминал, что намерен заниматься прозелитизмом или публиковать христианские тексты. С тех пор, как жалоба заявителя впервые поступила в Европейский Суд, он утверждал, что собирается исповедовать свою новую веру экстравертным образом. Применимо ли это к любому времени, пока его ходатайство о предоставлении убежища рассматривается на первом

этапе разбирательства властями Швеции, просто неизвестно, поскольку он этого не разъяснил. Тот факт, что заявитель упомянул в Миграционном суде, что обращение будет проблематичным после его возвращения в Иран, конечно, должен учитываться судом, но, как мы видим, для этого возможны другие объяснения. Из того, что его адвокат отвечал на слушании в Большой Палате Европейского Суда, ясно, что заявитель столкнется в Иране с проблемами с семьей и друзьями, которые не примут его обращение, и поэтому он будет страдать от обращения по этим причинам. Однако данные последствия не являются основанием для предоставления убежища.

Заявитель прожил большую часть жизни в Иране, был опытным пользователем Интернета и говорил по-английски. Кроме того, он был представлен адвокатом на всем протяжении разбирательства по поводу предоставления убежища. Заявитель обсуждал вопрос обращения с адвокатом несколько раз начиная со стадии первоначальных интервью в миграционной службе. Таким образом, трудно представить, что заявителю, пользовавшемуся услугами адвоката, тем или иным способом препятствовали в доведении соответствующего факта или риска до сведения властей и судов. Кроме того, сотрудник миграционной службы задал ему вопрос о его обращении (уже в интервью от 24 марта 2010 г.) и, таким образом, активно затронул проблему в деле, и заявитель получил возможность поразмыслить по этому поводу.

Общеизвестно, что обращение в христианство само по себе не является достаточным, чтобы спровоцировать жестокое обращение со стороны властей Ирана. Чтобы это произошло, должен иметь место элемент экстравертного практикования веры. Это было определенно известно заявителю и властям Швеции. Миграционная служба Швеции обычно обрабатывает десятки тысяч ходатайств о предоставлении убежища каждый год, а четыре миграционных суда рассматривают несколько тысяч дел о предоставлении убежища в год. Должностные лица и судьи специализируются на ситуации в конкретных странах, включая Иран.

Имея в виду конкретную ситуацию заявителя, в частности, осознание им ситуации на родине, оказанную ему юридическую помощь, а также низкий уровень риска для обращенных, которые практикуют христианство с осторожностью, по моему мнению, было бы разумно ожидать от заявителя, что он, по крайней мере, упомянет, что собирается практиковать свою вновь обретенную веру экстравертным и, следовательно, опасным образом. Если бы заявитель сослался на указанное обстоятельство, власти должны были бы проверить, как это повлияет на оценку риска, и исследовать данные факты. Вот как, по моему мнению, должен применяться принцип УВКБ о совместной обязанности в ситуации, аналогичной настоящей.

Соответственно, я не убежден, что власти Швеции не исполнили свою обязанность по проведению оценки относимых фактов или рисков в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища.

Вопрос заключается в том, существовали ли обстоятельства, такие как события, касавшиеся исповедания его новой религии, которые требовали второй новой оценки ходатайства заявителя о предоставлении убежища на основании его обращения. Во втором разбирательстве было жизненно важно оценить, было ли развитие способа, которым заявитель, как можно было ожидать, будет исповедовать свою вновь обретенную религию в Иране, так же как требовала оценки любая другая деятельность *sur place*. Сам заявитель не дал новых объяснений во втором разбирательстве относительно способа, которым, как он предвидел, он сможет практиковать свою новую религию в Иране. При этом заявитель не описал деятельность, выходящую за пределы низкопрофильной практики, которая обычно допускается в этой стране. Соответственно, неудивительно, что заявителя сочли не указавшим новые обстоятельства в данном отношении, и поэтому я не могу заключить, что власти Швеции не исполнили свои обязательства по поводу второго разбирательства.

Однако заявитель представил новые материалы в Европейский Суд, в которых он разъяснял, как он будет практиковать свою религию в Иране в случае высылки. Обстоятельства, изложенные Европейскому Суду, того рода, который может выявить риск жестокого обращения, и поэтому должны быть приняты во внимание властями Швеции до принятия любого нового решения, что касается его возможной высылки. По этой причине я голосовал с большинством судей за потенциальное нарушение статей 2 и 3 Конвенции.

2. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБЫ ЯВЛЯЕТСЯ НЕОПРАВДАНЫМ

Хотя я голосовала с большинством судей в отношении статей 2 и 3 Конвенции, я бы предпочла, чтобы жалоба была исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению Европейским Судом, по следующим причинам.

Пункт 1 статьи 37 Конвенции предусматривает:

«1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что

a) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы; или

b) спор был урегулирован; или

c) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней».

Согласно последовательной практике Европейского Суда в делах о высылке заявителя из государства-ответчика, если заявителю предоставлен вид на жительство и отсутствуют угрозы высылки из этого государства, Европейский Суд признает дело урегулированным в значении подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции и прекращает по нему производство независимо от согласия заявителя (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «М.Е. против Швеции» (M.E. v. Sweden) (прекращение производства) от 8 апреля 2015 г., жалоба № 71398/12¹, § 32, Решение Европейского Суда по делу «Н против Норвегии» (N v. Norway) от 17 февраля 2015 г., жалоба № 51666/13, Решение Европейского Суда по делу «I.A. против Нидерландов» (I.A. v. Netherlands) от 27 мая 2014 г., жалоба № 76660/12, Решение Европейского Суда по делу «O.G.O. против Соединенного Королевства» (O.G.O. v. United Kingdom) от 18 февраля 2014 г., жалоба № 13950/12, Решение Европейского Суда по делу «Исман против Швейцарии» (Isman v. Switzerland) от 21 января 2014 г., жалоба № 23604/11, Решение Европейского Суда по делу «М.А. против Швеции» (M.A. v. Sweden) от 19 ноября 2013 г., жалоба № 28361/12, Решение Европейского Суда по делу «А.Г. против Швеции» (A.G. v. Sweden) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 22107/08, и Решение Европейского Суда по делу «Сарвари против Австрии» (Sarwari v. Austria) от 3 ноября 2011 г., жалоба № 21662/10). Причиной этого является то, что Европейский Суд последовательно подходил к вопросу как к одному из потенциальных нарушений Конвенции, придерживаясь мнения о том, что угроза нарушения устраняется за счет решения, предоставляющего заявителю право проживания в данном государстве-ответчике (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты евро по делу «М.Е. против Швеции» § 33). В делах о высылке заявителя из государства-ответчика, если из доступной информации ясно, что для него в настоящее время и на значительную перспективу отсутствует угроза высылки и подверженности обращению, предположительно нарушающему статью 3 Конвенции, и заявитель может оспорить будущее решение о высылке во внутригосударственных органах и Европейском Суде, последний в нескольких делах приходил к выводу, что дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным, и производство по делу должно быть прекращено в силу подпункта «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции (см., в частности,

Решение Европейского Суда по делу «I.A. против Нидерландов» (I.A. v. Netherlands) от 27 мая 2014 г., жалоба № 76660/12, *mutatis mutandis*, в соответствии со статьей 8 Конвенции, Постановление Европейского Суда по делу «Атаева и Бурман против Швеции» (Atayeva and Burman v. Sweden) (прекращение производства) от 31 октября 2013 г., жалоба № 17471/11, §§ 19–24, Постановление Европейского Суда по делу «P.Z. и другие против Швеции» (P.Z. and Others v. Sweden) (прекращение производства) от 18 декабря 2012 г., жалоба № 68194/10, §§ 14–17, и Постановление Европейского Суда по делу «B.Z. против Швеции» (B.Z. v. Sweden) (прекращение производства) от 18 декабря 2012 г., жалоба № 74352/11, §§ 17–20). Во всех этих делах Европейский Суд устанавливал отсутствие особых обстоятельств, связанных с соблюдением прав человека, определенных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требовали бы продолжения рассмотрения дела (пункт 1 статьи 37 Конвенции, *in fine*).

Настоящее Постановление вынесено через четыре с лишним года после окончательного решения на уровне страны и после истечения срока действия приказа о высылке. Следовательно, приказ не может быть исполнен. Заявитель может возбудить новое и полное разбирательство о предоставлении убежища, объясняющее, как его экстравертная религиозная практика повлечет жестокое обращение в Иране, и его требования будут рассмотрены по существу миграционной службой и в случае обжалования – судом. Действительно, заявитель сообщил, что, если Европейский Суд прекратит рассмотрение его дела, он подаст новое ходатайство о предоставлении убежища и сошлется на свое обращение в христианство как на одно из оснований. Для заявителя в настоящее время и на значительную перспективу отсутствует угроза высылки в Иран. Если его новое ходатайство о предоставлении убежища будет отклонено внутригосударственными органами и судами, он сможет подать новую жалобу в Европейский Суд.

Практические следствия истечения приказа о высылке и вывода о потенциальном нарушении в настоящем деле одни и те же, а именно, что состоится *ex nunc* оценка последствий обращения заявителя. Мотивировка большинства судей не предложила новых существенных принципов в прецедентную практику Европейского Суда. При таких обстоятельствах более не является оправданным рассмотрение настоящей жалобы, и я не усматриваю особых обстоятельств, связанных с соблюдением прав человека, определенных Конвенцией и Протоколами к ней, которые требовали бы продолжения рассмотрения дела. Соответственно, целесообразно прекратить производство по делу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 2 (примеч. редактора).

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ АНДРАША ШАЙО

Я разделяю выводы особого мнения моих коллег судей Инеты Зиемеле, Винсента А. де Гаэтано, Паулу Пинту де Альбукерке, Линос-Александра Сицильяноса, и Кшиштофа Войтычека.

Я считаю, что внутригосударственные органы имеют позитивное обязательство оценить ситуацию с предоставлением убежища заявителю с точки зрения статей 2 и 3 Конвенции по своей инициативе, ссылаясь на доступную информацию. Они должны были знать, что заявитель столкнется с угрозой смертной казни в случае высылки в Иран. Они должны были это знать с учетом личной информации, представленной самим заявителем. Существует значительный материал о преследовании немусульман, включая христиан, в современном Иране. Однако внутригосударственные органы не рассмотрели международную доступную информацию и документацию, и это упущение само по себе сделало их решение противоречащим верховенству права и повлекло нарушение процессуальных требований статей 2 и 3 Конвенции. Вступивший в силу приказ о высылке, таким образом, поставил жизнь заявителя под непосредственную угрозу.

Кроме того, я бы предпочел отдельный анализ пределов, в которых конвенционное право свободного исповедания религии (то есть в настоящем деле, а не сокрытие христианской веры в Иране, как предложили внутригосударственные органы) имеет экстерриториальное применение.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ИНЕТЫ ЗИЕМЕЛЕ, ВИНСЕНТА А. ДЕ ГАЭТАНО, ПАУЛУ ПИНТУ ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ, ЛИНОС-АЛЕКСАНДРА СИЦИЛЬЯНОСА И КШИШТОФА ВОЙТЫЧЕКА

1. По нашему мнению, имело место нарушение статей 2 и 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенции) в части приказа о высылке, вынесенного в отношении заявителя, по материальному и процессуальному основаниям. Что касается процесса, мы полагаем, что разбирательство по поводу предоставления убежища было омрачено серьезными недостатками, которые причинили ущерб окончательному внутригосударственному решению. С материально-правовой точки зрения мы находим, что суды государства-ответчика не соблюдали конвенционный стандарт, когда признавали, что заявитель не подвергнется риску вследствие его обращения в христианство в случае его высылки в Иран. Поскольку мы не оспариваем, что заявитель в настоящее время не подвергнется в Иране риску в связи со своими политическими убеждениями, данное особое мнение ограничено обсуждением совместимости внутригосударственного при-

каза о высылке и разбирательства в соответствии с Конвенцией в свете религиозного обращения заявителя.

СТАТУС ЖЕРТВЫ

2. Хотя юридическая сила приказа о высылке утрачена 8 июня 2015 г., мы считаем, что статус жертвы заявителя остается неизменным, поскольку ему не был предоставлен вид на жительство в Швеции, и результат любого нового разбирательства по поводу предоставления убежища, которое он может возбудить, является неопределенным. Если бы Европейский Суд прекратил производство по делу заявителя, Постановление Палаты вступило бы в силу с серьезной возможностью его не критического восприятия в любом будущем разбирательстве во внутригосударственных органах и судах. С учетом энергичного сопротивления государства-ответчика жалобам заявителя на уровне Палаты и Большой Палаты Европейского Суда Постановление Палаты ощутимо повысит риск высылки заявителя с явным нарушением его основных прав человека.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ

3. Не оспаривается, что в первоначальном разбирательстве по поводу предоставления убежища заявитель указал, что он не хотел ссылаться на свое обращение в христианство как на основание для предоставления убежища. Следовательно, основной вопрос в деле заключается в том, должны ли были власти, которые были осведомлены об обращении заявителя, по своей инициативе провести оценку также и этого риска.

Мы придерживаемся мнения о том, что внутригосударственные органы и суды имели обязательство оценить по своей инициативе потребность заявителя в международной защите в свете всех обстоятельств, которые были или должны были быть известны им. Органы власти государства-ответчика не имели выбора не рассматривать известный риск в соответствии со статьей 3 Конвенции по религиозным причинам только потому, что искатель убежища активно не использовал его во внутригосударственном разбирательстве или не полностью понимал последствия его формального неиспользования в качестве основания предоставления убежища. Вместо этого органы власти Швеции предпочли рассмотреть ситуацию заявителя, как если бы он отказался от ссылки на риск, вытекающий из его религиозного обращения.

Мы фактически не признаем, что заявитель отказался от ссылок на подобный риск. Материалы дела не содержат данных об информированном и добровольном отказе со стороны заявителя. Кроме того, с учетом абсолютного характера запре-

та *refoulement*¹ и неотступаемых прав, предусмотренных статьями 2 и 3 Конвенции, такой отказ, даже если бы он был доказан, чего в данном случае не было, не являлся бы относимым соображением. Таким образом, органы власти и суды Швеции были обязаны рассмотреть угрозу для заявителя после его обращения в случае его возвращения в Иран. Они этого не сделали.

4. Действительно миграционная служба отметила, что заявитель первоначально не хотел ссылаться на свое обращение как на основание для предоставления убежища и указывал, что его вера является личным делом и поэтому он не нуждается в защите в Швеции². Впоследствии Миграционный суд даже не упомянул данный вопрос с учетом того факта, что заявитель более не ссылаясь на свои религиозные взгляды как на основание для преследования³. Несмотря на явный аргумент заявителя, основанный на риске, вытекающем из его религиозных убеждений, который был использован в его ходатайстве о разрешении на подачу жалобы в Миграционный апелляционный суд, последний проигнорировал аргумент и отклонил ходатайство⁴. Позднее, требуя пересмотра дела, заявитель настаивал на наличии угрозы для жизни, сопутствующей обращению из ислама в другую религию, с которой он столкнется в Иране⁵. Вновь миграционная служба непреклонно указала, что заявитель ранее оставил идею ссылки на свои новые религиозные убеждения и что он, следовательно, лишен возможности выдвинуть этот вопрос в качестве нового обстоятельства⁶.

Позиция миграционной службы, которую подтвердили Миграционный суд и Миграционный апелляционный суд⁷, была впоследствии отвергнута «общей правовой позицией» генерального директора по правовым вопросам в Миграционной службе Швеции относительно методологии оценки благонадежности и достоверности заявлений о международной защите. Данный документ по сути предусматривает, что первоначальное бремя доказывания возлагается на заявителя, но подчеркивает, что ответственность за оценку ходатайства о международной защите возлагается на заявителя и на рассматривающий орган⁸. В этой связи указанная «общая правовая позиция» согласуется со стандартами бремени доказывания,

установленными данным Судом⁹ и Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ)¹⁰.

5. Несмотря на признание искреннего характера обращения заявителя, внутригосударственные органы и суды исходили из предположения о том, что заявитель не подвергнется риску в случае высылки в Иран, поскольку он мог изменить свое социальное поведение для исповедания своей новой веры исключительно в частном порядке. Иными словами, власти и суды Швеции исходили из того, что заявитель будет или в действительности должен воздерживаться в Иране от участия в церковных службах, молитвенных собраниях и общественной деятельности в отличие от того, чем он занимался в Швеции. Данная позиция была ясно изложена миграционной службой, которая полагала, что исповедание своей веры частным порядком не рассматривается как правдоподобная причина считать, что он подвергнется преследованию в случае возвращения¹¹.

Ни Миграционный суд, ни Миграционный апелляционный суд не отвергли эту позицию. Хотя через несколько месяцев генеральный директор по правовым вопросам в Миграционной службе Швеции издал новую «общую правовую позицию» от 12 ноября 2012 г. относительно религии как основания для предоставления убежища, которая ясно подтвердила, что лицо, пережившее искреннее изменение своей веры, «не должно принуждаться к сокрытию своей веры только для избежания преследования»¹². По случайному совпадению Большая Палата Суда Европейского союза (CJEU) вынесла свое решение по делу «Федеративная Республика Германия против Y и Z» (*Bundesrepublik Deutschland v. Y and Z*), от 5 сентября 2012 г., указав:

«опасение заявителя по поводу преследования является обоснованным, если в свете личных обстоятельств заявителя компетентные органы полагают, что можно обоснованно думать, что после возвращения в страну его происхождения он будет участвовать в религиозных обрядах, которые подвергнут его реальной угрозе преследования. При оценке ходатайства о признании статуса беженца на индивидуальной основе эти органы не могут разумно ожидать, чтобы заявитель воздержался от этих религиозных практик».

¹ *Refoulement* – запрет принудительно возвращать беженцев в страны, откуда они прибыли (примеч. редактора).

² См. § 21 настоящего Постановления.

³ См. там же, § 28.

⁴ См. там же, §§ 30–31.

⁵ См. там же, § 32.

⁶ См. там же, § 33.

⁷ См. там же, §§ 35 и 36.

⁸ См. там же, § 47.

⁹ Постановление Европейского Суда по делу «R.C. против Швеции» (*R.C. v. Sweden*) от 9 марта 2010 г., жалоба № 41827/07.

¹⁰ УВКБ, Пояснительная записка о бремени и стандарте доказательства в заявлениях о предоставлении статуса беженца, 16 декабря 1998 г., § 6; Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженца, HCR/IP/4/Eng/Rev.1, 1992, §§ 196–197.

¹¹ См. § 21 настоящего Постановления.

¹² См. там же, § 46.

Общая правовая позиция генерального директора и решение СЕУ основаны на долгосрочных рекомендациях УВКБ от 28 апреля 2004 г. о международной защите по требованиям беженцев, основанным на религии, согласно которым никто не должен принуждаться к сокрытию, изменению религиозных убеждений или к отказу от них для избежания преследования¹.

6. Мы согласны с этой принципиальной позицией, которая полностью соответствует последовательной прецедентной практике Европейского Суда относительно обязанности государства по соблюдению нейтралитета в религиозных вопросах и несовместимости данной обязанности с любым полномочием государства по оценке правомерности религиозных убеждений и форм, в которых эти убеждения были выражены². Как указал Верховный суд Соединенного Королевства в деле, в котором требование о предоставлении убежища было основано на гомосексуальности, с использованием убедительной исторической аллюзии, иное решение означало бы возвращение Анне Франк в оккупированные нацистами Нидерланды в случае, если бы ей удалось бежать оттуда, на том основании, что она могла бы прятаться на чердаке и таким образом успешно избежать возможности заключения под стражу нацистами³. Верховный суд указал, что подобная позиция была бы «абсурдной и нереальной». Поэтому мы не можем согласиться с предположением государства-ответчика о том, что заявитель не подвергся бы преследованиям в Иране, поскольку он мог бы участвовать в низкопрофильной, скрытной или даже тайной практике своих религиозных убеждений. Внешнее выражение веры не только является существенным элементом самой свободы, защищаемой статьей 9 Конвенции, но как минимум и определено в случае христианства внешнее свидетельство этой веры является «существенной миссией и ответственностью каждого христианина и каждой церкви»⁴.

Таким образом, мы заключаем, что имело место процессуальное нарушение статей 2 и 3 Конвенции в связи с серьезными недостатками, затрагивающими внутригосударственное разбирательство и последующее окончательное решение.

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ НАРУШЕНИЕ

7. Согласно требованиям Конвенции искатель убежища не может подвергнуться *refoulement* в свою страну происхождения или любую другую страну, где рискует подвергнуться серьезному ущербу со стороны неустановленного лица или публичного или частного лица. Акт *refoulement* может состоять в высылке, депортации, выдворении, экстрадиции, формальной или неформальной передаче, «рендиции», отклонении, отказе во въезде или любой другой мере, которая может повлечь принуждение лица к пребыванию или возвращению в свою страну происхождения. Угроза серьезного ущерба может происходить в случае иностранной агрессии, внутреннего вооруженного конфликта, внесудебного убийства, принудительного исчезновения, смертной казни, пытки, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, принудительного труда, торговли людьми, преследования, судебного процесса, основанного на ретроактивном или неопределенном уголовном законодательстве или на доказательствах, полученных в результате пытки или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, таким образом, составляя «грубое нарушение» существа любого конвенционного права в государстве назначения (прямое *refoulement*), или от последующего доставления лица государством назначения в третье государство, где существует подобная угроза (косвенное *refoulement*). Мы отмечаем, что запрет *refoulement* – это договорная норма, в отношении которой не допускаются отступления и оговорки⁵. Кроме того, запрет *refoulement* является принципом обычного международного права, обязательного для всех государств, даже если они не являются сторонами Конвенции ООН о статусе беженцев или любого другого договора о защите беженцев. Европейский Суд ясно признал принцип *non-refoulement* в качестве обязательной нормы международного права, в частности, в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*)⁶.

8. Родившись в Иране, заявитель стал христианином вскоре после въезда в Швецию, по крайней мере, в декабре 2009 года. Его обращение точно подтверждается его сертификатом о крещении от 31 января 2010 г., декларацией от 15 марта 2010 г. пастора в Швеции, удостоверяющей, что заявитель являлся членом его конгрегации с дека-

¹ См. § 52 настоящего Постановления.

² Постановление Европейского Суда по делу «Эвейда и другие против Соединенного Королевства» (*Eweida and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 и 36516/10, § 81, *ECtHR* 2013, и содержащиеся в нем отсылки.

³ Решение «НД (Иран) и НТ (Камерун) против министра внутренних дел» (*HJ (Iran) and HT (Cameroon) v. Secretary of State for the Home Department*), (2010) UKSC31, 7 июля 2010 г., § 107.

⁴ Постановление Европейского Суда по делу «Коккинакис против Греции» (*Kokkinakis v. Greece*) от 25 мая 1993 г., жалоба № 14307/88, §§ 31 и 48 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 2 (примеч. редактора)).

⁵ Статья 33 и пункт 1 статьи 42 Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 года, пункт 1 статьи VII Протокола 1967 года и статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров.

⁶ Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 23 февраля 2012 г. по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*), № 27765/09, § 134, которая ссылается на Записку УВКБ о международной защите от 13 сентября 2001 г. (А/АС.96/951, § 16).

бря 2009 года и был крещен, а также письмом от 13 апреля 2011 г. из его новой конгрегации, которое указывало, что заявитель был обращен вскоре после прибытия в Швецию, что он проявил честные намерения и интерес, хотел узнать больше о своей новой вере, принимал участие в церковных службах, молитвенных собраниях и общественной деятельности¹. Власти государства-ответчика не оспаривали этого.

9. В Иране обращение заявителя в христианство является уголовным преступлением, которое наказывается смертью². Кроме угрозы общественного преследования в качестве христианина³, заяви-

тель рискует уголовным преследованием за преступление отступничества⁴. Хотя власти Ирана не кодифицировали преступление отступничества, они санкционировали применение некоторых исламских норм, даже если преступление отдельно не упоминается в Уголовном кодексе. Поскольку отступничество прямо не запрещено Уголовным кодексом Ирана и существуют различные толкования исламского права по поводу отступничества, судьи имеют дискрецию для рассмотрения дел об отступничестве на основании собственного понимания исламского права⁵, которое они могут применять со ссылкой на статью 167 Конституции Ирана⁶.

¹ Миграционный суд не оспаривал тот факт, что заявитель исповедовал христианскую веру (см. § 24 настоящего Постановления).

² Последним обращенным в христианство в Иране, который был осужден за отступничество и приговорен к смерти, был Мехди Дибадж в 1994 году, хотя приговор не был исполнен. Отсутствие недавних наказаний не означает, что не имеется казней обращенных в христианство вне судебной системы. Например, Мехди Дибадж и другие протестантские пасторы были убиты вне судебной системы. Согласно международным источникам последняя смертная казнь за отступничество была фактически совершена в 1990 году (см., например: The Law Library of Congress, Global Legal Research Center // *Laws Criminalizing Apostasy in Selected Jurisdictions*, май 2014 года). Другие нехристианские «отступники» приговаривались к смерти, как Сейед Али Гарабат, бывший командир Корпуса стражей исламской революции, который был приговорен за отступничество и казнен в 2011 году, Хасан Юсефи Эшкевари, бывший член парламента, который был осужден за отступничество и приговорен к смерти в 2000 году, но впоследствии был освобожден в 2005 году, и Хашем Агаджари, профессор университета, признанный виновным в отступничестве и приговоренный к смерти в 2002 году, однако его приговор был отменен Верховным судом в 2004 году.

³ См. фрагмент, процитированный в § 57 настоящего Постановления: «любой обращенный, который хочет исповедовать свою веру по возвращении, подвергается серьезной угрозе». Ситуация лиц, обращенных в христианство, влечет мониторинг информаторов и разведывательной службы Ирана, о чем сообщают члены семей и знакомые, поиск домашних церквей и заключение под стражу членов домашних церквей. Наиболее авторитетные международные документы о ситуации с правам человека в Иране и угрозе для обращенных в христианство в данной стране – это доклады назначенного специального докладчика Совета по правам человека о ситуации с правами человека в Исламской Республике Иран, от 18 марта 2014 г., A/HRC/25/61, который особо ссылается на преступление отступничества в § 41, и от 12 марта 2015 г., A/HRC/28/70, который указывает в § 52: «На 1 января 2015 г., по меньшей мере 92 христианина остаются под стражей в стране, предположительно в связи с их христианской верой и деятельностью. Только в 2014 году 69 человек, обращенных в христианство, по сообщениям были задержаны и заключены под стражу в Иране, по меньшей мере на 24 часа. Власти продолжают преследовать лидеров домашних церквей, обычно выходцев из ислама. Лица, обращенные в христианство, также предположительно продолжают сталкиваться с ограничениями в соблюдении своих религиозных праздников». Комитет по правам человека также упоминает эту проблему в «Заключительном обзоре по Ирану» (*Concluding Observations on Iran*) от 29 ноября 2011 г., CCPR/C/IRN/CO/3, § 23. В дополнение к документам, упомянутым в этом решении, преследования христиан и особенно мусульман, перешедших в хри-

стианство, тщательно анализировались в следующих документах: Austrian Red Cross Accord (*Austrian Red Cross Accord (Austrian Center for Country of Origin and Asylum Research and Documentation)*). Freedom of Religion; Treatment of Religious and Ethnic Minorities // COI Compilation, сентябрь 2015 года; Human Rights Watch Country Summary: Iran, январь 2015 года; United States Commission on International Religious Freedom Annual report on Iran, 2015; United States Department of State, Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, International Religious Freedom Report for 2015: Iran; United Kingdom Home Office, Country Information and Guidance // Iran: Christians and Christian Converts, декабрь 2014 года; Law Library of the United States Congress, Global Legal Research Center. Laws Criminalizing Apostasy in Selected Jurisdictions, май 2014 года; Brian O'Connell. Constitutional apostasy: the ambiguities in Islamic law after the Arab Spring in: *Northwestern Journal on International Human Rights*, Fall 2012; United States Commission on International Religious Freedom. The Religion-State Relationship and the Right to Freedom of Religion or Belief: A Comparative Textual Analysis of the Constitutions of Majority Muslim Countries and Other OIC Members, 2012; Kamran Hashemi. Religious Legal Traditions, International Human Rights Law and Muslim States, Martinus Nijhoff Publishers, 2008; European Centre for Law and Justice and American Center for Law and Justice // *International Legal Protection of the Right to Choose One's Religion and Change One's Religious Affiliation: Iran*, сентябрь 2007 года.

⁴ См. доклад центра документации по правам человека Ирана за 2014 год «Apostasy in the Islamic Republic of Iran», в котором подробно излагается прецедентный и правовой контекст, в котором в Иране рассматриваются дела об отступничестве. Доклад углубленно рассматривает ряд дел об отступничестве, затрагивавших широкий круг обвиняемых, и содержит обзор правовых и религиозных вопросов, выдвинутых в каждом деле. Также следует отметить, что некоторые известные внутригосударственные суды уже предоставляют статус беженцев иранским обращенным в христианство на основе страха преследования, такие как Новозеландский трибунал по делам иммиграции и защиты: (AP(Iran), (2011) NZIPT 800012, 29 сентября 2011 г.), Австралийский трибунал по проверке дел беженцев (RRT Case № 1002841, (2010) RRTA 681), Апелляционный суд Англии и Уэльса (MM (Iran) v. Secretary of State for the Home Department, (2010) EWCv Civ 1457, 17 ноября 2010 г.) и Канадский федеральный суд (Mostafa Ejtahadian v. Canada (Minister of Citizenship and Immigration), 2007 FC158, 12 февраля 2007 г.).

⁵ Что касается наказания за отступничество согласно исламскому праву, см.: Ahmed Akgündüz. *Islamic Public Law* // *Iur Press*, 2011. P. 370–377.

⁶ Статья 167 Конституции Ирана предусматривает, что: «Судья обязан пытаться найти приговор по каждому делу в кодифици-

Кроме того, преступление отступничества наказывается, даже если отсутствуют общественные волнения, что дополнительно усугубляет по сути интроспективный характер уголовного наказания. Кроме того, преступление отступничества вменяется по-разному для мужчин и женщин, мусульман и немусульман, шиитов и суннитов, мусульман, являющихся и не являющихся детьми мусульман. Члены других религиозных общин и неверующие могут стать мусульманами, не опасаясь никакого преследования. Женщины-отступницы не подлежат смертной казни в отличие от мужчин.

10. По нашему мнению, криминализация отступничества нарушает международное право прав человека¹. Такие наказания по существу произвольны, поскольку криминализация акта перемены религии нарушает право на свободу религии и эффективно вынуждает мусульманских граждан воздерживаться от принятия другой веры. В соответствии со статьей 18 Всеобщей декларации прав человека свобода религии с необходимостью охватывает «свободу менять свою религию или убеждения»². Кроме того, с правовой точки зрения объективные и субъективные требования к уголовным наказаниям за акт отступничества являются неопределенными и двусмысленными, как и применяемые санкции, различия в обращении между категориями правовых субъектов являются дискриминационными.

11. Наконец, совершение такого преступления может быть доказано в соответствии с правилами

доказывания, которые могут расходиться с базовыми принципами равенства и справедливости. Правила доказывания не только содержат дискриминацию между показаниями мужчин и женщин, мусульманских и немусульманских свидетелей, но, что еще хуже, они признают использование частного «знания судьи» для обоснования уголовного осуждения. В свете вышеизложенного преследование и осуждение за отступничество как за преступление составляют вопиющий отказ в правосудии³.

12. В итоге приказ о высылке заявителя в Иран, где он мог быть осужден в соответствии с вышеупомянутым уголовным и процессуальным правом, приравнивается к нарушению принципов, глубоко укоренившихся во всеобщем правовом сознании. Приказ о высылке подверг его серьезному риску осуждения на основании уголовного права, которое вопиюще расходится с правом на свободу религии и принципом уголовной законности, а уголовный процесс составит вопиющий отказ в правосудии. Исполнение такого приказа о высылке составит грубое нарушение принципа *non-refoulement*.

Следовательно, мы заключаем, что имело место материально-правовое нарушение статей 2 и 3 Конвенции в части приказа о высылке, вынесенного против заявителя. С учетом вышеизложенного мы также добавляем, что, *rebus sic stantibus*⁴, государство-ответчик не должно высылать заявителя в Иран.

рованных законах, а если он не сможет этого сделать, ему следует выносить приговор на основе авторитетных исламских источников или признанных фетв. Судья не может отказать от рассмотрения дела и вынесения приговора под предлогом молчания закона по данному поводу, недостаточности или краткости положений закона либо противоречий в законах».

¹ Аналогичную позицию занимает доклад специального докладчика ООН по свободе религии или убеждений Хейнера Билефельдта (*Heiner Bielefeldt*), A/HRC/22/51, 24 декабря 2012 г., который рекомендует, что «государствам следует отменить любые положения уголовного законодательства, предусматривающие наказание за вероотступничество», приводя на странице 17 пример пастора Юсефа Надерхани, который был признан в 2010 году виновным в вероотступничестве и приговорен к смертной казни, однако позднее он был освобожден после трехлетнего заключения. Он также заключает: «специальный докладчик хотел бы еще раз подчеркнуть, что экстрадиции или депортации, которые могут привести к нарушению свободы религии или убеждений, уже сами по себе являются нарушением прав человека. Кроме того, такие экстрадиции противоречат принципу недопустимости принудительного возвращения, закрепленного в статье 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 года».

Против криминализации всегда высказывался Комитет по правам человека, а общий комментарий 22 о праве на свободу мысли, совести и религии, CCPR/C/21/Rev.1/ADD.4, 27 сентября 1993 г., § 5, устанавливает: «Пункт 2 статьи 18 запрещает принуждение, которое умаляет право иметь или принимать религию или убеждение, включая угрозу физической силы или уголовных санкций для принуждения верующих или неверующих к приверженности их религиозным убеждениям и конгрегациям, к отречению от их религии или убеждениям или к обращению».

² По сути сам Коран гарантирует свободу религии («В религии нет принуждения, ибо прямой путь истины уже ясен знамениями и отличается от пути заблуждения» (Коран, 2:256)), и ни одно место в Коране не устанавливает наказания за обращение в другую веру.

³ См.: *Rudolph Peters. Crime Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the sixteenth to the twenty-first century*, Cambridge University Press, 2005. P. 177–179; *Abdullah Saeed and Hassan Saeed. Freedom of religion, apostasy and Islam*.

⁴ *Rebus sic stantibus* (лат). – если обстоятельства остаются без изменения (примеч. переводчика).

Дело «Иззеттин Доган и другие (İzzettin Doğan and Others) против Турции»¹

(Жалоба № 62649/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 26 апреля 2016 г.

По делу «Иззеттин Доган и другие против Турции» Европейский Суд по правам человека, заседающий Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты*,

Дина Шпильманна,
Андраша Шайо,
Ишиль Каракаш,
Йозепа Касадевалы,
Марка Виллигера,
Леди Биянку,
Юлии Лаффранк,
Хелены Келлер,
Андре Потоцкого,
Пауля Лемменса,
Йоханнеса Силваса,
Фариса Вехабовича,
Роберта Спано,
Юлии Антонеллы Моток,
Йона Фридрика Кьельбро,
Йонко Грозева, *судей*,

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,

рассмотрев дело в открытых заседаниях 3 июня 2015 г. и 22 февраля 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 62649/10, поданной против Республики Турция в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека

и основных свобод (далее – Конвенция) 203 гражданами Республики Турция, чьи имена указаны в Приложении к настоящему Постановлению (далее – заявители), 31 августа 2010 г.

2. Интересы заявителей представляли Н. Софулю (N. Sofuoğlu) (адвокат, практикующий в г. Стамбуле), Иштар Савашир (İştar Savaşır) (адвокат), Серап Топчу (Serap Topçu), Фадимэ Кара (Fadime Kara), Жюлидэ Суджулю Гёнен (Jülide Sücüoğlu Gönen), Ильяс Шабаз (İlyas Şahbaz) (адвокаты, практикующие в г. Стамбуле) и Мехмет Айдын (Mehmet Aydın) (эксперт). Власти Турции (далее также – власти государства-ответчика) были представлены Хаджи Али Ачыкгулем (Hacı Ali Açıkgül), начальником департамента Министерства юстиции, Харуном Мертом (Harun Mert), генеральным директором из Министерства юстиции, Ахметом Метином Гёклером (Ahmet Metin Gökler), Айчой Онураль (Ayça Onural), Сами Арсланом Аскином (Sami Arslan Aşkın), Бекиром Караджа (Bekir Karaca), Мустфой Чичеком (Mustafa Çiçek) (Министерство юстиции) и Хикметом Яманом (Hikmet Yaman) (эксперт).

3. Ссылаясь на статью 9 Конвенции, рассмотренной отдельно и в совокупности со статьей 14 Конвенции, заявители утверждали, что во внутригосударственном законодательстве не было надлежащим образом защищено их право на исповедование своей религии. В этой связи они обжаловали отказ в удовлетворении их просьб обеспечить, среди прочих вопросов, последователям веры «алеви»³ (алевизма), к которым принадлежали сами заявители, доступ к тем же государственным религиозным услугам, которые до рассматриваемого времени предоставлялись исключительно большинству граждан страны, придерживавшихся суннитского направления в исламе. Заявители настаивали, что данный отказ означал оценку их веры органами государственной власти в нарушение обязанности государства относиться к религиозным убеждениям нейтрально и беспристрастно. Заявители также утверждали, что они стали жертвой дискриминации по религиозному признаку, поскольку в одинаковых ситуациях с ними обращались менее благоприятно, чем с последователями суннитской веры, без каких-либо объективных и разумных причин.

4. Жалоба была передана во Вторую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 7 мая 2013 г. жалоба была коммуницирована властям Турции. 25 ноября 2014 г. Палата Второй Секции Европейского Суда в следующем составе: Гвидо Раймонди, Председателя Палаты, Ишиль Каракаш, Андраша Шайо, Хелены Келлер, Пауля Лемменса, Роберта Спано, Йона Фридрика Кьельбро, судей, и Стенли Найсмита, Секретаря

¹ Перевод с английского языка Ю.Ю. Берестнева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 26 апреля 2016 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

³ Алеви или алевизм – одна из разновидностей исламской религии. Далее по тексту алевизм (*примеч. переводчика*).

Секции Суда, – уступила юрисдикцию в пользу Большой Палаты Европейского Суда, при этом ни одна из сторон в установленные сроки не возражала против такого решения (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Суда).

5. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилом 24 Регламента Суда.

6. Заявители и власти Турции представили свои письменные замечания по вопросам приемлемости и существа жалобы.

7. Слушания по жалобе были проведены во Дворце прав человека в г. Страсбурге 3 июня 2015 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Турции:

Х.А. Ачыкгюль, Уполномоченный,

Х. Мерт, адвокат,

А. Онураль,

С.А. Аскын,

М. Чичек,

Б. Караджа,

Х. Яман, советники;

(б) со стороны заявителей:

Н. Софулю,

И. Савашир, адвокаты,

С. Топчу,

Ф. Кара,

Ж. Суджулю Гёнен,

И. Шабаз,

М. Айдын, советники.

На слушаниях присутствовал заявитель Иззеттин Доган.

Европейский Суд выслушал обращения Х.А. Ачыкгюля, Н. Софулю и И. Савашир и их ответы на вопросы судей Марка Виллигера, Юлии Лаффранк, Юлии Моток, Андраша Шайо, Ишиль Каракаш, Роберта Спано и Пауля Лемменса. Европейский Суд также выслушал ответы Х. Ямана и И. Догана.

8. Каждая из сторон представила в письменной форме ответы на вопросы, заданные им судьями во время слушания.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявители, чьи имена перечислены в Приложении к настоящему Постановлению, являются последователями алевизма.

А. Предыстория вопроса

10. 22 июня 2005 г. заявители по отдельности направили премьер-министру петиции, в соответствующих частях которых говорилось следующее:

«1. ...Я, являюсь гражданином Республики Турция и придерживаюсь алевитско-исламской веры

(алевитской веры, бекташизма, мевлеви-нусайритской веры). Алевизм является видом суфийской веры, рациональным толкованием и исповедованием на практике ислама, основанными на единстве Аллаха, пророка Мухаммеда и Корана как мира Аллаха...

2. Свобода совести и религии признается статьями 2, 5, 10, 12, 17 и 24 Конституции, статьями 9 и 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 2 дополнительного Протокола к Конвенции, которые имеют большую юридическую силу, чем внутригосударственное право в силу статьи 90 Конституции... Государство обязано принимать необходимые меры с целью гарантировать эффективное осуществление права на свободу совести и религии. Государство должно выполнять это обязательство путем обеспечения каждому эффективного пользования этими свободами на равных условиях. В конституционном порядке данная обязанность рассматривается как государственная деятельность, и эта концепция закреплена в Конституции.

3. В соответствии с положениями статьи 136 Конституции «Департамент по религиозным вопросам, который входит в состав общей администрации, будет выполнять функции, возложенные на него специальным законом, посвященным деятельности департамента», согласно принципу отделения церкви от государства, в то же время отстраняясь от любых политических взглядов или идей с целью укрепления национальной солидарности и единства. Департамент по религиозным вопросам был учрежден для достижения указанных целей.

Статья 1 Закона («О создании и функционировании») Департамента по религиозным вопросам... предусматривает, что «Департамент, действующий под контролем премьер-министра, отвечает за вопросы, связанные с исламским вероисповеданием, отправлением исламских религиозных обрядов, моральными принципами веры и управлением местами проведения богослужений».

Согласно данному закону Департамент по религиозным вопросам уполномочен разрешать все вопросы, связанные с исламом как с религией, а также отвечает за управление местами проведения богослужений.

На практике Департамент по религиозным вопросам ограничивается делами, касающимися только одной теологической школы [mezhep¹], имеющей отношение к исламу, и игнорирует все остальные вероучения, включая нашу алевитскую веру. Хотя согласно Конституции и международным нормам права государство обязано предпринимать все необходимые меры для обеспечения свободного использования права на свободу совести и религии, права алевитов игнорируются, места их богослужений, *cetevis*², не признаются таковыми и создаются многочисленные препятствия для их строительства, в бюджете не предусматриваются средства на их эксплуатацию, а осуществление прав и свобод алевитов зависит от доброй воли должностных лиц.

¹ Mezhep (тур.) – учение, вера (примеч. переводчика).

² Cetevis (тур.) – «джемеви», дом собраний по религиозным вопросам, молитвенный дом (примеч. переводчика).

На настоящий момент все требования, выдвинутые алевитским сообществом применительно к исповедованию своей веры, были отклонены вследствие пристрастного подхода Департамента по религиозным вопросам, который не придерживается научных и исторических фактов и основывает свою работу исключительно на одной теологической школе мысли. Как подчеркивал Европейский Суд, «определенная в прецедентной практике Европейского Суда обязанность государства сохранять нейтралитет и беспристрастность несовместима с каким-либо полномочием государства по оценке законности религиозных убеждений»...

Принимая во внимание вышеизложенное, мы требуем, чтобы:

- а) религиозные обряды, связанные с исповедованием алевитской веры, были приравнены к государственным церковным обрядам;
- б) местам отправления алевитских религиозных обрядов (*cemevis*) был придан статус мест богослужений;
- с) религиозные лидеры алевитов принимались на работу как гражданские служащие;
- д) в государственном бюджете были предусмотрены средства для обеспечения исповедания алевитской веры...».

11. 19 августа 2005 г. Департамент общественных отношений при премьер-министре направил заявителям письмо, в которой сообщалось, что удовлетворить их просьбы не представлялось возможным. В соответствующих частях письма говорилось следующее:

«1. ...Услуги, предоставляемые Департаментом по религиозным вопросам согласно действующему законодательству, доступны каждому, являются общими по характеру и не связанными с конкретной верой. Указанными услугами может воспользоваться каждый на равных условиях.

2. Учитывая существующее законодательство и прецедентную практику суда, невозможно предоставить *cemevis* статус мест богослужения.

3. Каждый имеет право поступить на гражданскую службу согласно положениям действующего законодательства. В этом отношении никакая группа населения не может пользоваться преимуществом в связи со своей верой или убеждениями и приниматься на службу согласно этим критериям. Поскольку осуществляемые Департаментом по религиозным вопросам функции являются государственной службой, персонал департамента принимается на работу в соответствии с гражданством работника и объективными критериями.

4. Невозможно предусмотреть в государственном бюджете средства на оплату услуг, которые не предусмотрены ни Конституцией, ни иным законодательством».

12. После получения указанного письма 1 919 человек, включая заявителей, подали в Административный суд г. Анкары ходатайство о судебном рассмотрении решения об отказе в удовлетворении их просьб. В соответствующих частях их ходатайство гласило:

«...В настоящее время в нашей стране насчитываются примерно 20–25 миллионов последователей алевитской веры (алевизм, бекташизм, мевлевизм и т.д.). До 1950-х годов большинство последователей алевизма жили в сельской местности. Впоследствии они стали переселяться в города и там практиковать свою веру.

Что касается именно *cemevis*, до переезда в города алевиты, которые вели уединенный образ жизни, практиковали религиозные обряды в самом крупном помещении в поселении...

Массовое переселение сделало невозможным отправление религиозных обрядов в жилых домах.

Более того, уже существовавшие в крупных городах, например в г. Стамбуле, *cemevis* более не могли отвечать растущим нуждам сообщества. Существующие сегодня *cemevis*, такие как имени Карадж Ахмет Султана (*Karacaahmet Sultan Dergahı*) и Шахкулу Султана (*Şahkulu Sultan Dergahı*), не могли больше отвечать растущим потребностям алевитского сообщества.

...Граждане алевитского вероисповедания использовали свои собственные финансовые средства для того, чтобы приобрести землю для возведения *cemevis*. Однако эти молитвенные места стали объектами для многочисленных случаев произвола. Хотя некоторые муниципальные власти вносили сведения о строительстве *cemevis* в планы развития города, многие отказывались давать разрешение на включение строительства в городской план развития, а Департамент по религиозным вопросам не считал *cemevis* местами богослужений. Данного подхода придерживались не только муниципальные власти, но и руководящие власти в целом.

В результате произвольного подхода властей, который никоим образом не обоснован исторически, *cemevis* не признавались в качестве мест богослужений в Республике Турция. Следовательно, они не могут пользоваться ни одним из преимуществ, присущих этому статусу...

Граждане, построившие *cemevis*, также платят своим религиозным лидерам, которых они нанимают, чтобы руководить богослужениями. Религиозные лидеры, которые придерживаются суфийской трактовки ислама, направляют и обучают вере, используя свои методы. Как и все религиозные лидеры, они играют ведущую роль в моральном и социальном развитии общества. Тем не менее власти не участвуют в их обучении каким-либо образом...

Как видно из кратко изложенной выше ситуации, власти практически полностью игнорируют граждан алевитской веры. Их места богослужений, *cemevis*, считаются культурными центрами, что приводит к тому, что официально они не считаются местами богослужений и на них не распространяются соответствующие преимущества. Аналогичным образом один из основных ритуалов среди алевитских религиозных церемоний, танец *sema* (*sema*), сведен до уровня красочного представления. Таким образом, определяя способ, которым граждане должны исповедовать свою религию, какие места считать местами отправления богослужений, а также определяя характер самой веры (убеждения или культуры), власти явно вмешиваются в право на уважение свободы совести и религии.

Кроме того, Министерство образования продолжает игнорировать алевизм и предлагать религиозное образование, основанное на одной исламской теологической доктрине. Поступая подобным образом, министерство препятствует мирному сосуществованию граждан и поощряет дискриминацию с раннего возраста.

В заключение для граждан алевитской, бекташской или мевлеви-нусайрийской веры не предусмотрены никакие услуги, что является серьезным упущением...

Согласно Конституции и соответствующему законодательству Департамент по религиозным вопросам осуществляет функции, предписанные ему специальным законом, регулирующим его деятельность (а) в соответствии с принципом отделения церкви от государства, (б) отстраняясь при этом от всех политических взглядов или идей, (с) с целью укрепления национальной солидарности и единства.

В связи с этим, если принимать во внимание Закон (о создании и функционировании) Департамента по религиозным вопросам № 633, можно сделать вывод о том, что департамент был создан не только для нужд мусульманской религии (религия большинства), но и для всех религий. Однако в настоящем ходатайстве обжалуется практика властей, к которым относится и Департамент по религиозным вопросам, по отношению к мусульманской религии...

Принцип равенства требует, чтобы не проводилось различий между пользователями государственных услуг применительно к доступу к этим услугам и их результатам. Если речь идет о государственной услуге, принцип равенства должен соблюдаться во всех отношениях... Иначе это будет считаться привилегией, а не государственной услугой...

Согласно статье 1 Закона № 633 Департамент по религиозным вопросам отвечает за (а) разрешение вопросов, связанных с исламскими убеждениями, вероисповеданием и моральными устоями, (б) просвещение общественности по вопросам, связанным с религией, и (с) управлением местами богослужений.

В этом отношении следует отметить, что законодатель имел целью урегулировать не одну определенную ветвь ислама или одну теологическую исламскую доктрину или теологическое движение, а мусульманскую религию в целом. Следовательно, Департамент по религиозным вопросам отвечает за предоставление государственных услуг всем гражданам, последователям ислама...

Теперь мы переходим к фактам, иллюстрирующим деятельность Департамента по религиозным вопросам... В департаменте работают примерно 113 000 человек, он управляет деятельностью примерно 100 000 мечетей и масджидов (*masdjid*) [молельные комнаты для отправления религиозных обрядов] и распоряжается бюджетом в несколько миллиардов турецких лир, выделяемых департаменту на его работу из общего бюджета. При выполнении своих функций Департамент по религиозным вопросам, хотя и полномочен принимать меры в отношении мусульманской религии в целом, ограничивается требованиями

суннитской школы ислама, в частности, ханафитской школы, игнорируя при этом остальные течения и школы ислама. Общий бюджет формируется в основном из отчислений с налогов, которые платят все граждане страны. При сборе налогов граждане не делятся на группы по принципу исповедуемой религии или принадлежности к религиозному движению. Наоборот, сбор налогов зависит от гражданства. Однако Департамент по религиозным вопросам, который получает миллиарды турецких лир из государственного бюджета, предоставляет государственные услуги последователям только одного теологического учения...

Для любой религии абсолютно нормально включать в себя несколько разных богословских доктрин, направлений, убеждений...».

Ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда, заявители также утверждали, что, вопреки позиции Департамента по религиозным вопросам, описывающего алевизм как культурное движение и считающего мечети местами отправления только мусульманских религиозных обрядов, *setevîs* являлись местами богослужений, где проводились *setms*, то есть алевитские религиозные церемонии. Заявители полагали, что не департамент должен был решать, являлись ли *setms* религиозными церемониями или нет. Ссылаясь на примеры из выступлений главы Департамента по религиозным вопросам, заявители утверждали, что только последователи алевитской веры, а не органы государственной власти, могли определять, что можно считать религиозной церемонией.

13. В неустановленную дату Правовой департамент при премьер-министре представил меморандум. Прежде всего департамент оспорил статус заявителей как таковой, утверждая, что заявители не могли подавать жалобы от имени всех алевитов. Заявители в этой связи отметили, что, согласно некоторым данным, количество исповедующих алевизм лиц в Турции варьировалось от четырех до 20–25 миллионов человек, и среди них не было единого подхода ни к определению их веры, ни к нуждам последователей данной веры.

Что касается существа жалоб, правовой департамент оспорил доводы заявителей. В соответствующих положениях его меморандума содержатся следующие положения:

«Закон № 677 запрещает носить религиозные титулы, такие как шейх (*sheikh*), *dedelik* [алевитский религиозный лидер], *dervichlik* и так далее, осуществлять деятельность, связанную с этими титулами, и назначать место проведения церемоний суфийскими духовными школами (*tarikât ayinî*). Нарушение этих запретов наказуемо лишением свободы и штрафом. Более того, тем же законом предусмотрены закрытие *tekke*¹ и завий (*zaviye*)² и их перестройка в мечети или масаджиды (*masdjids*)...

¹ *Tekke* (тур.) – дом (примеч. переводчика).

² *Zaviye* (тур.) – обитель, уединенное место (примеч. переводчика).

Департамент по религиозным вопросам осуществляет свои функции в соответствии со статьями 10, 136 и 174 Конституции и Законами №№ 633 и 677. Осуществляя свои функции, департамент учитывает все исламские верования, виды религиозных обрядов и моральные догмы и распространяет свои полномочия одинаково на всех людей. Следовательно, неправильно утверждать, что Департамент по религиозным вопросам, который осуществляет свои функции вне зависимости от конкретной веры, ограничивается в работе только суннитской ветвью ислама... невозможно оказывать услуги запрещенным суфийским духовным школам (*tarikāt*¹), это противоречило бы принципу отделения церкви от государства и национальной солидарности.

Статья 3 Положения о применении закона, регулирующего ношение определенной одежды, определяет места богослужений как следующие: «Местами богослужений (*mabedler*) являются закрытые пространства, созданные в соответствии с определенной процедурой и предназначенные в случае каждой религии для отправления религиозных обрядов»... Принимая во внимание вышеизложенное, место не может считаться местом проведения богослужения, если оно не ассоциируется с какой-либо религией. В этом отношении церкви, синагоги и мечети или масаджиды являются местами проведения богослужений в христианстве, иудаизме и мусульманстве соответственно. Очевидно, что каждый имеет право исповедовать его или ее религию в частном порядке у себя дома или в любом ином месте. Следовательно, ничто не препятствует гражданам алевитской веры молиться, проводить ритуалы зикир (*zikir*) или семах (*semah*) в *cemevis*. Однако создание в дополнение к мечетям или масаджидам мест богослужений для последователей определенного вида толкования или течения ислама не соответствует нормам религии. Кроме того, ходатайство о назначении места богослужения, назначении духовных лиц и выделении бюджетных средств на основании убеждения или толкования мусульманской религии или на основании следования определенной теологической доктрине неизбежно создаст неразрешимую проблему и хаос в месте выполнения соответствующих требований... Более того, история показала, что в *tekke*, *dergah*² и *zaviye* [дервишские³ монастыри] намаз [пять обязательных молитв] никогда не говорится в группе, но именно так он читается в мечетях и масаджидах, которые всегда расположены рядом с такими местами...

Как указано в заявлении, алевизм (*Alevilik*)... является видом толкования и исповедания ислама. Алевизм и бекташизм являются суфийским толкованием, касающимся, если говорить поверхностно, верований в 12 имамов и мистические элементы (*batini*). В прошлом практиковались в городах в *dergah*. Поскольку в деревнях *dergah* не

было, для религиозных обрядов выбирался самый подходящий для этого дом. Сегодня такие места, как *Şahkulu Sultan* и *Karacaahmet Sultan*, являются религиозными местами для бекташитов, то есть домом (*tekke*)...

Признание *cemevis* местом проведения богослужений будет означать нарушение Закона № 677... Более того, такое решение приведет к легализации иных суфийских школ, многие из которых, являясь запрещенными (*Naqshbandi*, *Qadiri*, *Rufai*, *Cerahi*), потребуют легализации их статуса... Вокруг шейха могут начать собираться сектантские группы...».

14. 4 июля 2007 г. Административный суд г. Анкары отклонил предварительные возражения властей и рассмотрел ходатайство по существу. Суд отклонил ходатайство на том основании, что власти отказали заявителям в соответствии с действовавшим законодательством.

В мотивировочной части решения, ссылаясь на статьи 2, 90, 136 и 174 Конституции, Законы №№ 633 и 677, международные документы, касающиеся свободы религии и запрета дискриминации, а также на Постановление Европейского Суда по делу «Хасан и Эйлем Зенгин против Турции» (*Hasan and Eylem Zengin v. Turkey*) (от 9 октября 2007 г., жалоба № 1448/04), Административный суд г. Анкары отметил в начале, что алевитская вера достигла определенного уровня убедительности, серьезности и согласованности и как вид толкования ислама находилась под защитой положений статьи 9 Конвенции. Суд также полагал, что предмет жалобы не касался исключительно негативной обязанности государства не вмешиваться, но заявители также требовали привилегий, которыми, по их мнению, пользовались приверженцы суннитской ветви ислама (выделение бюджетных средств, предоставление статуса гражданских служащих для религиозных лидеров алевитов, признание *cemevis* в качестве мест богослужений). Суд подчеркнул важность соблюдения принципа нейтралитета при оказании государственных услуг. Однако суд признал, что не было установлено, что все алевиты поддерживали бы выдвинутые заявителями требования. Более того, по мнению суда, предоставление государственных услуг всем направлениям толкования ислама вряд ли можно согласовать с соблюдением принципа отделения церкви от государства.

Административный суд г. Анкары также установил, что выделение Департаменту по религиозным вопросам средств из общего государственного бюджета не противоречило закону, поскольку было бы нереально пытаться связать выплаты общих налогов с убеждениями или верованиями граждан. В этом отношении суд подчеркнул, что Европейский Суд не посчитал противоречащим Конвенции выделение бюджетных средств на светские функции церкви (ведение записей актов гражданского состояния и прочее) или взимание общего налога без объяснения, как именно бюджет

¹ В исламской культуре «тарикат» – это метод духовного познания, определенный духовный «путь», объединение лиц, следующих «пути» (примеч. переводчика).

² *Dergah* (тур.) – исламский монастырь (примеч. переводчика).

³ Дервиш – здесь: последователь суфизма в исламе (примеч. переводчика).

будет потрачен. В соответствующих положениях решения суда указано следующее:

«...Из материалов дела ясно следует, что в данном случае от Административного суда г. Анкары просят отменить отказ премьер-министра от 22 июня 2005 г., которым было отклонено ходатайство сделать оказываемые алевитам религиозные услуги государственными, предоставить *setevîs*, где алевиты проводят свои религиозные обряды, статус мест богослужения, нанять в качестве гражданских служащих значительное количество компетентных граждан, которых таковыми признают алевиты, для отправления ими религиозных обрядов, требуемых алевитской верой, выделить из государственного бюджета средства для оплаты соответствующих требуемых услуг, осуществить необходимые действия для внесения соответствующих изменений в Закон о финансах и предпринять все необходимые меры для удовлетворения просьб, изложенных в ходатайстве.

Оценивая дело в свете соответствующих положений внутригосударственного права, можно увидеть, что часть средств государственного бюджета передается Департаменту по религиозным вопросам, созданному в соответствии с Законом № 633, и что департамент не учреждает мечети, признанные в качестве «мест богослужений», а, скорее, управляет ими... и что управляющий мечетями персонал является религиозными лидерами, которые нанимаются на службу, получают оплату за свой труд как государственные служащие с целью отправления религиозных обрядов согласно убеждениям, ценностям и моральным догмам мусульманской религии. Кроме того, применение запретов, изложенных в Законе № 677, гарантируется Конституцией.

Следовательно, из толкования положений Закона № 633 и статьи 128 Конституции очевидно, что невозможно признать «местом богослужения» иное место, кроме как мечеть... нанять гражданских служащих с целью отправления религиозных обрядов, требуемых алевитской верой, или даже внести изменения в Закон о финансах для финансирования услуг, требуемых в этом отношении. Это противоречило бы положениям закона, регулирующего гражданскую службу, и поэтому невозможно согласно только положениям действующего внутригосударственного законодательства удовлетворить соответствующую просьбу, не внося изменений в законодательство.

Тем не менее в соответствии с положениями статьи 90 Конституции вопрос также должен быть рассмотрен с правовой позиции в свете положений международных конвенций, участницей которых является Турция...

[Делается ссылка на статью 18 Всеобщей декларации Организации Объединенных Наций о защите прав человека.]

В принципе свобода религии и убеждений, которая может быть описана как приверженность религии или убеждениям (внутреннее) и соблюдение в выбранном человеком месте (внешнее) принципов религии и убеждений индивидуально или в группе с другими лицами, пока это не нарушает общественный порядок, регулируется вышеупомянутыми статьями 10, 14 и 24 Конституции Республики Турция... что должно толковаться спо-

собом, совместимым с положениями международных договоров.

Так, следует оценить, в какой степени можно сказать, что Законы №№ 633 и 677, действующие в Турции, и существующая практика в отношении свободы совести и религии, которые рассматриваются в настоящем деле, соответствуют прецедентной практике Европейского Суда относительно применения статьи 9 Конвенции в аналогичных случаях...

В настоящем деле [общепризнано], что на алевитскую веру [распространяется защита] статьи 9 Конвенции. В этом отношении не может быть сомнений, особенно в свете превалирующей в Турции практики (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хасан и Эйлем Зенгин против Турции»).

Кроме того, хотя Европейский Суд полагает, что наличие системы государственной церкви само по себе не противоречит Конвенции, и хотя он не требует от государства относиться абсолютно одинаково к разным религиям и убеждениям и не критикует наличие официальной государственной религии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Коккинакис против Греции» (*Kokkinakis v. Greece*)), он, тем не менее, считает обязательное членство такой церкви нарушением Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дарби против Швеции» (*Darby v. Sweden*)).

Административный суд г. Анкары полагает, что, когда критика или нападки на религию или убеждения достигают степени, которая может оказать влияние на свободу уважения религии и убеждений... безразличие в этом отношении со стороны публичных властей влечет ответственность государства. Кроме того, если те же власти ограничивают свободу исповедания религии или убеждений в публичной сфере, рассматриваемое ограничение должно быть оценено с учетом следующих критериев: имело ли место вмешательство, и, если да, были ли применены меры законными, преследовали ли они законную цель и были ли необходимыми в демократическом обществе.

В Конституции нет положений, устанавливающих государственную религию. Более того, в настоящем деле не было приведено особых примеров, демонстрирующих, что алевиты сталкиваются с трудностями при осуществлении своего права свободно исповедовать свою религию или что их вынуждают принять иную веру.

Что касается вопроса о налогоплательщиках, финансирующих религиозную деятельность церкви, к которой они не принадлежат, Европейский Суд считает нарушением статьи 9 Конвенции сбор налогов, которые непосредственно идут на поддержку церкви, к которой налогоплательщики не принадлежат. Однако Европейский Суд не установил аналогичного нарушения в случаях, когда налоги используются на финансирование светской деятельности церкви (ведение регистров записей гражданского состояния и прочее) (см. Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Компания "Свободное издание АВ" и другие против Финляндии» (*Kustannus Oy Vapaa Ajatellija AB and Others v. Finland*) от 15 апреля 1995 г., жалоба № 20471/92, DR85, р. 29), или если налог взимается в виде общего сбора, без уточнения целей его использования.

Кроме того, часть общих налоговых сборов, собранных с граждан Турции, направляется в Департамент по религиозным вопросам. Следовательно, речь не идет только о каком-либо противоречии или несоответствии постановлениям Европейского Суда, но также, если ходатайство заявителей должно было быть удовлетворено, лица, не приемлющие вооруженных сил, войны, ядерную энергию или технологию вследствие своих убеждений, не могут подлежать налогообложению в индивидуальном порядке, поскольку будет невозможно определить, кто должен платить налоги, и больше нельзя будет гарантировать общественный порядок.

Что касается довода о том, что нанимаемые государством религиозные служащие не те же религиозные лидеры, которых выбирает сообщество верующих, Европейский Суд постановил, что государство – это верховный гарант свободы исповедания религии или убеждений и что в ситуациях, аналогичных настоящей, государство в плюралистическом демократическом обществе обязано ввиду возможно возникающих трудностей способствовать поддержанию терпимости между различными сторонами и не может подвергать различные группы населения давлению или вмешиваться в их права и свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сериф против Греции» (*Serif v. Greece*), Постановление Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (*Hasan and Chaush v. Bulgaria*) и упоминавшееся выше дело «Коккинакис против Греции»).

Из положений вышеприведенных международных договоров и постановлений Европейского Суда ясно следует, что государство, по сути и в идеале, имеет негативное обязательство в свете свободы религии и убеждений воздерживаться, насколько это возможно, от вмешательства в эти свободы. Другими словами, идеальной системой является такая, в которой государство придерживается нейтральной позиции. Следовательно, поиски достижения равенства означают не устранение различий, а, скорее, предотвращение наделяния привилегиями определенных групп населения. Однако в настоящем деле заявители сообщают о ряде мер позитивной дискриминации в отношении алевитского сообщества, утверждая, что, хотя они являются мусульманами, алевиты толкуют и исповедуют ислам по-другому и просят Департамент по религиозным вопросам предоставить им привилегии, которые, как заявители утверждают, предоставлены мусульманам-суннитам. Нет никаких сомнений в том, что алевизм является серьезной и последовательной системой убеждений, что данный вид толкования ислама и что большая часть населения заявляют об исповедовании алевизма. Вместе с тем и учитывая общие принципы, изложенные в Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, хотя и верно, что среди алевитов действительно имеются расхождения по вопросам форм верования и исповедания религии и способа самоопределения, и заявители тоже это признают, отсутствуют какие-либо особые доказательства того, что все алевиты поддерживают требования, изложенные в настоящей жалобе. Следовательно, с точки зрения свободы убеждений настоящий суд повторяет, что идеалом является нейтральное поведение

государства, которое защищает граждан от принудительного участия в религиозной деятельности религиозной группы, к которой они не принадлежат.

С учетом вышеизложенного рассмотрение фактов с позиции конституционных принципов Республики Турция демонстрирует следующее:

- что касается свободы религии и убеждений, рассматриваемых с нормативной точки зрения, статьи 10, 14, 15 и 24 Конституции были составлены способом, отвечающим требованиям соответствующих международных договоров, поскольку ни одно из положений Конституции Республики Турция не провозглашает государственную религию;
- часть средств государственного бюджета предназначена для Департамента по религиозным вопросам, который входит в состав общей администрации;
- общепризнано, что Департамент по религиозным вопросам осуществляет свои административные функции, касающиеся вопросов исламского вероисповедания, отправления религиозных обрядов и моральных догм, принимая за основу общность всех мусульман и согласно Конституции и принципу отделения церкви от государства оставаясь отстраненным от политических взглядов или идей с целью развития национальной солидарности и единства;
- что касается обжалуемой государственной практики, Европейский Суд постановил, что она не противоречит указанному выше применимому законодательству, которое не нарушает требований статьи 9 Конвенции.

Кроме того, если бы государство отвечало на все ожидания и требования путем оказания соответствующих государственных услуг, например, признавая места богослужений для групп лиц, исповедующих формы убеждений, связанные с различными исламскими школами, мезхебами (*mezheb*), суфийскими духовными школами (*tarikat*) и различными пониманиями и толкованиями ислама, сложившимися в ходе развития истории государства, предоставляя статус гражданских служащих религиозным лидерам указанных групп, выделяя для их нужд часть государственного бюджета и контролируя их деятельность с помощью органа государственной власти, существовал бы риск не только возникновения спора о степени, в которой действия государства и предоставленная Департаменту по религиозным вопросам свобода усмотрения при осуществлении действий в публичной сфере отвечают духовным нуждам различных групп верующих, но также и нарушения принципа отделения церкви от государства путем нарушения баланса между созданием религиозных и правовых норм и обострения различных форм верований. Это может неизбежно привести к ограничению свободы религии и убеждений и, таким образом, к выводу, который противоречит самой цели жалоб заявителей, которые были основаны именно на их различиях.

При таких обстоятельствах нельзя сказать, что административное решение об отказе в удовлетворении просьбы заявителей... противоречило бы положениям закона».

15. Заявители обжаловали решение суда первой инстанции. Они утверждали, что предоставление государственных услуг исключительно мусульманам, исповедующим суннитское толкование ислама, являлось несовместимым с конституционными принципами отделения церкви от государства и нейтралитета государственных услуг. Заявители отрицали любое предположение о том, что они просили государство предоставить им позитивные привилегии, утверждая, что основой их жалоб был принцип равенства. Заявители также утверждали, что Турция не могла считаться нейтральной применительно к религии, поскольку государство осуществляло действия, предоставлявшие привилегии последователям одного толкования религии, ухудшая положение лиц, придерживающихся других убеждений. По мнению заявителей, суды не имели права выносить решений о законности убеждений или их вероисповедований. Заявители предоставили экспертные заключения в подтверждение своих слов.

16. Решением от 2 февраля 2010 г., о котором заявители были уведомлены 24 марта 2010 г., Верховный административный суд отклонил жалобу и оставил решение суда первой инстанции без изменения как соответствующее материальному и процессуальному праву.

В. ЮРИДИЧЕСКАЯ И ФАКТИЧЕСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

1. Департамент по религиозным вопросам

17. Хотя согласно статье 2 Конституции 1982 года Турция является «светским государством», по историческим причинам мусульманская вера, которую исповедует большинство населения, имеет особый статус.

18. После провозглашения 29 октября 1923 г. в Турции республики разделение государственной и религиозных сфер было достигнуто рядом революционных реформ: 3 марта 1924 г. был упразднен халифат – высший институт мусульманской веры, 10 апреля 1928 г. было отменено конституционное положение, объявлявшее ислам государственной религией, и в заключение 5 февраля 1937 г. была внесена конституционная поправка о введении принципа отделения церкви от государства (см. статью 2 Конституции 1924 года с поправками 1937 года и статьи 2 Конституций 1961 и 1982 годов). Статья 24 Конституции 1982 года также гарантирует право на свободу религии и совести.

19. После упразднения халифата был принят Закон об унификации образования (*Tevhidi Tedrisat*), отменявший традиционные религиозные образовательные учреждения. Одновременно были упразднены Министерство шариата и религиозных

фондов (*Şeriye ve Evkaf Vekâleti*) и все религиозные суды, и Законом от 3 марта 1924 г. № 429 был создан Векалат по делам шариата и вакуфов (*Şeriye ve Evkaf Vekâleti*) (руководящий орган Департамента по религиозным вопросам). Согласно статье 1 указанного закона названный орган власти, который отвечал за применение «всех положений, касающихся исламского вероисповедания, веры и управления религиозными учреждениями», был подконтролен премьер-министру. Закон устанавливал, что данный орган не имел полномочий применительно к религиозному образованию, поскольку эта функция была передана в Министерство образования.

20. В 1950 году управление мечетями и молельными, которое изначально, в 1931 году, было поручено Департаменту религиозных фондов, было возвращено под надзор руководящего органа – Департамента по религиозным вопросам.

21. Закон о создании и функционировании Департамента по религиозным вопросам № 633 вступил в силу 22 июня 1965 г. и был опубликован в официальном печатном издании 2 июля 1965 г. (см. § 46 настоящего Постановления).

22. Статья 36 Закона о гражданских служащих от 20 июля 1965 г. № 657 ввела понятие категории гражданских служащих, занимающихся религиозными вопросами. К этой категории относились все гражданские служащие, получившие религиозное образование и выполняющие религиозные функции, а именно муэдзины (*muezzin*) (те, кто с минарета собирают правоверных на молитву), имам-хатипы, ваизы (*imam-hatip, vaiz*) (проповедники) и муфти (*mufti*) (юрисконсульты, которые толкуют мусульманские законы и Коран).

23. В постановлении от 21 октября 1971 г. (Е. 1970/53, К. 1971/76), опубликованном в официальном печатном издании 15 июня 1972 г., Конституционный суд указал, что создание категории гражданских служащих, занимающихся религиозными вопросами, соответствовало конституционному принципу отделения церкви от государства. В мотивировочной части суд отметил, что секуляризм означал отделение светской власти от духовной. Ни одна из этих властей не могла вмешиваться в дела другой. Конституционный суд постановил, что наличие духовенства и религиозной службы в католической религии и принятие католиками Папы Римского в качестве духовного лидера играли важную роль в концепции отделения церкви от государства. Однако в мусульманской религии не было духовенства, и служащие, отвечающие за функционирование мест богослужений, не имели какой-либо духовной власти. Следовательно, Конституционный суд решил, что, поскольку две религии различались, их религиозные служащие не могли иметь один и тот же статус. В связи с этим Конституционный суд отметил, что только в странах христианской веры можно было представить себе разделение между религи-

озными служащими и государством. По мнению Конституционного суда, принцип отделения церкви от государства был предназначен для обеспечения прогресса турецкой нации и не позволял создавать религиозные движения, преследующие цели, несовместимые с указанной.

24. Следовательно, и несмотря на «светский» характер турецкого государства, «исламская религиозная служба» рассматривается как «государственная служба». Согласно статье 136 Конституции Департамент по религиозным вопросам, который отвечает за указанную службу, является частью общей администрации и поэтому наделен государственными полномочиями, несмотря на то, что не имеет статуса государственно-правовой организации. Согласно статистическим данным, опубликованным Департаментом по религиозным вопросам (<http://www.diyenet.gov.tr/tr/kategori/istatistikler/136>) в 2013 году, количество:

- гражданских служащих, приписанных к департаменту, составляло 121 845 человек;
- мечетей 85 412;
- курируемых Департаментом по религиозным вопросам школ по изучению Корана (*Kuran kursu*) составило 13 021 человек.

25. В Турции отсутствует налог на религию. Следовательно, поскольку был создан Департамент по религиозным вопросам, расходы на его содержание нес государственный бюджет. В этой связи представленные сторонами документы свидетельствуют о том, что в 2013 году Департаменту по религиозным вопросам были выделены 4 604 649 000 турецких лир (примерно 1 960 000 000 евро по применимому на тот момент курсу). В 2014 году бюджет Департамента составил 5 552 000 000 турецких лир (примерно 1 933 670 000 евро). В 2015 году был предусмотрен бюджет в размере 5 743 000 000 турецких лир (примерно 2 036 524 800 евро). В своих замечаниях заявители также предоставили информацию о том, что в период с 1996 по 2015 год Департаменту по религиозным вопросам были выделены из государственного бюджета 37 275 900 000 турецких лир. Заявители утверждали, что исходя из соответствующего курса обмена валют эта сумма соответствовала 16 млрд. долларов США. Более того, согласно данным властей Турции 95% из переданных департаменту средств расходуются на нужды персонала. Власти государства-ответчика также отметили, что мечети и районные мечети строились по инициативе граждан-добровольцев и их усилиями. В заключение власти Турции утверждали, что согласно пункту 3 статьи 6 Закона № 6446 Департамент по религиозным вопросам нес расходы по оплате освещения в местах богослужений. Так, в 2014 году в бюджете департамента было предусмотрено выделение 38 529 463 турецких лир для оплаты счетов мечетей, районных мечетей, церквей и синагог за электричество. В бюджете не были указаны пункты, касающиеся мест исповедания суфизма, таких как *cemevîs*, дома *mevlevî* (*mevlevîhane*) или дома *qadîrî* (*kadîrîhane*).

26. Департамент по религиозным вопросам как административный орган, отвечающий за вопросы, касающиеся мусульманской религии в Турции, обладает своего рода монополией в данных вопросах. В связи с этим религиозные услуги, связанные с исламом, считаются относящимися к сфере действия правовых норм, регулирующих государственные услуги. Этот особый статус объясняется, по словам властей Турции, тем фактом, что мусульманская религия не имеет абсолютной религиозной власти или религиозной организации, сравнимой с системой церкви в христианстве, а также не имеет системы духовенства или иных привилегированных групп.

27. Из предоставленных заявителями и написанных специалистами в области административного права статей следует, что, хотя правовая база государственных услуг основана на принципе нейтралитета, который является частью более широкой концепции светского государства, отношение Департамента по религиозным вопросам к другим ответвлениям мусульманства подвергалось в Турции обширной критике. Департамент по религиозным вопросам отвечал тем, что утверждал, что согласно принципу отделения церкви от государства он осуществляет свои задачи не путем ссылки на предпочтения или религиозные традиции определенной веры или религиозной группы либо порядка, но на основании, среди прочего, источников мусульманской религии, признаваемой всеми мусульманами. По мнению Департамента по религиозным вопросам, эти традиции и источники являются общими для всех мусульман и являются более духовными, чем светскими. Аналогичным образом предоставляемые Департаментом по религиозным вопросам услуги являются общими и внерелигиозными и доступны всем на равной основе.

28. Однако заявители, ссылаясь на приведенные выше статьи, оспорили утверждения Департамента по религиозным вопросам о том, что услуги предоставлялись каждому и что они являлись общими и внерелигиозными. Заявители настаивали на том, что Департамент по религиозным вопросам предоставлял религиозные услуги, основанные на суннитско-ханафитском понимании ислама.

2. Статус других религий

29. Относительно статуса других убеждений и религий законодательство Турции не предусматривает какой-либо особой процедуры, согласно которой религиозные сообщества могут получить специальный статус в соответствии с общим или частным правом или согласно которой может быть признана и зарегистрирована религиозная конфессия. Следовательно, религиозные сообщества, за исключением тех, которые получили статус признанного религиозного меньшинства согласно Лозаннскому договору (в частности, греческие, армянские и еврейские сообщества) или иным

международным договорам (особенно православная церковь Болгарии), могут действовать только в качестве фондов или ассоциаций.

30. В своих замечаниях заявители утверждали, что кроме алевитов в таком же неблагоприятном положении находилось множество религиозных групп, а именно протестанты, члены общины «Свидетели Иеговы», езиды (*Yazidis*), христиане-ассирийцы (*Syriacs*) и халдеи (*Chaldeans*).

31. Отсутствие четкой правовой базы, регулирующей деятельность непризнанных религиозных меньшинств, создает множество правовых, организационных и финансовых проблем. Во-первых, религиозные лидеры этих сообществ не имеют правового статуса, и отсутствуют надлежащие учреждения, которые могли бы обучать персонал для участия в исповедовании соответствующей религии или убеждений. Во-вторых, их места богослужений не имеют правового статуса и не пользуются юридической защитой. Возможность построить места богослужений достаточно неясна и зависит от доброй воли центральных или местных властей. Сложности представляет и поддержание в целостности недвижимости, представляющей собой культурное наследие, которая иногда буквально рассыпается в руины. В-третьих, рассматриваемые сообщества не могут официально получать пожертвования от участников или государственные субсидии. И наконец, поскольку они не обладают статусом юридических лиц, указанные сообщества не имеют самостоятельного доступа к судам, только через фонды, ассоциации или группы последователей.

32. Кроме того, для религиозных сообществ существуют многочисленные препятствия, когда они пытаются выступать в качестве фонда или ассоциации. Хотя многие сообщества создали свои фонды, согласно пункту 4 статьи 101 Гражданского кодекса незаконно создавать фонд, «чьей целью является поддержка... определенного сообщества» (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Ёзбек и другие против Турции» (*Özbek and Others v. Turkey*) от 6 октября 2009 г., жалоба № 35570/02). Кроме того, несмотря на то, что многие сообщества создали свои ассоциации для обслуживания своих специфических нужд, в законодательстве Турции не содержится указаний на какую-либо особую форму религиозных ассоциаций, которой могли бы воспользоваться религиозные сообщества.

33. В своем мнении относительно правового статуса религиозных сообществ в Турции и права Православного патриархата г. Стамбула использовать термин «экуменический», принятом 15 марта 2010 г. (CDL-AD(2010)005-f), Венецианская комиссия установила следующее:

«...32. Основной проблемой законодательства Турции применительно к религиозным сообществам является то, что они не могут зарегистриро-

ваться в качестве юридических лиц как таковые. В правовой системе отсутствуют соответствующие положения, и до настоящего времени ни одно религиозное сообщество не стало юридическим лицом. Вместо этого они вынуждены действовать косвенно, через фонды или ассоциации...

34. Хотя отсутствие статуса юридического лица в принципе относится ко всем религиозным сообществам в Турции, на практике существует четкое различие между мусульманами и немусульманами. Действия мусульман осуществляются через Руководящий совет по религиозным вопросам (*Diyanet*), который формально является частью администрации и отчитывается непосредственно перед премьер-министром. *Diyanet* отвечает за руководство деятельностью 75 000 зарегистрированных мечетей и за найм местных и уровня провинций имамов, которые являются гражданскими служащими. Поэтому для мусульманских сообществ вопросы, касающиеся представительства, проводятся через *Diyanet*.

35. Для немусульманских религиозных сообществ *Diyanet* не является представительским органом. Таким образом, с юридической точки зрения они не существуют. Вместо этого предусмотренная законодательством Турции модель заключается в том, что члены сообществ регистрируют фонды или ассоциации, которые (в некоторой степени) могут поддерживать религиозные сообщества. Обе эти правовые структуры, фонды и ассоциации, имеют четкие ограничения в отношении религиозных сообществ, но в последнее время они обе были реформированы, что позволило их использовать более широко...».

34. Хотя это мнение касается только правового статуса немусульманских религиозных организаций в Турции, оно содержит обзор ситуации с религиозными сообществами в целом.

3. Алевиты, места богослужений, *cemevis*, и инициатива алевитов

(а) Алевитская вера

35. В ответ на вопрос Европейского Суда заявители уточнили, что алевитская вера является системой убеждений с определенным набором характеристик, которые во многих отношениях отличают ее от суннитского понимания ислама. Алевиты признают Мухаммеда своим пророком, а Коран – своей святой книгой. Заявители утверждали, что их вера следовала эзотерическому толкованию Корана, и они верили в «божественную суть» человека, не проводя различий между божественным бытием и человеческой сущностью. В отличие от суннитов алевиты исповедовали свою веру в *cemevis* вместе: и мужчины, и женщины.

36. Власти государства-ответчика уточнили, что в Турции отсутствовали официальные статистические данные о количестве алевитов, поскольку соответствующие регистры не включали пункта о религиозной принадлежности. Однако ссылаясь на доклад по Турции, подготовленный

Комиссией Соединенных Штатов Америки по свободе вероисповедания в странах мира (USCIRF) (Ежегодный доклад за 2014 год, глава о Турции), заявители утверждали, что как минимум 15–25% от общего населения Турции являлись алевитами, то есть примерно 20 миллионов человек. Заявители также сообщили, что многие члены алевитского сообщества также избегали разглашения своих убеждений. Заявители пришли к выводу о том, что общее количество алевитов в Турции составляло от 25 до 30 миллионов человек. Заявители также представили в Европейский Суд извлечение из заявления члена Парламента от Народной республиканской партии (CHP) Ёзполата (Özpolat) от 1 марта 2014 г., согласно которому исследования алевитского населения в Турции показали следующее:

- в Турции проживали 12 521 792 алевита;
- хотя алевиты проживали практически по всей территории страны, имелись 4 388 областей, где они представляли большинство населения, включая 3 929 деревень, девять районов и два крупных города;
- 60 от указанного количества лиц называли себя «алеви́ты», 18 – «курдскими алевитами», 10 – «туркменскими алевитами», 9 – мусульманами и 3% – атеистами.

37. Власти государства-ответчика утверждали, что в Турции имелись 1 151 *семеви́с*. Заявители отмечали, что из обсуждения в парламенте государственного бюджета в 2013 году было очевидно, что в городах было 895 *семеви́с* и примерно 3 000 *семеви́с* в деревнях.

(b) *Статус семеви́с*

38. *Семеви́с* не имеют статуса места богослужений согласно законам Турции, поскольку они не считаются местами, предназначенными для отправления религиозных обрядов в строгом смысле этого слова (о статусе *семеви́с* в Турции см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции» (Cumhuriyetçi Eğitim ve Kültür Merkezi Vakfı v. Turkey) от 2 декабря 2014 г., жалоба № 32093/10, §§ 29–31 и 44–52). Во многих заключениях Департамент по религиозным вопросам утверждал, что он считает *семеви́с* видом монастыря (*tekke*), то есть, строго говоря, не местом богослужения, а лишь местом сбора для проведения духовных церемоний. По мнению Департамента по религиозным вопросам, алевизм является толкованием ислама под влиянием суфизма с особыми культурными чертами и не может считаться ни самостоятельной религией, ни ответвлением (*mezhep*) ислама. Следовательно, Департамент по религиозным вопросам связывает статус *семеви́с* с юридическим лицом, к которому они относятся.

(с) *Алевитская инициатива и алевитские рабочие группы*

39. Власти государства-ответчика утверждали, что в период с июня 2009 года по январь 2010 года в Турции были организованы семь алевитских рабочих групп (*Alevi çalıştayları*) с целью исследования вопросов, касающихся алевитского сообщества в контексте алевитской инициативы (*Alevi açılımı*). Рабочие группы посетили более 300 участников, включая духовных лидеров алевитов, среди них заявитель Иззеттин Доган, который является *dede* (религиозным лидером алевитов) теологов, общественных деятелей, сочувствующих проблемам алевитов, и представителей государства. В связи с этим была организована специальная встреча в провинции (иле) Сивас, которая была местом кровопролития 2 июля 1993 г., когда представители интеллигенции и алевиты подверглись незаконному нападению со стороны правых экстремистов.

40. В ходе функционирования рабочих групп также обсуждался вопрос статуса *семеви́с*, влияющий на обучение алевитской вере и на финансирование религиозной деятельности. В заключительном документе, принятом по завершении работы рабочих групп министром Ф. Челиком (F. Çelik) и опубликованном 31 марта 2011 г., было выражено желание увидеть, как *семеви́с* приобретают официальный статус. Также предполагалось, что такое признание позволит алевитскому сообществу воспользоваться многими привилегиями, предоставляемыми местам, имеющим рассматриваемый статус.

41. Согласно заключительному отчету (*Alevi Çalıştayları Nihai Raporu*), принятому по итогам работы рабочих групп, вопрос с алевитами должен был рассматриваться на основании концепции отделения церкви от государства, соответствующей принципу верховенства права, и следовало найти решение, не создавая новых форм разделения. В отчете, который состоит из более чем 200 страниц, рассматриваются различные вопросы, касающиеся алевитов (*Alevi sorunu*). Власти Турции предоставили копию отчета, соответствующие пункты которого изложены в § 53 настоящего Постановления.

42. Власти Турции утверждали, что после работы алевитских рабочих групп, 30 декабря 2010 г., план «обязательного религиозного и этического образования» был изменен, чтобы отвечать, в значительной степени, согласно утверждениям властей государства-ответчика, требованиям алевитских религиозных лидеров (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мансур Ялчын и другие против Турции» (Mansur Yalçın and Others v. Turkey) от 16 сентября 2014 г., жалоба № 21163/11). 14 марта 2015 г. началась работа по созданию начальной общеобразовательной школы имени Хаджи Бекташа Вели (*Hacı Bektaşî Veli*), в которой, среди прочих предметов, будут преподавать

алевизм. Кроме того, Университет Невшехира (*Nevşehir*) переименовали в Невшехирский университет имени Хаджи Бекташа Вели.

4. Позиция властей Турции относительно алевитской веры и предоставленное властями академическое мнение

43. В своих представленных в Европейский Суд замечаниях власти государства-ответчика утверждали, что возникшие в мире мусульманства движения, основанные на исламском праве или вере или на суфийских философских школах (либо духовных школах), не могут быть признаны в качестве единственной правильной формы изучения ислама. Следовательно, между этими школами не было четких различий в отличие от христианства. В связи с этим, в отличие от христиан, члены суфийского братства или движения при вопросе о своей религиозной принадлежности в первую очередь называют себя мусульманами, не упоминая того факта, что они придерживаются суфийских убеждений или принадлежат к суфийской духовной школе. Кроме того, алевизм, чье происхождение могло быть прослежено на тысячи лет назад, не мог считаться новым религиозным движением.

Власти Турции дополнительно указали, что в мусульманских обществах существовал вид формально узаконенного ислама, основанного на Коране и делах пророка Мухаммеда. Выявившиеся впоследствии расхождения касались не самого ислама в широком понимании, а способа восприятия религии и религиозной жизни в целом, поэтому не могли считаться расколом внутри ислама.

44. В подтверждение своих доводов власти Турции представили «академическое мнение» (*Bilimsel Görüş*), подписанное шестью профессорами теологии и одним профессором социологии. Согласно этому мнению, на основании общей классификации, принятой религиозной академической наукой, религиозные группы включали в себя три основные структуры, а именно религии, секты и мистические группы. В заключении также утверждалось, что суфийский образ мыслей и практика, включая алевизм, относились к третьей категории (мистические группы) в мусульманских обществах. Алевиты относились к исламу и признавали, что Коран являлся единственной святой книгой, а Мухаммед – единственным пророком. В представленном мнении также отмечалось, что молитвы (*namaz*), пост (*oruç*) и паломничество (*hac*) являлись ритуалами, общими для всех мусульман, независимо от их принадлежности к определенной ветви веры или приверженности определенной теологической доктрине. В алевитской вере особое внимание уделялось молитвам и посту Рамадан, а социологическое исследование установило, что в различных регионах страны имелись алевиты, которые практиковали эти

ритуалы. В мнении также сообщалось, что алевизм должен рассматриваться как суфийская традиция или духовная школа, привязанная к социальной системе, организованной вокруг «семейных групп» (*osak*, вид племенной системы общества) согласно святой троице аль-Хакк (истинный), Мухаммед и Али (*Haqq, Muhammad and Ali*). Это означало, что существуют только один бог (Аллах) и Мухаммед пророк его, и что Али был его святым-последователем. Другой центральной концепцией алевитского сообщества являлся термин «Ахль аль-Байт» (*Ahl al-Bayt*), который отсылал к семье пророка Мухаммеда.

Согласно представленному мнению термин «суннизм» означал «сунны» или «Ахль аль-сунна» (*Ahl al-sunnah*), представляющие образ жизни пророка Мухаммеда. Считалось, что термин отсылает к теологическим подвидам ислама, таким как салафизм, ашаризм и матуридизм и к ветвям правовых школ, таких как ханафизм, маликизм, шафиизм и ханбализм. Согласно приверженцам суннизма, чтобы иметь возможность делать точные выводы из *nasses* (исламская догма, представляющая сборник правил из Корана и Сунн) и находить ответы на противоречивые вопросы, необходимо было принять за основу стихи из Корана, учитывать неоспоримое *Hadiths* (пророческое предание), попытаться понять *nasses* во всей их полноте и в целом подчинить разум божественному откровению, приняв очевидное значение *nasses*.

В мнении также отмечалось, что технически неправильно было сравнивать алевизм с суннизмом или статус *cemevis* с местами богослужений в той степени, в которой *cemevis* являлись исключительно местами, где практиковались «обычаи и церемонии» (*adap ve erkan*) последователями алевизма. Следовательно, алевизм можно было сравнивать только с другими исламскими суфийскими группами, такими как Кадирия (*Qadiriyya*) или Накшбандия (*Naqshbandiyya*) (суфийские духовные школы)

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. Конституция Турции

45. Соответствующие положения Конституции Турции гласят следующее:

«...Статья 2

Республика Турция – демократическое, светское и социальное государство, основанное на нормах права, опирающееся на концепцию общественного спокойствия, национальной солидарности и справедливости, уважающее права человека, верное национализму Ататюрка и основанное на главных принципах, изложенных в Преамбуле...

Статья 4

Положение статьи 1 Конституции, устанавливающее форму государства как Республику, положения статьи 2 о характеристиках Республики и положения статьи 3 не могут быть исправлены, и при этом не могут вноситься предложения об их изменении...

Статья 10

Все равны перед законом независимо от языка, расы, мировоззрения, пола, политической ориентации, философских взглядов, религии и веры и тому подобного.

Никакая привилегия не может быть предоставлена какому-либо лицу, семье, группе или классу.

Государственные органы и административные власти должны при осуществлении всех своих полномочий действовать в соответствии с принципом равенства перед законом...

Статья 14

Никакие зафиксированные в Конституции права и свободы не должны осуществляться с целью нарушения неделимой территориальной и национальной целостности государства, создания угрозы существованию Турецкого государства и Республики, отмены основных прав и свобод, передачи государственной власти одному лицу или группе лиц, а также установления превосходства одной социальной группы над другими или дискриминации по языку, расе, религии или вере либо установления любыми другими средствами государственного строя, основанного на этих концепциях и идеях.

Санкции, которые необходимо применить против тех, кто нарушает эти запреты, и тех, кто подстрекает и провоцирует других к этому, определяются законом.

Никакое положение этой Конституции не должно быть истолковано способом, который предоставил бы право нарушать права и свободы, зафиксированные Конституцией...

Статья 24

Каждый имеет право на свободу совести, вероисповедания и религиозных убеждений.

Богослужение, религиозные обряды и церемонии должны проводиться свободно при условии, что они не нарушают положения статьи 14.

Никто не должен быть принужден к отправлению религиозных культов или участвовать в религиозных церемониях и обрядах, к проявлению своих религиозных верований и быть обвиненным или осужденным за свои религиозные убеждения.

Воспитание и обучение религии и этике осуществляются под контролем и надзором государства. Обучение религиозной культуре и этике является обязательным элементом в учебных планах начальных и средних школ. Получение какого-либо другого религиозного воспитания и образования зависит от собственного желания лица, а для несовершеннолетних – от требования их законных представителей.

Никто не может эксплуатировать или злоупотреблять религией или религиозными чувства-

ми, а также вещами, признанными священными с целью обоснования социального, экономического, политического или правового порядка в государстве религиозными принципами, пусть даже частично, или с целью обеспечения таким образом политических или личных интересов или влияния..

Статья 136

Департамент по религиозным вопросам, который входит в структуру органов администрации, осуществляет свои обязанности, определенные в специальном законе, в соответствии с принципами лаицизма, связанными не с политическими представлениями и идеями, а со стремлениями к национальной солидарности и целостности...

Статья 174

Никакое положение Конституции не должно рассматриваться и истолковываться таким образом, что Конституции противоречат действующие в день принятия Конституции всенародным голосованием положения нижеуказанных законов о реформе, направленных на достижение турецким обществом уровня современной цивилизации и отстаивание светского характера Турецкой Республики:

...3) Закон о запрещении дервишеских орденов и обителей, упразднении ряда сторожек при гробницах дервишеских званий № 677 от 30 ноября 1341 года (1925 года)...

В. ФУНКЦИИ ДЕПАРТАМЕНТА ПО РЕЛИГИОЗНЫМ ВОПРОСАМ

46. Соответствующие положения Закона о создании и функционировании Департамента по религиозным вопросам от 22 июня 1965 г. № 633 предусматривают следующее:

«Статья 1

Департамент по религиозным вопросам, действуя под контролем премьер-министра, рассматривает вопросы, связанные с исламскими убеждениями, вероисповеданием и моральными устоями, просвещает общество по вопросам, связанным с религией, и руководит местами проведения богослужений...

Статья 5

Верховный совет по религиозным вопросам является верховным органом для принятия решений и консультаций. Он состоит из 16 человек...

Он уполномочен:

(а) отвечать на все вопросы, касающиеся религии, давать заключения и принимать решения по религиозным вопросам, принимая во внимание исламские источники, методологию и исторические учения...

(с) анализировать различные религиозные толкования, социорелигиозные группы и культурные и религиозные группы как внутри страны, так и за рубежом, изучать эти вопросы, консультировать и организовывать встречи и конференции...

Статья 7

Административные подразделения, функции и полномочия Департамента по религиозным вопросам являются следующими:

(а) Генеральный директорат религиозных служб должен:

(1) учреждать и руководить молельными комнатами и мечетями с целью обеспечения возможности исповедания религии и предоставления религиозных услуг...

(10) осуществлять действия, направленные на последователей различных религиозных толкований, социорелигиозных групп и традиционных культурных и религиозных групп, относящихся к мусульманству...

(d) Генеральный директорат международных отношений:

(1) В контексте международных соглашений и отношений должен предоставлять религиозные услуги и организовывать религиозное руководство гражданами, проживающими за рубежом...

Статья 35

Санкционирование создания мечетей и молельных комнат для отправления богослужений должно исходить из Департамента по религиозным вопросам, который будет руководить указанными структурами. Руководство мечетями и молельными комнатами, которые уже открыты, с разрешения или без него... должно быть передано Департаменту по религиозным вопросам в течение трех месяцев с момента открытия. Департамент по религиозным вопросам назначает управляющих для указанных структур, насколько это позволяют имеющиеся средства...».

47. Согласно статьям 9 и 11 настоящего закона персонал Департамента по религиозным вопросам должен отвечать требованиям, установленным Законом о гражданских служащих от 14 июля 1965 г. № 657.

С. СТАТУС МЕСТ БОГОСЛУЖЕНИЙ В ТУРЦИИ**1. Инструкция Совета министров № 2/1958**

48. Статья 3 Положения о применении закона, регулирующего ношение определенной одежды, к местам богослужений относит следующие:

«Местами богослужений (*mabedler*) являются закрытые пространства, созданные в соответствии с определенной процедурой и предназначенные в случае каждой религии для отправления религиозных обрядов»

49. В законодательстве Турции не установлено специальной процедуры предоставления какому-либо месту статуса «места богослужений» (*mabed* или *ibadethane*). На практике вышеуказанное положение толкуется как требующее наличия связи между местом богослужения и исповедованием религии. В соответствующем законодательстве только мечети (и масаджиды), церкви и синагоги четко называются местами проведения богослу-

жений для мусульманской, христианской и иудейской религий соответственно.

Классификация в качестве места богослужения имеет ряд важных юридических условий. Во-первых, места богослужений освобождаются от многочисленных налогообложений. Во-вторых, их счета за электричество оплачивает фонд Департамента по религиозным вопросам. В заключение при составлении планов развития городов необходимо предусматривать места богослужений, создание которых зависит от определенных условий (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции», §§ 20–28).

2. Решение Совета министров № 2002/4100

50. Соответствующие положения Решения № 202/4100, принятого Советом министров и опубликованного в официальном печатном издании 23 мая 2002 г., устанавливают следующее:

«Статья 2

Приведенные ниже лица или организации, [связанные с энергосетями], освобождаются от действия [положений] пункта 1 статьи 1 Закона № 4736 в обстоятельствах, указанных в статье 3 настоящего решения...

(е) благотворительные организации, ассоциации, фонды, музеи, государственные школы...

(f) места богослужений (мечети (*camii*), масаджиды (*mescit*), церкви, синагоги (*havra, sinagog*))...

Статья 3

Цена, уплачиваемая пользователями, перечисленными в статье 2 настоящего Решения, определяется по следующим правилам:

...(е) разница между ценой, уплачиваемой благотворительными организациями, ассоциациями, фондами, музеями, государственными школами... и ценой, уплачиваемой другими пользователями, не может составлять больше, чем 15 турецких лир за киловатт в час...

(f) ...счета за электричество, потребляемое местами богослужений, должны оплачиваться из фонда Департамента по религиозным вопросам...».

51. Согласно пункту 1 статьи 1 Закона № 4736, опубликованного в официальном печатном издании 19 января 2002 г., некоторые государственные учреждения не могут быть освобождены от обязанности оплачивать счета за электроэнергию.

Д. ЗАКРЫТИЕ ДЕРВИШСКИХ МОНАСТЫРЕЙ, ОТМЕНА И ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ТИТУЛОВ

52. В статье 1 Закона от 30 ноября 1925 г. № 677 «О закрытии дервишских монастырей и кладбищ, отмене должности хранителя кладбищ и отмене и запрете определенных титулов» говорится следующее:

«На территории Турции все *tekkes* или *zaviyes* (дервишские монастыри), действующие либо в качестве фондов, либо как собственность шейха (*sheikh*), или в любой иной форме, подлежат полному закрытию согласно имущественному праву собственника. Те, которые всё еще используются в качестве мечетей или молельных комнат в соответствии с установленной законом процедурой, остаются действующими.

В частности, запрещается использование определенных религиозных титулов, таких как *Seyhlik*, *Dervishlik*, *Murittlik*, *Dedelik*, *Seyitlik*, *Celebilik*, *Babalik*. На территории Республики Турция кладбища, принадлежащие... суфийским школам (*tarika*) или используемые в целях определенного интереса, должны быть закрыты... Любой, кто открывает *tekkes* или *zaviyes*, либо кладбища и возобновляет соответствующую деятельность, или любой, кто носит один из вышеупомянутых титулов или осуществляет связанную с титулами деятельность, приговаривается к минимальному сроку лишения свободы на три месяца и к штрафу...».

Е. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД, СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ АЛЕВИТСКИХ РАБОЧИХ ГРУПП

53. В соответствующих частях заключительного доклада, составленного по итогам работы алевитских рабочих групп (см. § 41 настоящего Постановления), предусматривается следующее:

«...Хотя сравнивать суннизм и алевизм неправильно, в действительности суннизм и алевизм не похожи и не имеют подлежащих сравнению структурных черт...

...Алевизм – это оригинальный феномен (*özgün bir oluşum*) и часть религиозного духа, глубоко укоренившегося в турецком обществе и истории, со своими собственными теологическими чертами и особой традицией и практикой, основанной на мусульманской теологии и терминологии... Хотя некоторые исследователи рассматривают алевизм как суфийскую духовную школу, другие считают его ветвью (*mezhep*) ислама. Кроме того, существует ряд менее значимых мнений, согласно которым алевизм является религией. Суннизм... отличается от алевизма как в формальных вопросах, так и в контексте направляющих ценностей... [с. 40–41].

Хотя суннизм развился из формальных и нормативных характеристик, алевизм пришел из устной традиции и определяется на основе этих культурных тенденций и выборов. Можно допустить, что суннизм и алевизм имеют общие черты. Однако бессмысленно переоценивать [эти общие черты], поскольку данные духовные школы отличаются с точки зрения убеждения, вероисповедания, практики, обычаев, церемоний и направляющих ценностей. [С другой стороны], общность между алевизмом и суннизмом можно вывести из их схожих черт в отношении мусульманской религии и культуры... [с. 41].

...Алевитская вера, которая появилась во времена Османской империи, должна рассматриваться как религиозное общество, отличное от

суннитов... Сегодня Алевиты Анатолии [*Anadolu Aleviliği*] могут справедливо считаться структурой, имеющей собственные особенные черты... [с. 42].

...Основные выборы, которые привели к существующей структуре алевитской веры, датируются XIV веком. Сначала алевизм отделился от толкования ислама в версии шиитов и суннитов. Однако алевизм всегда сохранял связи с указанными духовными направлениями. Это взаимоотношение фактически является основной смешанной чертой рассматриваемого вероучения. В то же время алевизм успешно объединил доисламские традиции с исламом. [Постепенно] мнение о том, что исходной верой был ислам, превратилось в новое убеждение, открытое различным религиозным и конфессиональным чертам [с. 45].

...В рабочих группах была достигнута договоренность относительно идеи о том, что алевизм являлся формой убеждений и концепцией (*inanç ve erkan yolu*), которые были основаны вокруг концепций святой троицы: аль-Хакк (истинный), Мухаммед и Али (*Haqq, Muhammad and Ali*), в мусульманской религии [с. 91]...

Основной институциональной проблемой алевитов является то, что *cemevis* не имеют официально-го статуса и что алевитские религиозные лидеры (*dedes*) с правовой точки зрения занимают незаконное положение...

Как современные структуры *cemevis* происходят из практики церемонии *ayin-i cem* [церемония “жем” “*cem*”], которая является основополагающим ритуалом в алевитской вере.

В алевизме самое важное религиозное действие – это встреча *cem*, возглавляемая алевитскими религиозными лидерами (*dedes* или *pir*) [с. 161].

Сегодня *cemevis* продолжают существовать на практике, хотя не имеют для этого законных оснований [с. 164].

[Несмотря на запрет функционирования в связи с модернизацией алевитского сообщества], роль *dedes* в сообществе неоспорима [с. 167].

[Однако институт *dede*] характеризуется серьезными проблемами. Во-первых, закон категорически отрицает все роли и задачи этой структуры... Следовательно, алевитам приходится поддерживать свою веру “без *dedes* и без ритуалов” во время правления Республики [с. 168].

У алевитов нет специально подготовленных религиозных лидеров. Хотя *dedes* пользуются некоторым авторитетом в связи со своим происхождением... они не играют никакой роли в структуре публичных услуг [с. 169].

Алевиты подчеркивали, что их вклад в налоговые сборы должен приниматься во внимание при предоставлении услуг Департаментом по религиозным вопросам, и выразили свое неудовольствие тем, что ничего не было сделано для разрешения их специфической ситуации. Они просили государство учитывать их нужды на равноправной основе... [с. 171].

С другой стороны, требование о признании *cemevis* местами богослужений находит сильный отклик в алевитском сообществе. Следует признать, что сегодня алевиты не отправляют свои религиоз-

ные ритуалы в мечетях, [в отличие] от мусульман в целом, а проводят церемонии *сет* в *cemevis*. Поскольку церемония *сет* является ритуалом для алевитов (*ibadet*), они считают *cemevis* своими местами богослужений. В настоящее время данный подход широко распространен среди алевитов, которые приняли решение считать ритуалы, выполняемые в *cemevis*, основополагающим элементом исповедания своей религии [с. 171–172].

Для мусульман-суннитов связь *cemevis* с мечетями разрушительна как для ислама, так и для алевизма... Однако следует принимать во внимание тот факт, что с точки зрения суннитских школ отсутствует жесткое различие между монастырями (*dergah*) и мечетями. [В принципе] сунниты не видят противоречий в том, чтобы посещать и монастырь, и мечеть... Однако, за рядом исключений, место мечети все еще оспаривается в подходе, преобладающем среди алевитов... Хотя мусульмане-сунниты пытаются связать алевитов с мечетями... сегодняшняя реальность, вытекающая из приводимых алевитами примеров, заключается в признании того, что места, которыми пользуются для богослужений алевиты, являются *cemevis* намного больше, чем мечетями [с. 174–175]...

В свете вышеизложенного [властям рекомендуется] принять во внимание следующие моменты для сохранения мира в гражданском обществе [с. 189–194]:

I) установление рамок и выработка определений в алевизме должны являться делом исключительно самих алевитов...

II) алевиты утверждают, что они подвергаются дискриминации в обществе и в процессе их взаимоотношений с государством. Государство должно срочно и с полной прозрачностью предпринять меры с целью исправить сложившийся образ... В любом случае следует прекратить все дискриминационные действия, а нормы права, в которых устанавливается дискриминация или которые ей способствуют, должны быть отменены...

IV) алевитский вопрос должен быть рассмотрен и разрешен в соответствии с принципами отделения церкви от государства и верховенства права...

X) алевиты должны иметь возможность пользоваться услугами Департамента по религиозным вопросам наравне с гражданами-суннитами в общих рамках мусульманской веры...

XI) должны быть проведены исследования с целью обеспечить, чтобы Департамент по религиозным вопросам в его существующем виде мог оказывать услуги группам верующих, основанным на понимании ислама, отличного от суннитской школы...

XIV) что касается религиозных услуг, следует принять во внимание требования алевитов, которые не хотят устанавливать взаимоотношения с Департаментом по религиозным вопросам, и им должна быть предоставлена возможность создания организации, которая учитывает нужды жизни в обществе и соответствует принципу отделения церкви от государства...

XV) в Конституцию должны быть внесены изменения с целью решения проблем, которые возникли на практике в результате обязательного религиозного образования...

XVII) *cemevis* должны получить правовой статус, и государство должно финансировать их деятельность в соответствии с принципом равенства;

XVIII) должен быть учрежден Комитет по правовым вопросам, который будет рассматривать требования религиозных групп, которые полагают предоставляемые Департаментом по религиозным вопросам услуги недостаточными или которые не пользуются этими услугами и, в порядке альтернативы, которые не хотят пользоваться указанными услугами...

XXIV) предложение о введении религиозного налога следует рассматривать с социальной, религиозной и культурной точек зрения...».

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

A. СОВЕТ ЕВРОПЫ

1. Документы, принятые Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия)

(a) *Руководящие принципы законодательного пересмотра правовых норм, влияющих на религию или убеждения*

54. Соответствующие положения документа, озаглавленного «Руководящие принципы законодательного пересмотра правовых норм, влияющих на религию или убеждения», принятого Венецианской комиссией на 59-м пленарном заседании (г. Венеция, 18 и 19 июня 2004 г., CDL-AD(2004)028), предусматривают следующее:

«Материально-правовые вопросы, которые обычно возникают применительно к законодательству...»

2. *Определение “религии”*. В законодательстве можно часто встретить вполне понятную попытку определить “религию” или связанные с ней понятия (“секты”, “культы”, “традиционная религия” и так далее). В международном праве отсутствуют общепризнанные определения этих терминов, и многие государства столкнулись с трудностями при их определении. Утверждалось, что такие термины нельзя определять в юридическом плане из-за неоднозначности, присущей концепции религии. Распространенной ошибкой при определении является требование того, чтобы некие убеждения считались религией, должна присутствовать вера в Бога. Самыми очевидными примерами, опровергающими данный подход, являются классический буддизм, не являющийся теистическим, и индуизм (который политеистичен)...

3. *Религия или вера*. Международные стандарты говорят не о религии в изолированном смысле, а о “религии или вере”. “Вера” обычно связывается с глубокими сознательными основополагающими убеждениями о человеке и мироустройстве. Так, атеизм и агностицизм, как правило, имеют равное право на защиту религиозных убеждений. Для законодательства очень типично не защищать

надлежащим образом (или не защищать вообще) права неверующих...

В. Основные ценности, лежащие в основе религиозных стандартов свободы религии или убеждений

В рамках территории действия [Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе] был достигнут широкий консенсус... о пределах действия права на свободу религии и убеждения, как оно сформулировано в применимых международных инструментах прав человека. При рассмотрении соответствующего законодательства следует помнить нижеследующие основополагающие вопросы.

1. *Международная свобода (forum internum)*. Ключевые международные инструменты подтверждают, что «каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии». В отличие от исповедания религии, право на свободу мысли совести и религии... является абсолютным и не может быть подвергнуто никаким ограничениям. Так, например, недопустимы законодательные нормы, требующие принудительного отступления от религиозных убеждений...».

(b) Совместные Руководящие принципы о правовом статусе религиозных сообществ или сообщество по убеждениям

55. Совместные Руководящие принципы о правовом статусе религиозных сообществ или сообществ по убеждениям были приняты Венецианской комиссией на 99-м пленарном заседании 13 и 14 июня 2014 г. (г. Венеция, CDL-AD(2014)023). Соответствующие положения этого документа звучат следующим образом (сноски опущены):

«...Часть IV. Привилегии религиозных сообществ/организаций или сообществ/организаций по убеждениям

38. Государства могут решить предоставить определенные привилегии религиозным сообществам/организациям или сообществам/организациям по убеждениям. Например, финансовые субсидии, финансовые взносы религиозным сообществам или сообществам по убеждениям через налоговую систему или путем предоставления членства в службах общественного вещания. Только при предоставлении таких льгот на религиозные сообщества или сообщества по убеждениям могут быть возложены дополнительные обязанности, если только они являются соразмерными и недискриминационными...

39. Государство полномочно предоставлять такие привилегии, но, поступая подобным образом, оно должно убедиться, что привилегии предоставляются и используются без дискриминации. Это требует объективного и разумного оправдания для обращения, что означает, что обращение должно преследовать законную цель и должно существовать разумное соотношение пропорциональности между используемыми способами и поставленной целью.

40. В частности, наличие соглашения между государством и определенным религиозным сообще-

ством или заключение такого соглашения либо наличие законодательства, устанавливающего особый режим в пользу сообщества, в принципе не противоречат праву на недопущение дискриминации по признаку религии или убеждений, если имеется объективное и разумное обоснование различного обращения и если другие религиозные сообщества могут при желании заключить аналогичные соглашения. Соглашения и нормы законодательства могут отражать исторические различия в роли, которую различные религии играли и играют в истории и обществе определенной страны. Различное отношение к религиозным сообществам или сообществам по убеждениям, обусловленное наличием особого статуса в законодательстве, которым предусмотрены значительные привилегии, в то время как в привилегированном отношении отказано другим религиозным сообществам или сообществам по убеждениям, которые не получили указанного статуса, соответствует требованию отсутствия дискриминации по религиозному признаку или признаку убеждений, если только государство учреждает схему признания религиозных групп, имеющих особый статус, юридическими лицами. Все религиозные сообщества или сообщества по убеждениям должны иметь равную возможность, если они этого желают, обратиться за получением указанного статуса, а установленные критерии должны применяться недискриминационным образом.

41. Тот факт, что религия признается государственной, официальной или традиционной или что ее последователи составляют большинство населения страны, может являться основанием для предоставления особого статуса, если, однако, это не повлечет какого-либо нарушения любых прав человека и основополагающих свобод или какой-либо дискриминации приверженцев других религий или неверующих граждан. В частности, определенные меры, выявляющие дискриминацию в отношении последней упомянутой группы лиц, такие как меры, ограничивающие доступ к государственной службе либо предоставляющие экономические привилегии приверженцам государственной религии или налагающие определенные ограничения на исповедование иных видов религий, не соответствуют правилу запрета дискриминации по признаку религии или убеждений и гарантии равной защиты.

42. Права, обсуждаемые во второй и третьей частях настоящего документа, включая свободу исповедовать религию или убеждения совместно с другими лицами и право на регистрацию в качестве юридического лица, должны рассматриваться не как привилегия, а как право, которое является основополагающим элементом свободы религии или убеждений. В частности, как указано выше, правом на регистрацию в качестве юридического лица нельзя злоупотреблять как способом ограничения прав лиц или сообществ, пытающихся осуществить свою свободу религии и убеждений, путем установления зависимости между осуществлением указанной свободы и процедурами регистрации или аналогичных ограничений. С другой стороны, доступ к регистрации в качестве юридического лица должен быть доступен как можно большему количеству сообществ, и ни одно сообщество не может быть исключено из этого процесса на том основании, что исповедуемая

им религия или убеждения не являются традиционными или признанными. Различное отношение в ходе процедуры регистрации в качестве юридического лица может соответствовать принципу недискриминации, только если этому имеется объективное и разумное объяснение, если разница в обращении не оказывает дискриминационного влияния на осуществление свободы религии или убеждений (меньшинством) сообществ и их членами и если процедура получения статуса юридического лица этими сообществами не является чрезмерно обременительной...».

2. Европейская Комиссия против расизма и нетерпимости

56. В Четвертом докладе по Турции, принятом 10 декабря 2010 г. и опубликованном 8 февраля 2011 г. (TUR-CBC-IV-2011-005), Европейская комиссия против расизма и нетерпимости утверждала, *inter alia*, следующее:

«...100. Алевиты в целом находятся в хороших отношениях с остальными членами общества. Однако алевитов тревожит религиозное образование в начальных и средних школах (которое является обязательным согласно статье 24 Конституции и статье 12 Закона № 1739 “О национальном образовании”)...»

101. Представители алевитов также обжалуют дискриминационное отношение, которое заключается в том, что государство финансирует определенные вероучения, например, оплачивает расходы мест богослужений на электроэнергию, но не все из них. В частности, в настоящее время *setevîs* не признаются местами богослужений (хотя ими признаются мечети, церкви и синагоги), и поэтому, за редкими исключениями на местном уровне, им отказано в государственном финансировании, также алевитские школы не поддерживаются государством финансово. Проведение в 2009 году погребального обряда солдата-алеви-та согласно суннитским церемониям также вызвало недовольство в алевитском сообществе.

102. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости с интересом отмечает, что в 2009 году власти организовали ряд рабочих групп с различными представителями алевитского сообщества с целью обсудить спорные вопросы непосредственно с алевитами напрямую и начать решать эти вопросы. Комиссия также с интересом отмечает доклады о том, что власти Турции намереваются расширить свои демократические инициативы и включить в них алевитов.

103. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости рекомендует властям Турции предпринять все необходимые меры для исполнения Постановления Европейского Суда по делу “Зенгин, Хасан и Эйлем против Турции” полностью и своевременно, так чтобы привести закон и практику Турции в сфере религиозного образования в соответствие с требованиями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

104. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости рекомендует властям Турции рассмотреть все жалобы алевитского сообщества в отношении дискриминационного отноше-

ния, в частности, относительно финансирования и вопросов, связанных с местами богослужений, и принять все необходимые меры, чтобы исправить любые выявленные проявления дискриминации.

105. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости настоятельно призывает власти предпринимать усилия по строительству конструктивного диалога и установлению позитивных отношений с алевитским сообществом...».

В. ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

1. Международный пакт о гражданских и политических правах

57. Соответствующие положения Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливают следующее:

«...Статья 18

1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообщая с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений...

Статья 26

Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В этом отношении всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом, и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как то: расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

Статья 27

В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком».

2. Комитет Организации Объединенных Наций по правам человека

58. В Замечаниях общего порядка к статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (свобода мысли, совести и религии), принятых в 1993 году, Комитет Организации Объединенных Наций по правам человека указал следующее:

«...2. Статья 18 защищает теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также право не исповедовать никакой религии или убеждений. Понятия “убеждения” и “религия” следует толковать широко. Применение положений статьи 18 не ограничивается традиционны-

ми религиями или религиями и убеждениями, которые по своим организационным формам или практике аналогичны традиционным религиям. В связи с этим Комитет беспокоит любая тенденция к дискриминации любых религий или вероисповеданий на любых основаниях, в том числе потому, что они являются вновь созданными или что их исповедуют религиозные меньшинства, к которым может враждебно относиться преобладающая религиозная община...

4. Свобода исповедовать религию или убеждения может осуществляться “как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком”. Свобода исповедовать религию или убеждения при отправлении культа, выполнении религиозных или ритуальных обрядов и учении охватывает весьма широкую сферу действий. Понятие “отправление культа” включает ритуалы и церемонии, в которых вера проявляет себя непосредственно, а также различные, присущие им действия, включая строительство мест отправления культа, использование ритуальных формул и предметов, демонстрацию символов и соблюдение праздников и дней отдыха. Соблюдение и исповедование религии или убеждений могут заключаться не только в осуществлении церемоний, но и в следовании таким обычаям, как соблюдение предписанных ограничений в рационе питания, ношение отличительной одежды или головных уборов, участие в ритуальных обрядах, связанных с определенными этапами жизни, и использование особого языка, с помощью которого обычно общаются принадлежащие к соответствующей общине лица. Кроме того, практика и учение, связанные с той или иной религией или убеждениями, включают осуществление таких мероприятий, неразрывно связанных с ведением религиозными группами своей основной деятельности, как, например, свободное назначение религиозных руководителей, священнослужителей и проповедников, свободное создание семинарий или религиозных школ и свободное составление и распространение религиозных текстов или публикаций...

9. Тот факт, что та или иная религия признана в качестве государственной или что она провозглашена в качестве официальной или традиционной, или что ее приверженцы составляют большинство населения, не должен ни наносить ущерб осуществлению любого из прав, закрепленных в Пакте, включая статьи 18 и 27, ни вести к дискриминации в отношении приверженцев других религий или лиц, не исповедующих никакой религии.

В частности, некоторые меры, являющиеся дискриминационными по отношению к последним, такие как ограничение круга лиц, имеющих доступ к государственной службе, приверженцами доминирующей религии, или предоставление им экономических привилегий, или установление специальных ограничений на исповедование других убеждений, противоречат положениям, запрещающим дискриминацию на основании религии или убеждений, и гарантии равной защиты, предусмотренной в статье 26. Важной гарантией защиты от нарушения свобод религиозных меньшинств и других религиозных групп, предусмотренных статьями 18 и 27, а также от актов насилия или преследования в отношении этих

групп являются меры, о которых говорится в пункте 2 статьи 20 Пакта. Комитет хотел бы получить информацию о мерах, принятых соответствующими государствами-участниками в целях защиты всех религий или убеждений от ущемления свобод, а их приверженцев – от дискриминации. Комитету необходима также информация о правах религиозных меньшинств согласно статье 27, с тем чтобы он мог оценить степень соблюдения государствами-участниками свободы мысли, совести, религии и убеждений. Соответствующие государства-участники должны включать в свои доклады информацию, касающуюся действий, квалифицируемых в рамках их законодательства и судебной практики как богохульство и поэтому подлежащих наказанию.

10. Если в уставах, положениях, заявлениях правящих партий и так далее или в реальной жизни тот или иной набор убеждений рассматривается в качестве официальной идеологии, это не должно вести ни к нанесению какого-либо ущерба свободам, провозглашенным в статье 18, или другим правам, признанным в пакте, ни к дискриминации в отношении лиц, не принимающих официальную идеологию или выступающих против нее».

3. Доклад Специального докладчика Организации Объединенных Наций от 22 декабря 2011 г. о свободе религии или убеждений

59. Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по вопросам религии и убеждений Хайнер Билефельдт (*Heiner Bielefeldt*) 22 декабря 2001 г. представил Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций своей ежегодный доклад (A/HRC/19/60). Имеющие отношения к настоящему делу пункты доклада звучат следующим образом (сноски опущены):

«...D. Вопрос о привилегированном статусе некоторых религиозных или идейных общин

59. Многие государства предусматривают возможность предоставления привилегированного статуса некоторым религиозным или идейным общинам или, что происходит в большинстве случаев, небольшому их числу. Такой особый статус, как правило, выходит за рамки общих возможностей, которые открываются с получением статуса юридического лица, и может давать право на практические преимущества, включая освобождение от уплаты налогов, предоставление финансовых субсидий или использование ресурсов государственных агентств теле- и радиовещания. Термин “признание” часто применяется по отношению к такому привилегированному статусу, которым могут пользоваться отдельные конфессии.

60. Несмотря на то, что на государства возлагается четкое правозащитное обязательство по предоставлению всем религиозным или идейным общинам возможности получить общий статус юридического лица, предоставление особого статуса тем или иным религиозным или идейным общинам отнюдь не вытекает непосредственно

из права человека на свободу религии или убеждений. Государства обладают свободой действий в этой связи. Круг возможных вариантов действий весьма широк. Хотя многие государства предоставляют такой особый статус в рамках своей пропагандистской деятельности в области свободы религии или убеждений, некоторые государства решили действовать иначе и иным способом выполнять свое обязательство по поощрению свободы религии или убеждений.

61. Если государства предоставляют особый статус тем или иным религиозным или идейным общинам, им следует принять меры для того, чтобы концептуальное оформление и применение подобных положений носило недискриминационный характер. Недопущение дискриминации является одним из главнейших принципов в области прав человека. Оно связано с человеческим достоинством, которым обладают все люди и которое уважается на равной, а следовательно, недискриминационной основе. Согласно уже приводимой цитате из Всеобщей декларации прав человека все люди «рождаются... равными в достоинстве и правах» и имеют право на соответствующее обращение. Помимо этого, принцип недискриминации, несомненно, также запрещает дискриминацию на основе религии или убеждений. Это положение прямо закреплено в многочисленных договорах о правах человека, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.

62. К сожалению, Специальный докладчик получает обширную информацию о том, что государства прибегают к дискриминационной практике и политике при предоставлении некоторым конфессиям особого статуса и сопутствующих привилегий и отказывают в подобном статусе остальным конфессиям. Во многих случаях используемые критерии определены весьма расплывчато или вовсе не сформулированы. В ряде других случаев за основу берется культурное наследие страны, в котором некоторым религиозным конфессиям отводится господствующая роль. И хотя это может быть верно с исторической точки зрения, возникает вопрос, на каком основании подобный исторический фактор должен включаться в текст закона или даже Конституции. Ссылка на господствующую роль в истории отдельной религии может с легкостью стать предлогом для дискриминационного обращения в отношении последователей других религий или убеждений. Примеров этому существует великое множество.

63. Помимо этого, целый ряд государств провозгласил официальную государственную религию, особое положение которой даже закреплено в конституциях государств. Хотя в большинстве случаев подобный официальный статус присваивается только одной религии, известны примеры, когда в стране существует две и более государственных религии. На практике это может приводить к разным последствиям, начиная с присвоения религии более или менее символического высшего ранга в иерархии религий и заканчивая принятием жестких мер для сохранения главенствующей роли государственной религии в условиях конкурирующих конфессий или критике со

стороны общества. В исключительных случаях выражать свои религиозные или идейные взгляды разрешается только последователям официальной государственной религии. В то же время известны примеры государств, в которых одним из условий для получения гражданства является исповедование государственной религии. В целом ряде государств лица, желающие занять высшие должности в государственном аппарате, в том числе должности президента, премьер-министра, членов парламента, короля, королевы, генерального прокурора, главного судьи или членов национального правозащитного учреждения, обязаны исповедовать определенную религию или принадлежать к определенной конфессии и публично принести присягу с объявлением приверженности этой религии. Предоставление привилегированного статуса отдельным конфессиям или провозглашение официальной государственной религии нередко является неотъемлемой частью государственной политики укрепления национального самосознания. Однако, как подтверждается многочисленными примерами, в такой политике кроется серьезная опасность дискриминации меньшинств, например членов иммигрантских религиозных общин или новых религиозных движений...

IV. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

...72. Более того, если государства решают предоставить особый статус, связанный с конкретными финансовыми или иными привилегиями, то им следует побеспокоиться о том, чтобы подобный особый статус не представлял собой дискриминации *de jure* или *de facto* в отношении последователей других религий или убеждений. Что касается понятия официальной «государственной религии», то, по мнению Специального докладчика, трудно, а то и вовсе невозможно представить себе использование этого понятия, которое на практике не влекло бы неблагоприятных последствий для религиозных меньшинств, оборачиваясь в свою очередь дискриминацией для их членов.

73. С учетом вышеизложенных соображений Специальный докладчик хотел бы вынести следующие рекомендации:

...i) при предоставлении привилегированного статуса отдельным религиозным или идейным общинам или другим группам следует строго соблюдать принцип недискриминации и в полной мере уважать право на свободу религии или убеждений всех людей;

j) любой особый статус, предоставляемый государством отдельным религиозным или идейным общинам или другим группам, не должен использоваться в качестве инструмента политики в области национального самосознания, поскольку это может отрицательно сказаться на положении лиц, принадлежащих к общинам меньшинств...».

IV. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

60. Согласно имеющейся у Европейского Суда информации относительно 34 из 47 государств – членов Совета Европы¹ не существует единой модели

¹ Албания, Армения, Австрия, Азербайджан, Бельгия, Босния и Герцеговина, Болгария, Чешская Республика, Дания, Эсто-

взаимоотношений между государством и религиозными сообществами. В конституционных системах разных государств предусмотрены различные схемы взаимодействий, которые можно поделить на три вида:

а) практически полное отделение государства от религиозных организаций (например, Албания, Азербайджан, Франция, за исключением Эльзас-Мозеля, Украина и некоторые кантоны Швейцарии);

б) наличие государственной церкви (как, например, в Дании, Исландии, Соединенном Королевстве (Англиканская церковь), Швеции до 2000 года и в некоторых странах на юге и востоке Европы, где особое место занимают христианская церковь или другие национальные церкви, таких как Армения, Болгария, Грузия, Греция, Республика Молдова, Румыния и Сербия) и

с) договорные отношения. В этой модели хотя и существует формальное разделение государства и религиозных сообществ, взаимоотношения между церковью и государством регулируются договорами или соглашениями (как в большинстве европейских стран).

61. Кроме того, в большинстве стран¹ существуют методы или процедуры для официального признания религиозной конфессии. Если выполнены все условия, религиозному сообществу предоставляется соответствующий правовой статус. Чтобы получить признание в качестве официальной конфессии, религиозное сообщество, не относящееся к господствующей в государстве религии, должно отвечать ряду критериев, установленных в законодательстве в контексте установленных процедур. В законодательстве также предусматриваются ограничения свободы религии, сравнимые с теми, что закреплены в пункте 2 статьи 9 Конвенции. В большинстве стран, если религиозное сообщество удовлетворяет самым основным критериям, оно может получить статус, сравнимый со статусом государственной церкви. В ином случае сообществу предоставляется другой статус.

62. Финансирование религиозных сообществ является сложным вопросом, который зависит от исторического, социального и политического развития страны. В литературе основное различие проводится между прямым финансированием

(например, с помощью субсидий, религиозного или церковного налога, выплат заработной платы лицам духовного сана и иному персоналу) и косвенным финансированием, который может принимать различные формы (например, льготное налогообложение, снижение выплат и содержание помещений и мест богослужений).

63. Что касается государственного финансирования, тут применяются разные подходы. В большинстве стран государство напрямую участвует в оплате расходов религиозных сообществ. Бюджетные средства могут принимать форму единовременно выплачиваемой суммы (например, в Австрии, Азербайджане, Чешской Республике, Грузии и Литве) или выделяться на определенные цели. В некоторых странах существует религиозный или церковный налог (Германия, Швейцария) или церковный взнос (например, в Швеции), которые собираются государством. В Эльзасе-Мозеле (где существует исключение из действующей во Франции системы разделения церкви и государства), Бельгии, Люксембурге, некоторых кантонах Швейцарии и Сербии государство оплачивает заработную плату и социальный пакет духовных служащих. В Италии все конфессии могут получить финансирование из налоговых сборов. Финансирование основано на принципе отделения церкви от государства, не может нарушать принципа равенства граждан, государственного нейтралитета в религиозных вопросах, принципа равных свобод для религий перед законом или принципа индивидуальной религиозной свободы. Католическая церковь и религиозные сообщества, заключившие соглашение с государством, получают прямое и опосредованное государственное финансирование.

В некоторых странах, где отсутствует возможность прямого или косвенного финансирования, религиозные сообщества находятся на самофинансировании. Тем не менее могут иметь место налоговые отчисления или иные формы косвенного субсидирования (например, в Армении, Франции, за исключением некоторых регионов, Ирландии, Латвии, Республике Молдова, Португалии, бывшей Югославской Республике Македония, на Украине и в Соединенном Королевстве).

64. Ключевым критерием для получения права на финансирование является признание правового статуса. В тех странах, в которых есть различные статусы для религиозных сообществ (например, Чешская Республика, Германия, Венгрия, Литва, Румыния, Сербия и Испания), размер финансирования зависит от статуса сообщества. В отношении церквей, чья историческая роль подчеркивается в Конституции, договоре, соглашении или другом документе, финансирование может быть автоматическим. В других случаях часто принимаются во внимание общественный интерес или общественная польза религиозного сообщества.

ния, Франция, Грузия, Германия, Греция, Венгрия, Исландия, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Республика Молдова, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, бывшая Югославская Республика Македония, Украина и Соединенное Королевство.

¹ Албания, Армения, Австрия, Азербайджан, Бельгия, Босния и Герцеговина, Болгария, Чешская Республика, Эстония, Франция, Грузия, Германия, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Республика Молдова, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария (за исключением двух из 26 кантонов) и бывшая Югославская Республика Македония.

ПРАВО

I. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

65. Европейский Суд отмечает, что власти государства-ответчика не выдвинули возражений относительно приемлемости жалоб ни в письменных, ни в устных замечаниях.

Европейский Суд отмечает, что жалоба затрагивает серьезные вопросы фактов и права согласно Конвенции, определение которых требует рассмотрения жалобы по существу. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу о том, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено иных оснований для признания жалобы неприемлемой. Таким образом, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 9 КОНВЕНЦИИ

66. Заявители утверждали, что их право исповедовать свою религию не было надлежащим образом защищено во внутригосударственном законодательстве. Они обжаловали в этой связи отклонение их ходатайств, в которых, среди прочего, заявители просили обеспечить алевитам, которыми сами являлись, те же религиозные услуги, которые предоставлялись большинству граждан, придерживающихся суннитского толкования ислама. Заявители настаивали, что данный отказ подразумевал оценку их собственной веры со стороны органов государственной власти в нарушение государственной обязанности сохранять нейтралитет и беспристрастность в вопросах религиозных убеждений. Заявители утверждали, что имело место нарушение статьи 9 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

67. Власти Турции оспорили этот довод.

А. Предварительные замечания

68. Европейский Суд повторяет, что, как гарантируется статьей 9 Конвенции, право на свободу совести и религии отражает только те взгляды, которые достигают

определенного уровня убедительности, серьезности, согласованности и важности. Однако если это условие выполнено, обязанность государства сохранять нейтралитет и беспристрастность несовместима с любым полномочием государства оценивать законность религиозных убеждений или способов выражения этих убеждений (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции» (S.A.S. v. France), жалоба № 43835/11, ECHR 2014 (извлечения), § 55, и Постановление Европейского Суда по делу «Эвейда и другие против Соединенного Королевства» (Eweida and Others v. United Kingdom), жалобы №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 и 36516/10, § 81, ECHR 2013, с дальнейшими ссылками).

В настоящем деле Европейский Суд прежде всего отмечает, что ни одна из сторон не оспаривала наличие в Турции значительного сообщества людей алевитской веры (см. § 36 настоящего Постановления), к которому относились и заявители и которое представляет вторую по числу приверженцев веру в государстве. Кроме того, как признали Административный суд г. Анкары и власти государства-ответчика, свободное исповедование алевитами своего права на свободу веры защищено статьей 9 Конвенции. В частности, Европейский Суд отмечает, что в Постановлении по делу «Хасан и Эйлем Зенгин против Турции» (Hasan and Eylem Zengin v. Turkey) (от 9 октября 2007 г., жалоба № 1448/04, § 66) он установил следующее:

«Что касается алевизма, сторонами не оспаривается, что это религиозное убеждение, которое имеет глубокие корни в турецком обществе и истории и имеет свои особые черты... Таким образом, алевизм отличается от суннитского понимания ислама, который преподают в школах. Разумеется, это не секта и не “вера”, которая не достигла определенного уровня убедительности, серьезности, согласованности и важности... Как следствие, выражение “религиозное убеждение” по смыслу второго предложения статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции несомненно применимо к этой вере».

Данный подход был подтвержден в прецедентной практике Европейского Суда (см. Постановление Европейского Суда по делу «Синан Ишик против Турции» (Sinan Işık v. Turkey), жалоба № 21924/05¹, ECHR 2010, § 46, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мансур Ялчын и другие против Турции», §§ 71 и 74, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции», § 44). Следовательно, статья 9 Конвенции применима к настоящему делу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятыан против Армении» (Bayatyan

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7 (примеч. редактора).

v. Armenia), жалоба № 23459/03¹, ECHR 2011, § 110, см. также *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства» (Campbell and Cosans v. United Kingdom) от 25 февраля 1982 г., Series A, № 48, § 36, и, наоборот, Постановление Европейского Суда по делу «Претти против Соединенного Королевства» (Pretty v. United Kingdom), жалоба № 2346/02, ECHR 2002-III, § 82).

69. Европейский Суд также отмечает, что дело касается деликатного спора, который является источником противоречий в сфере мусульманской теологии и в отношении которого Европейский Суд не полномочен высказывать свое мнение (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мансур Ялчын и другие против Турции», § 70). Следовательно, ссылаясь, в рамках рассуждения, на алевитскую веру и сообщество, основанное на ней, Европейский Суд не придает особого значения этим терминам, кроме признания того, что к ним применима статья 9 Конвенции.

70. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что стороны предоставили многочисленные документы, касающиеся алевитской веры и места суфийских движений в мусульманстве. Учитывая вспомогательный характер своей роли, Европейский Суд будет основывать свою оценку фактов на решениях внутригосударственных судов (см. §§ 14 и 16 настоящего Постановления), но также уделит особое внимание заключительному отчету алевитских рабочих групп (см. §§ 41 и 53 настоящего Постановления), представленному властями государства-ответчика, содержание которого не оспаривалось сторонами. Европейский Суд подчеркивает, в частности, что, как утверждали власти государства-ответчика, этот отчет был составлен по итогам заседаний семи рабочих алевитских групп, прошедших в период с июня 2009 года по январь 2010 года, в которых приняли участие около 300 человек, включая духовных лидеров алевитов, теологов, лиц, симпатизирующих алевитам, и представителей государства (см. § 39 настоящего Постановления).

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявители

71. Ссылаясь на дело «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova) (жалоба № 45701/99², ECHR 2001-XII) и подчеркивая обязанность государства сохранять нейтралитет

и беспристрастность в вопросах религии, заявители утверждали, что осуществленная властями государства-ответчика оценка их алевитской веры с целью оправдать отказ в удовлетворении просьб заявителей нарушила их право на свободу религии. По мнению заявителей, отсутствие признания алевизма в качестве религиозной конфессии, отличной от суннитского понимания ислама, являлось отрицанием религиозных характеристик алевизма. В связи с таким отношением государства к вере заявителей административные власти практически полностью игнорировали граждан-алевитов. В частности, их места богослужений (*cemevis*) считались культурными центрами, что привело к тому, что они не признавались местами богослужений и на них не распространялись соответствующие привилегии. Аналогичным образом церемония *сет*, которая являлась одним из основополагающих ритуалов в религии алевитов, была сведена к красочному представлению. Таким образом, оценивая саму суть их веры, их убеждения и культуру, включая религиозные обряды и места богослужений, административные власти явно нарушили право заявителей на свободу совести и религии.

72. Заявители далее оспаривали довод властей государства-ответчика о том, что алевизм должен связываться с «традицией». По мнению заявителей, алевизм должен считаться убеждением, а *cemevis* – местами богослужений для последователей алевизма. Власти Турции пытались оценить их веру в свете суннитского понимания ислама, однако обязанность государства по поддержанию нейтралитета и беспристрастности была несовместима с любым полномочием государства оценивать законность религиозных убеждений. В связи с этим государство не располагало свободой усмотрения применительно к религиозным убеждениям и должно было оставаться нейтральным и беспристрастным в своих взаимоотношениях с убеждениями и различными подвидами одной религии. Следовательно, роль государственных учреждений не заключалась в том, чтобы «считать один вид толкования религии превалирующим над другими, подавлять и оказывать давление на разделенное общество или вынуждать часть указанного общества принудительно принять определенное толкование веры».

73. Ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республканского центра образования и культуры против Турции», заявители обжаловали тот факт, что их места богослужений, *cemevis*, не имели правового статуса, который был у всех остальных мест богослужений. Строительство *cemevis* было связано с непреодолимыми административными проблемами в связи с отсутствием у помещения официального статуса. Хотя некоторые муниципалитеты давали разрешение на включение строи-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 2 (примеч. редактора).

тельства *setevis* в план развития города, во многих регионах власти отказывали в таком разрешении. Тем временем власти продолжали строить мечети в деревнях алевитов под тем предлогом, что соответствующий запрос поступал от местного совета. Вследствие этого значительное количество мечетей, построенных в деревнях алевитов с 1980-х годов, не использовалось.

74. Заявители также утверждали, что в постановлении от 4 июля 2007 г. Административный суд г. Анкары не принял во внимание обязанность государства сохранять нейтралитет вопреки соответствующему Постановлению Европейского Суда. По мнению заявителей, хотя государство действительно не было обязано принимать позитивные меры, чтобы предоставить общественности религиозные услуги, власти Турции по собственной инициативе решили предоставить такие услуги последователям определенной веры. Поэтому государство было обязано соблюдать принцип равенства при предоставлении этих услуг. Однако в Турции только мусульманство, как оно понималось Департаментом по религиозным вопросам, пользовалось преимуществами публичных религиозных услуг (см. § 89 настоящего Постановления). На основании одной религиозной доктрины, суннитского понимания ислама предоставляемые Департаментом по религиозным вопросам религиозные услуги отражали представления суннитской версии мусульманства.

75. Ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мансур Ялчын и другие против Турции», заявители также утверждали, что их детей заставляли посещать обязательные уроки по истории и культуре религии, несмотря на постановления Европейского Суда, в которых в этом отношении были установлены нарушения Конвенции.

76. В заключение заявители обратили внимание Европейского Суда на отсутствие какого-либо учреждения для обучения религиозных лидеров алевитов, несмотря на существование многочисленных *imam-hatip* средних школ (высшей ступени) и факультетов богословия, посвященных именно обучению исламской теологии.

77. В итоге заявители утверждали, что отклонение их требований нарушило негативные и позитивные обязательства государства, предусмотренные статьей 9 Конвенции.

2. Власти Турции

78. Власти Турции утверждали в основном, что отсутствовало вмешательство в осуществление заявителями их прав, гарантированных статьей 9 Конвенции.

79. Власти Турции прежде всего настаивали, что алевитская вера не была организована в единую структуру и существовали многочисленные раз-

личные точки зрения относительно определений, источников, моральных норм, церемоний и правил этой веры. Придерживаясь своей обязанности сохранять нейтралитет и беспристрастность в вопросах религии, государство не давало определение алевитской веры, но взяло за ее основу определение, представленное самими заявителями, согласно которому алевитская вера относилась к суфизму и рациональному толкованию и исповедованию ислама, основанному на единстве Аллаха, пророка Мухаммеда и Корана как словах Аллаха. Более того, по мнению властей государства-ответчика, несмотря на отсутствие в Турции единого мнения относительно определения алевизма, беспрепятственное осуществление алевитами своего права на свободу религии было гарантировано статьей 9 Конвенции.

80. Что касается требования заявителей признать *setevis* в качестве мест богослужений, власти государства-ответчика отметили, что следует проводить различие между местами богослужений (*mabed*) для определенной религии и местами, в который последователи и приверженцы этой религии осуществляют свою религиозную, академическую, культурную и иную деятельность. На протяжении истории существования ислама места, где последователи суфизма и суфийские школы проводили свои ритуалы и церемонии, никогда не считались местами богослужений, общими для всех мусульман, в отличие от мечетей.

81. Власти Турции утверждали, что статья 3 Инструкции Совета министров № 2/1958 определяла *mabed* (место богослужений) как закрытое здание, отвечавшее определенным правилам и предназначенное для отправления любых религиозных обрядов. Таким образом, было ясно, что действовавшее в Турции законодательство было основано на концепции места богослужения, общего для всех верующих. Именно так классифицировались еврейские синагоги и храмы, христианские церкви, мусульманские мечети и масажиды (*mescit*). Алевитские *setevis* как места сбора членов суфийских духовных школ не относились к этой категории. Другими словами, обычные места религиозных богослужений и места, принадлежащие последователям суфийского толкования положений указанной религии, очевидно не являются одним и тем же.

82. Власти Турции также отметили, что в задачи Департамента по религиозным вопросам не входило определение того, предназначено ли конкретное место для религиозных богослужений. Наделение органов государственной административной власти правом решать данный вопрос и предоставление им соответствующих полномочий противоречило бы обязанности государства сохранять нейтралитет и беспристрастность при осуществлении им своих полномочий, предусмотренных статьей 9 Конвенции. Таким образом, решения в этой обла-

сти принимались независимыми судебными органами согласно соответствующим внутригосударственным и международным правовым инструментам. В этом отношении суды Турции не признавали *cemevis* в качестве мест богослужений.

83. Что касается довода заявителей о том, что Департамент по религиозным вопросам не предоставлял каких-либо услуг в отношении церемонии *set* и не признавал *cemevi* в качестве места богослужений в целях внутригосударственного законодательства, власти государства-ответчика отмечали в основном, что Департамент не предоставлял никаких услуг в отношении суфийского толкования ислама. Кроме того, в Турции не было сложностей с постройкой *cemevis*.

84. В письменных замечаниях, представленных в Большую Палату Европейского Суда, власти Турции обратили внимание, что Закон № 677 запрещал использование определенных религиозных титулов, а именно *dede*, а также назначение мест богослужений для отправления суфийских ритуалов, связанных с указанными духовными титулами. Несмотря на предусмотренные законом ограничения, другие религиозные группы, например, алевиты, могли свободно собираться. Следовательно, они могли проводить церемонии и духовные обряды. На слушаниях власти Турции дополнили, *inter alia*, что Закон № 677, который был введен в действие в начале становления республики, в рассматриваемое время уже не применялся.

85. Власти государства-ответчика также утверждали, что ранее и до сих пор проводились и проводятся многочисленные мероприятия в связи с праздником дня Ашура (*Ashur*) и месяца Мухаррам (*Muharram*) – двух событий, важных как для алевитов, так и для других мусульман. Директор Департамента по религиозным вопросам издал персональное указание относительно этих двух праздников, данные вопросы отмечались в журналах департамента и широко освещались в средствах массовой информации во время проповедей и церемоний (*mevlüt*). Аналогичным образом параллельно с деятельностью, направленной на проживающих в Турции алевитов, Департамент по религиозным вопросам предпринял меры по предоставлению услуг алевитам, проживающим за рубежом, назначая служащих-алевитов внутри страны и за рубежом, чтобы они могли официально присутствовать на основных религиозных мероприятиях алевитов.

86. Власти Турции подчеркивали, в частности, что в своем решении об отклонении требований заявителей Административный суд г. Анкары принял во внимание нормы внутригосударственного и международного права. В частности, суд провел оценку на основании полностью объективного критерия, не определяя алевизм как таковой и не ссылаясь на мнение какого-либо должностного

лица. В этом отношении настоящее дело следует отличать от других дел, что, по мнению властей государства-ответчика, являлось ключевым моментом. В похожем деле, «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции» (упоминавшемся выше, § 50), Европейский Суд установил, что внутригосударственные суды отклонили требования заявителей, ссылаясь на оценку Департаментом по религиозным вопросам алевитской веры. Однако, как указано выше, настоящее дело было рассмотрено в свете совершенно других правовых норм.

87. Ссылаясь на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Литургическая ассоциация “Ча’аре Шалом Ве Цедек” против Франции» (*Cha’are Shalom Ve Tsedek v. France*) (жалоба № 27417/95, *ECHR* 2000-VII, § 84), власти Турции также настаивали, что внутригосударственным властям должна быть предоставлена широкая свобода усмотрения при установлении тонких взаимоотношений между религией и государством.

88. В заключение власти государства-ответчика утверждали, что, поскольку заявители определяли свою веру как «суфийское и рациональное толкование и исповедование ислама», восприятие мусульманской религии также следует принимать во внимание при определении места алевизма в исламе. В связи с этим, ссылаясь на мнение профессоров исламской теологии и профессора социологии (см. § 44 настоящего Постановления), а также на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании» (*Fernández Martínez v. Spain*) (жалоба № 56030/07, *ECHR* 2014 (извлечения)), власти государства-ответчика пришли к выводу, что алевизм нельзя считать самостоятельной религией или ответвлением ислама, а следует рассматривать как «суфийскую духовную школу».

С. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

89. Европейский Суд отмечает, что во внутригосударственных судах заявители выдвинули следующие требования, чтобы: административные власти предоставляли религиозные услуги алевитам в форме публичных услуг, *cemevis* получили статус «мест богослужений», алевитские духовные лидеры были бы признаны таковыми и были приняты на работу как гражданские служащие и чтобы нужды алевитской веры финансировались из государственного бюджета (см. §§ 10 и 12 настоящего Постановления). Однако требования заявителей были отклонены внутригосударственными судами.

Учитывая различные аспекты требований заявителей, Европейский Суд прежде всего должен определить, должно ли дело быть рассмотрено с точки зрения позитивных или негативных обязательств государства.

1. Должно ли быть дело рассмотрено с точки зрения позитивных или негативных обязательств государства

90. Заявители утверждали, что отказ в удовлетворении их требований являлся нарушением позитивных и негативных обязательств государства, предусмотренных статьей 9 Конвенции. Они считали, что их право исповедовать свою религию не было надлежащим образом защищено внутригосударственным законодательством и, в частности, что оценка их вероисповедания, осуществленная внутригосударственными органами власти, что алевизм является «суфийской духовной школой», с целью отклонения требований заявителей нарушило их право на свободу религии.

91. Хотя стороны не оспаривали, что алевиты продолжают исповедовать в Турции свою религию, заявители подняли вопрос об отношении государства к их вере. В своих доводах, утверждая, что алевизм является религиозным движением в рамках ислама, более близким «суфийским духовным школам», власти государства-ответчика проигнорировали особые характеристики вероисповедания заявителей в нарушение обязанности государства поддерживать нейтралитет в связанных с религией вопросах. По словам заявителей, эта ошибочная оценка позволяет властям игнорировать религиозные нужды алевитского сообщества.

92. Европейский Суд отмечает следующее: учитывая, что в Турции отсутствовала процедура официального признания религиозной конфессии, заявители, обжалуя в Административный суд г. Анкары отказ в удовлетворении их требований, использовали единственное средство, доступное им на внутригосударственном уровне в связи с их жалобами на нарушение статей 9 и 14 Конвенции. Отказ властей Турции по сути является недостаточным признанием религиозного характера алевизма, вытекающим из произведенной оценки этого вероисповедания. Согласно утверждениям властей государства-ответчика алевизм, который следует ассоциировать с «суфийской духовной школой», является просто суфийским толкованием и исповедованием ислама. На практике, как правильно отметили заявители, эта оценка заключается, в частности, в отрицании того, что алевитские религиозные церемонии, а именно церемония *сет*, являлись формой религиозного поклонения, а также в лишении мест религиозных собраний алевитов (*cemevis*) и их духовных лидеров (*dedes*) юридической поддержки (см. §§ 29–34 настоящего Постановления и особенно § 53).

93. Следует отметить, что религиозные сообщества традиционно существуют в форме организованных структур. Они придерживаются правил, которые последователи религии часто считают божественного происхождения. Религиозные церемонии, включая церемонии богослужения, имеют для верующих значение и сакральную ценность, если они проводятся духовными лицами, уполно-

моченными на это согласно указанным правилам (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria), жалоба № 30985/96, ECHR 2000-XI, § 62). В этом отношении самой сутью предоставляемых статьей 9 Конвенции гарантий является право религиозных сообществ на независимое существование (см. Постановление Европейского Суда по делу «Религиозная община “Свидетели Иеговы” и другие против Австрии» (Religionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and Others v. Austria) от 31 июля 2008 г., жалоба № 40825/98, § 79). Это автономное существование также неотделимо от плюрализма в демократическом обществе. Оно прямо касается не только организации указанных сообществ как таковых, но и эффективного осуществления права на свободу религии всеми членами этих сообществ. Когда речь идет об организации религиозного сообщества, статья 9 Конвенции должна толковаться в свете статьи 11 Конвенции, которая защищает ассоциации от необоснованного вмешательства со стороны государства. Если бы организационная составляющая сообществ не была бы защищена статьей 9 Конвенции, все иные аспекты права на свободу религии также были бы ослаблены (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии», § 62, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Профсоюз “Добрый пастырь” против Румынии» (Sindicatul «Păstorul cel Bun» v. Romania), жалоба № 2330/09, ECHR 2013 (извлечения), с дальнейшими ссылками, § 136).

94. Европейский Суд также отмечает, что ранее он рассматривал в свете статьи 9 Конвенции решения об отказе признать церковь-заявительницу в качестве церкви (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова», § 105) и признать религиозную организацию юридическим лицом (см. Постановление Европейского Суда по делу «Московское отделение “Армии спасения” против Российской Федерации» (Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia), жалоба № 72881/01¹, ECHR 2006-XI, § 74). Сделав вывод, что имело место вмешательство в права, гарантированные статьей 9 Конвенции, Европейский Суд принял во внимание последствия рассматриваемых решений для продолжающейся практики исповедания религии заявителей (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова», § 105) и для значимости права религиозных сообществ на автономное существование (см. упоминавшееся выше Постановление

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 2 (примеч. редактора).

Европейского Суда по делу «Религиозная община «Свидетели Иеговы» и другие против Австрии», §§ 79–80). В своем Постановлении по делу «Кимля и другие против Российской Федерации» (Kimlya and Others v. Russia) (жалобы №№ 76836/01 и 32782/03¹, ECHR 2009, § 85) Европейский Суд отметил, что религиозная группа, имеющая статус юридического лица, была лишена соответствующих прав. Аналогичным образом в трех делах против Франции Европейский Суд также признал, что предпринятые властями государства-ответчика меры (налогообложение «подарков из рук в руки» (*dons manuels*)) применительно к исповедованию религии и ее местам богослужений являлись вмешательством в осуществление прав, защищаемых статьей 9 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ассоциация «Свидетели Иеговы» против Франции» (Association Les Témoins de Jéhovah v. France) от 30 июня 2011 г., жалоба № 8916/05, § 53, Постановление Европейского Суда по делу «Культурная ассоциация «Храм пирамиды» против Франции» (Association Culturelle du Temple Pyramide v. France) от 31 января 2013 г., жалоба № 50471/07, §§ 3435, и Постановление Европейского Суда по делу «Объединение рыцарей Золотого лотоса против Франции» (Association des Chevaliers du Lotus d'Or v. France) от 31 января 2013 г., жалоба № 50615/07, §§ 33–34).

95. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, с учетом вышеприведенной прецедентной практики, что фактически осуществленная внутригосударственными властями оценка алевизма приравнивается, в частности, к отказу в признании религиозного характера данной веры. Это также влечет многочисленные последствия, которые, среди прочего, могут негативно повлиять на организацию и продолжение религиозной деятельности алевитов и на их финансирование. Признание религиозного характера деятельности, связанной с верой, и религиозного статуса духовных лидеров (*dedes*) и мест богослужений (*cemevis*) считается среди алевитов основным для выживания веры и ее развития. Следовательно, Европейский Суд полагает, что отказ в удовлетворении требований заявителей, который приравнивался к отрицанию религиозного характера алевитской веры, являлся вмешательством в право заявителей на свободу религии, гарантированное пунктом 1 статьи 9 Конвенции (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова», § 105).

96. Что касается степени, в которой отказ в удовлетворении требований заявителей нарушил позитивное обязательство властей государ-

ства-ответчика согласно Конвенции, Европейский Суд повторяет, что в дополнение к основной негативной обязанности государства воздерживаться от какого-либо вмешательства в права, гарантированные Конвенцией, в таких правах могут «содержаться позитивные обязательства» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Швейцарское движение разлитов против Швейцарии» (Mouvement raëlien suisse v. Switzerland), жалоба № 16354/06, ECHR 2012 (извлечения), § 50). Хотя границы между позитивными и негативными обязательствами государства определены не очень четко, применимые принципы, тем не менее, те же самые (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании», § 114).

97. В настоящем деле Европейский Суд считает, что отсутствует необходимость дополнительно изучать вопрос о том, налагает ли статья 9 Конвенции позитивные обязательства на власти Турции (см. в этом же отношении упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Швейцарское движение разлитов против Швейцарии», § 51, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Фернандес Мартинес против Испании», упомянутое выше, § 115). Рассматриваемый отказ в любом случае являлся вмешательством, которое может быть оправдано, только если соблюдены критерии, установленные пунктом 2 статьи 9 Конвенции.

2. Было ли вмешательство обоснованным

98. Чтобы определить, повлекло ли вмешательство нарушение положений Конвенции, Европейский Суд должен проверить, отвечало ли оно требованиям пункта 2 статьи 9 Конвенции, то есть было ли оно «предусмотрено законом», преследовало ли законную цель и было ли «необходимо в демократическом обществе».

(а) «Предусмотрено законом»

99. Европейский Суд повторяет, что выражение «предусмотрено законом» в пункте 2 статьи 9 Конвенции не только требует, чтобы оспариваемая мера была бы обоснована внутригосударственным законодательством, но также отсылает и к качеству рассматриваемого закона, который должен быть доступен соответствующему лицу, а последствия его применения должны быть предвидимы для этого лица. Однако толковать и применять внутригосударственное право в первую очередь должны внутригосударственные органы власти, а именно суды (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания Delfi AS против Эстонии»

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 4 (примеч. редактора).

(Delfi AS v. Estonia), жалоба № 64569/09¹, ECHR 2015, § 120).

100. В своем решении от 4 июля 2007 г. (см. § 14 настоящего Постановления), оставленном Верховным административным судом без изменения (см. § 16 настоящего Постановления), Административный суд г. Анкары процитировал, в частности, Законы №№ 633 и 677 и некоторые положения Конституции в качестве оснований для отклонения требований заявителей. Согласно статье 1 Закона № 633 Департамент по религиозным вопросам отвечает, среди прочего, за «разрешение вопросов, связанных с исламскими убеждениями, вероисповеданием и моральными устоями». Кроме того, Законом № 677 были закрыты дервишские монастыри, а предоставление места для проведения церемоний этой религиозной школы было признано преступлением. Кроме того, указанными нормативными актами запрещено использование определенных религиозных титулов, связанных с рассматриваемой религиозной группой, например, титула *dede*, а также осуществление связанной с ними деятельности (см. § 52 настоящего Постановления).

101. Европейский Суд отмечает, что заявители утверждали, что рассматриваемое законодательство служило правовой основой для отклонения их требований властями Турции. Поскольку Европейский Суд не усматривает каких-либо причин оспаривать толкование соответствующих норм внутригосударственными судами, он соглашается с тем, что вмешательство было «предусмотрено законом» (см. также § 126 настоящего Постановления).

(b) Законная цель

102. Стороны не выразили своего мнения относительно того, преследовало ли рассматриваемое вмешательство законную цель. Однако из материалов дела ясно следует, что внутригосударственные суды ссылались на защиту общественного порядка (см. § 14 настоящего Постановления). Принимая во внимание позицию административных судов, Европейский Суд готов принять предположение о том, что рассматриваемое вмешательство преследовало законную цель, а именно защиту общественного порядка.

(c) «Необходимость в демократическом обществе»

(i) Общие принципы

103. Закрепленная в статье 9 Конвенции свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» по смыслу

Конвенции. В религиозном понимании эта свобода является одним из жизненно важных элементов, которые составляют личность верующего, их концепцию жизни, но она также представляет большую ценность для атеистов, агностиков, скептиков и лиц, относящихся к религии нейтрально. От этой свободы зависит плюрализм, неотделимый от демократического общества, который был завоеван дорогой ценой в ходе столетий. Рассматриваемая свобода влечет, *inter alia*, свободу придерживаться или не придерживаться религиозных убеждений и практиковать религию или нет (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Коккинакис против Греции» (Kokkinakis v. Greece) от 25 мая 1993 г., Series A, № 260-A, § 31², Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бускарини и другие против Сан-Марино» (Buscarini and Others v. San Marino), жалоба № 24645/94, ECHR 1999-I, § 34, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции» (S.A.S. v. France), § 124).

104. Хотя религиозная свобода в основном является вопросом индивидуального сознания, она также подразумевает свободу исповедовать свою религию индивидуально или в группе, либо в сообществе с другими лицами, публично или в кругу единомышленников. В статье 9 Конвенции перечислены различные формы, которые может принимать исповедование религии или убеждений, а именно богослужение, обучение, отправление и соблюдение религиозных практик (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова», § 114, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции», § 125).

Однако статья 9 Конвенции не распространяется на каждый акт, мотивированный или вдохновленный религией или верой и не всегда гарантирует право действовать в публичной сфере способом, продиктованным чьей-то верой или религиозными убеждениями (см., например, дело «Арроусмит против Соединенного Королевства» (Arrowsmith v. United Kingdom), отчет Европейской комиссии по правам человека от 12 октября 1978 г., DR19, жалоба № 7050/75, Постановление Европейского Суда по делу «Калач против Турции» (Kalaç v. Turkey) от 1 июля 1997 г., Reports of Judgments and Decisions 1997-IV, § 27, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции» (Leyla Şahin v. Turkey), жалоба № 44774/98, ECHR 2005-XI, §§ 105 и 121, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции», § 125).

¹ См.: там же. 2015. № 11 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 2 (примеч. редактора).

105. Согласно положениям пункта 2 статьи 9 Конвенции любое вмешательство в право на свободу религии должно быть «необходимо в демократическом обществе». Вмешательство будет считаться «необходимым в демократическом обществе» для осуществления законной цели, если оно отвечает требованию «насущной социальной необходимости» и, в частности, является пропорциональным преследуемой законной цели, и если приведенные властями причины, оправдывающие вмешательство, являются «относящимися к делу и достаточными» (см. среди многих прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятян против Армении», § 123, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании», § 124).

106. В демократических обществах, среди жителей которых сосуществуют несколько религий, может появиться необходимость установить ограничения на свободу исповедания религии или убеждений с целью примирить интересы разных групп и обеспечить уважение убеждений каждого человека (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Коккинакис против Греции», § 33). Это следует как из положений пункта 2 статьи 9 Конвенции, так и из предусмотренной статьей 1 Конвенции позитивной обязанности государства обеспечивать каждому, находящему под его юрисдикцией, права и свободы, гарантированные Конвенцией (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», 106, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции», § 126).

107. Европейский Суд часто подчеркивал роль государства как нейтрального и беспристрастного организатора исповедания различных видов религий, верований и убеждений и утверждал, что эта роль способствует поддержанию общественного порядка, религиозной гармонии и толерантности в демократическом обществе (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции», § 127). Как указано выше (см. § 68 настоящего Постановления), где рассматриваемые точки зрения достигают определенного уровня убедительности, серьезности и согласованности (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятян против Армении», § 110), обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности исключает любую свободу усмотрения с его стороны с целью определения того, являются ли убеждения или способы их выражения законными (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мануссакис и другие против Греции» (*Manoussakis and Others v. Greece*) от 26 сентя-

бря 1996 г., *Reports* 1996-IV, § 47, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии», § 78, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании», § 129). Религиозные и философские убеждения касаются отношения отдельного лица к религии (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Синан Ишик против Турции», § 49), области, в которой даже субъективное восприятие может быть важным с учетом того факта, что религии формируют большой объем догматов и моральных норм, который имеет или может иметь ответы на каждый вопрос философского, космологического или морального характера (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мансур Ялчын и другие против Турции», § 70).

108. В демократических обществах государству нет необходимости принимать меры с целью обеспечить нахождение религиозных сообществ под единым руководством или их сбор под таким руководством. В связи с этим действия государства в пользу одного лидера в разделенном религиозном сообществе или действия, осуществленные с целью вынудить сообщество объединиться под единым руководством против его воли, также будут являться вмешательством в свободу религии. Задачей властей в подобных случаях является не принятие мер в пользу одной религии в ущерб другим (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Синан Ишик против Турции», § 45) и не устранение причины напряженности путем устранения плюрализма, а обеспечение того, чтобы противостоящие группы терпимо относились друг к другу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сериф против Греции» (*Serif v. Greece*), жалоба № 38178/97, *ECHR* 1999-IX, § 53, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии», § 78, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова», § 117).

109. Плюрализм, терпимость и широта мысли являются символами «демократического общества». Хотя в отдельных случаях интересы отдельной личности должны быть подчинены интересам группы лиц, демократия не означает, что интересы большинства всегда превалируют: должен быть достигнут баланс, который обеспечивает справедливое отношение к представителям меньшинства и исключает любое злоупотребление со стороны большинства (см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу «Йонг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (*Young, James and Webster v. United Kingdom*) от 13 августа 1981 г., Series A, № 44, § 63, Постановление Европейского Суда по делу «Валсамис против Греции» (*Valsamis v.*

Greece) от 18 декабря 1996 г., *Reports* 1996-VI, § 27, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фолгеро и другие против Норвегии» (Folgerø and Others v. Norway), жалоба № 15472/02, *ECHR* 2007-III, § 84(f)), и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции», § 128). Плюрализм также основывается на истинном признании и уважении разнообразия и развития культурных традиций, этнической и культурной самобытности, религиозных убеждений, художественных, литературных и социоэкономических идей и концепций. Гармоничное взаимодействие лиц и групп с разными особенностями существенно важно для достижения социального единства (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Горжелик и другие против Польши» (Gorzeliak and Others v. Poland), жалоба № 44158/98, *ECHR* 2004-I, § 92, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Московское отделение “Армии спасения” против Российской Федерации», § 61). Уважение религиозного многообразия, несомненно, сегодня является одной из основных проблем, поэтому власти должны рассматривать религиозное многообразие не как угрозу, а как источник обогащения опыта (см. *mutatis mutandis* Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (Nachova and Others v. Bulgaria), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, *ECHR* 2005-VII, § 145).

110. Как указано выше (см. § 93 настоящего Постановления), право религиозного сообщества на независимое существование является сердцем гарантий статьи 9 Конвенции, и если бы организационная жизнь сообщества не была защищена статьей 9 Конвенции, все иные аспекты свободы религии были бы ослаблены (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии», § 62, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Профсоюз “Добрый пастырь” против Румынии», § 136, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании», § 127). В связи с этим определением религиозной принадлежности религиозного сообщества может заниматься только высшее духовное руководство этого сообщества, а не государство (см. Постановление Европейского Суда по делу «Миролюбовс и другие против Латвии» (Mirolubovs and Others v. Latvia) от 15 сентября 2009 г., жалоба № 798/05, § 90). Оправдать вмешательство со стороны государства могут только очень серьезные и убедительные основания (*ibid.*¹, § 86).

111. В своей деятельности религиозные общины соблюдают правила, которые они часто счита-

ют божественного происхождения. Религиозные обряды имеют значение и священную ценность для верующих, если они проводятся духовным лицом, уполномоченным для этой цели соответствующими правилами. Личность религиозных служителей и статус мест отправления культа, несомненно, важны для каждого члена сообщества. Таким образом, участие в жизни общины является особым проявлением религии, которая сама по себе защищена статьей 9 Конвенции (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии», § 62, Постановление Европейского Суда по делу «Перри против Латвии» (Perry v. Latvia) от 8 ноября 2007 г., жалоба № 30273/03, § 55, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Миролюбовс и другие против Латвии», § 80(g)).

112. Также важно подчеркнуть второстепенную роль конвенционных механизмов. Как Европейский Суд неоднократно устанавливал, внутригосударственные власти находятся в лучшем положении по сравнению с международным судом, чтобы оценивать местные потребности и условия. В вопросах общей политики, относительно которых в демократическом обществе мнения могут расходиться очень сильно, особое внимание должно уделяться роли внутригосударственных руководящих властей. Это особенно верно, в частности, когда речь идет о взаимоотношениях между государством и религиями (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции», § 129). Особенно это отмечается в европейских государствах, где практика характеризуется большим разнообразием конституционных моделей, руководящих взаимоотношений между государством и религиозными группами (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Профсоюз “Добрый пастырь” против Румынии», § 138, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании», § 130). В итоге Договаривающимся Государствам должна быть предоставлена широкая свобода усмотрения при выборе формы взаимодействия с различными религиозными сообществами (см. Постановление Европейского Суда по делу «Венгерская христианская меннонитская церковь и другие против Венгрии» (Magyar Keresztény Mennonita Egyház and Others v. Hungary), жалобы №№ 70945/11, 23611/12, 26998/12, 41150/12, 41155/12, 41463/12, 41553/12, 54977/12 и 56581/12, *ECHR* 2014 (извлечения), § 108).

113. Однако свобода усмотрения сопровождается европейским надзором в отношении как закона, так и решений, которыми он применяется. Задачей Европейского Суда является определить, являются

¹ *Ibid.* – там же (примеч. переводчика).

ли предпринятые на внутригосударственном уровне меры в принципе оправданными и пропорциональными (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мануссакис и другие против Греции», § 44, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 110, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции», § 131). Кроме того, при осуществлении своего надзора Европейский Суд должен рассматривать обжалуемое вмешательство с учетом обстоятельств дела в целом (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова», § 119).

114. В заключение Европейский Суд повторяет, что Конвенция предназначена для гарантии защиты прав, которые являются не теоретическими или иллюзорными, а применимыми на практике и эффективными (см. среди других примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фолгеро и другие против Норвегии», § 100, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кимля и другие против Российской Федерации», § 86). Закрепленные в статье 9 Конвенции права были бы исключительно теоретическими и иллюзорными, если предоставленная государствам свобода усмотрения позволяла им толковать понятие религиозного культа так ограничительно, что нетрадиционные формы религии и религии меньшинств лишались бы правовой поддержки. Такие ограничительные определения прямо влияют на осуществление права свободу религии и ограничивают использование этого права, отрицая религиозный характер веры (см., в частности и *mutatis mutandis*, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Кимля и другие против Российской Федерации», § 86). В связи с этим следует отметить, что, как утверждает Комитет Организации Объединенных Наций по правам человека (см. выше § 58), эти определения не могут толковаться так, чтобы ухудшать положение нетрадиционных форм религии (см., *mutatis mutandis*, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу «Венгерская христианская меннонитская церковь и другие против Венгрии», § 88).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

115. Европейский Суд отмечает, что он уже установил, что рассматриваемый отказ, который представляет собой отрицание религиозного характера алевизма, должен рассматриваться как вмешательство в право заявителей на свободу религии (см. § 95 настоящего Постановления).

В качестве оправдания вмешательства власти государства-ответчика утверждали прежде всего, что они надлежащим образом выполнили свою обязанность сохранять нейтралитет по отношению к религиям. Власти государства-ответчика также подчеркнули, что, несмотря на предусмотренные законом ограничения, алевиты могли свободно осуществлять свою свободу религии без какого-либо вмешательства. Власти Турции также обратили внимание Европейского Суда на важность свободы усмотрения внутригосударственных властей и утверждали, что суды страны подробно рассмотрели положения, руководящие деятельностью различных направлений (то есть суфийских школ) в исламе, таких как алевизм. В заключение власти государства-ответчика утверждали, что в Турции существовали многочисленные различия как в теории, так и на практике относительно определения, ресурсов, ритуалов, церемоний и правил алевизма.

116. В свою очередь Европейский Суд рассматривает причины, на которые сослались власти государства-ответчика в качестве оснований для отказа в удовлетворении просьбы заявителей признать их веру, с целью уточнить, были ли эти основания «относящимися к делу и достаточными» и был ли рассматриваемый отказ «пропорционален поставленным законным целям». Поступая подобным образом, Европейский Суд должен убедиться, что внутригосударственные органы власти на основании допустимой оценки соответствующих фактов применили нормы, которые соответствуют принципам, закрепленным в статье 9 Конвенции.

(α) Обязанность государства сохранять нейтралитет и беспристрастность применительно к алевизму

117. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что, как подчеркнули власти государства-ответчика, статья 2 Конституции Турции гарантирует принцип отделения церкви от государства, который запрещает государству выказывать предпочтение определенной религии или убеждениям. Это делает государство беспристрастным арбитром и обязательно влечет за собой свободу совести и религии, защищаемую статьей 24 Конституции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», § 113).

118. Власти Турции утверждали, что, выполняя свою обязанность сохранять нейтралитет и беспристрастность, государство не дало определения алевизму, а взяло за основу определение, предоставленное самими заявителями. В ходе рассмотрения дела Европейским Судом власти также ссылались на письменное заключение ряда экспертов, которые в первую очередь предлагали классификацию религиозных групп и утверждали, в частности, что *setevîs* являлись просто местами, где по-

следователи алевитской веры осуществляли свои «обычаи и церемонии», а не местами богослужений (см. § 44 настоящего Постановления). На основании данного заключения и ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании», власти государства-ответчика также утверждали, что при определении места алевизма в мусульманской религии было необходимо принять во внимание представления об исламе.

119. В письменном обращении в Административный суд г. Анкары, представленном через Правовой департамент при премьер-министре, административные власти более подробно объяснили причины отклонения требований заявителей. Согласно этому документу было невозможно предоставить государственные услуги «запрещенным суфийским школам (*tarikats*)». В том же документе также утверждалось, что учреждение мест богослужений для последователей толкований ислама или исламских движений, включая алевизм, «не соответствовало религии» и что запросы, аналогичные просьбам заявителей, создали бы «хаос в рамках этой религии» (см. § 13 настоящего Постановления).

120. Однако Европейский Суд отмечает, что, хотя заявители считают свою веру «суфийским и рациональным толкованием и исповедованием ислама», они, тем не менее, подчеркивали, что их вера имеет присущие ей особенности, и также с осторожностью отделяли себя от понимания мусульманства в интерпретации Департамента по религиозным вопросам (см. § 35 настоящего Постановления). В этом отношении настоящее дело отличается от упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании», которое касалось статьи 8 Конвенции и в основном имело отношение к отсутствию продления трудового договора с учителем католической веры и этики, который публично разгласил свое положение как «женатого священника», несмотря на то, что они принял на себя «повышенные обязательства в отношении католической церкви» (*ibid.*, § 135). В настоящем деле подобная обязанность на заявителей не возлагалась. Избегая вступать в теологические споры, заявители подчеркивали, в частности, что только алевиты могли формулировать определение своей веры и что рассматриваемые «обычаи и церемонии», а именно церемония *set*, составляли основную форму их вероисповедания и что *setevîs* являлись местами отправления богослужений.

121. В этой связи Европейский Суд отмечает, что в соответствии с принципом автономии религиозных сообществ, установленных прецедентной практикой, который следует из обязанности государства сохранять нейтралитет и беспристрастность, только высшие духовные лица религиозного

сообщества, а не государство (и даже не внутригосударственные суды) могут определять, к какой вере принадлежит их сообщество (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Миролюбовс и другие против Латвии», § 86). Следовательно, Европейский Суд полагает, что отношение государства к алевитской вере нарушает право алевитского сообщества на независимое существование, которое является сутью гарантий, закрепленных статьей 9 Конвенции (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Религиозная община «Свидетели Иеговы» и другие против Австрии», § 79).

122. В частности, Европейский Суд отмечает, что отсутствует спор относительно факта существования алевитского сообщества, у которого есть свое происхождение в историческом и религиозном контекстах развития турецкого государства и чья история, как подчеркнули власти государства-ответчика, насчитывает тысячелетия (см. § 43 настоящего Постановления). Из заключительного отчета, который явился итогом длительных дискуссий в рабочих группах, в которых участвовало множество разных лиц, симпатизирующих алевитам, в том числе алевитские религиозные лидеры, также ясно, что в многочисленных областях, таких как теологическая доктрина, основы отправления религиозных обрядов, места богослужений и образования, настоящая вера в значительном количестве характеристик отличается от других видов веры. В заключительном отчете установлено, что это сообщество, «которое появилось во времена Османской империи, должно рассматриваться как сообщество, отличное от суннизма», и что «алевизм Анатолии может справедливо считаться структурой, имеющей свои особенности». По этой причине, говорилось в отчете, только и исключительно алевиты могли устанавливать рамки и определять свою веру (см. § 53 настоящего Постановления).

123. В любом случае из неоспоримых фактов следует и общепринято, что в Турции существует большое сообщество алевитов, которые выполняют церемонию *set*, основополагающий элемент алевитской веры, в *setevîs* (см. §§ 35 и 37 настоящего Постановления). Тем не менее власти государства-ответчика утверждали, основывая свою позицию на классификации религиозных групп, что эта вера являлась просто «суфийской школой». Согласно этому утверждению, в котором не учитываются особенности алевитского сообщества, указанное сообщество относится к категории религиозных групп, на которых распространяется действие Закона № 677. Как объясняется ниже (см. § 126 настоящего Постановления), это влечет ряд серьезных запретов (см. также § 52 настоящего Постановления) и при этом не учитываются выводы упомянутого заключительного отчета.

124. Следовательно, Европейский Суд полагает, что отношение властей к алевитскому сообществу, их вероисповеданию и местам богослужений несовместимо с обязанностью государства сохранять нейтралитет и беспристрастность и с правом религиозных сообществ на независимое существование.

(β) Свободное исповедование алевитами своей религии

125. Хотя заявители не утверждали, что отказ признать религиозный характер их веры сделал невозможным ее исповедование алевитами, они подчеркнули негативные последствия такого отказа. В частности, они полагали, что отсутствие признания алевизма как религиозной конфессии, отличной от суннитского толкования ислама, являлось отрицанием религиозного характера их веры.

126. По мнению Европейского Суда, важно помнить, что обжалуемый отказ привел к отрицанию независимого существования алевитского сообщества и к его причислению к «запрещенным суфийским школам (*tarikats*)» в целях Закона № 677. В данном законе установлен ряд существенных запретов в отношении этих религиозных групп: использование титула «*dede*», означающего алевитского религиозного лидера, запрещено, а также запрещено назначать места для суфийских религиозных обрядов, при этом оба деяния наказываются лишением свободы и штрафом. Даже хотя, по словам властей государства-ответчика, к невыполнению этих запретов относятся терпимо, фактом остается то обстоятельство, что в своих замечаниях, адресованных в Административный суд г. Анкары, Правовой департамент премьер-министра четко указал, что «признание *setevis* местами богослужений противоречило бы Закону № 677» (см. выше § 13). Кроме того, в решении от 4 июля 2007 г. Административный суд г. Анкары явно сослался на запреты, установленные указанным Законом (см. § 14 настоящего Постановления).

127. Очевидным результатом является то, что свободное исповедование своей веры членами религиозной группы, которая во внутригосударственном законодательстве характеризуется как «суфийская школа», зависит, в основном, от доброй воли соответствующих органов административной власти, которые, по-видимому, обладают определенной свободой усмотрения при применении рассматриваемых запретов. Европейский Суд серьезно сомневается относительно способности религиозной группы, которая характеризуется таким образом, свободно исповедовать свою веру и руководить своими последователями, не нарушая указанное законодательство. Что касается предполагаемой терпимости, проявленной властями государства-ответчика по отношению к алевитскому сообществу, Европейский Суд не может считать это заменой признания веры, поскольку только

оно способно наделить соответствующих лиц правами (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова», § 129).

128. Более того, в дополнение к отказу признать *setevis* в качестве мест богослужений (что касается последствий данного отказа, см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции», § 45) из соответствующей прецедентной практики Европейского Суда и из приведенного выше (см. § 53 настоящего Постановления) заключительного отчета ясно, что алевиты сталкиваются с иными многочисленными проблемами, которые влияют не только на организацию религиозной жизни сообщества, но и на права родителей-алевитов, чьи дети посещают начальную и среднюю школу. Прежде всего в заключительном отчете подчеркивается, что религиозные лидеры алевитов не имеют правового статуса и что отсутствует учреждение, в котором могли бы обучать духовных лиц алевитской веры. Кроме того, когда речь идет о предоставлении государственных религиозных услуг, алевитской вере не предоставляются преимущества, которыми пользуются получатели этих услуг (см. § 53 настоящего Постановления).

129. Аналогичным образом в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Мансур Ялчын и другие против Турции», которое касалось обязательных уроков по религиозной культуре и этике в начальной и средней школах, Европейский Суд ранее установил, что родители могли законно полагать, что преподавание рассматриваемого предмета могло создать для их детей конфликт взаимодействия между школой и своими собственными ценностями, что дает основания для возможного установления нарушения статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции (*ibid.*, § 71). В частности, Европейский Суд постановил, что образовательная система в государстве-ответчике не была обустроена надлежащим образом, чтобы обеспечить уважение убеждений родителей-заявителей (*ibid.*, § 77).

130. Более того, отсутствие четкой правовой базы, регулирующей деятельность непризнанных религиозных меньшинств, таких как алевиты, вызывает многочисленные правовые, организационные и финансовые проблемы (см. § 31 настоящего Постановления). Во-первых, возможность строить места богослужений является нечеткой и зависит от доброй воли представителей центральной или местной власти. Во-вторых, рассматриваемые сообщества не могут официально получать пожертвования от своих членов или представителей государства. В-третьих, поскольку они не обладают статусом юридического лица, указанные сообщества не могут обращаться в суды самосто-

ательно, а только в виде фондов, ассоциаций или групп последователей. Кроме того, религиозные сообщества, пытающиеся действовать как фонд или ассоциация, сталкиваются с многочисленными юридическими сложностями (см. § 32 настоящего Постановления).

131. В итоге Европейский Суд не убежден, что оставленная властями алевитскому сообществу свобода исповедовать свою веру дает этому сообществу возможность полностью осуществить свое право, гарантированное статьей 9 Конвенции.

(γ) Свобода усмотрения

132. Что касается свободы усмотрения, на которую ссылались власти Турции, Европейский Суд признает, что согласно своей сложившейся прецедентной практике, если речь идет о взаимоотношениях между государством и религиозными движениями, относительно которых мнения в демократическом обществе могут сильно расходиться, особую значимость следует придать внутригосударственным руководящим структурам (см. § 112 настоящего Постановления). Таким образом, государства-ответчики располагают некоторой свободой усмотрения при выборе форм сотрудничества с различными религиозными сообществами. В настоящем деле очевидно, что власти государства-ответчика превысили пределы предоставленной им свободы усмотрения при выборе способов взаимодействия с представителями различных вероисповеданий.

133. В любом случае в своей прецедентной практике о применении статьи 9 Конвенции Европейский Суд неоднократно указывал, что обязанность государства сохранять нейтралитет и беспристрастность исключает любую возможность со стороны государства определять, являются ли религиозные верования или способы их выражения законными (см. § 107 настоящего Постановления). Как говорилось выше (см. § 114 настоящего Постановления), закрепленное в указанном положении Конвенции право будет крайне теоретическим и иллюзорным, если предоставляемая государствам свобода усмотрения позволит им толковать понятия религиозных конфессий настолько ограничительно, что нетрадиционные формы и религии и формы религии, находящиеся в меньшинстве, такие как алевизм, будут лишены правовой защиты.

(δ) Отсутствие взаимного согласия с алевитским сообществом

134. Тот факт, что внутри алевитского сообщества существует спор относительно основных представлений алевитской веры и нужд алевитского сообщества в Турции, никак не меняет то обстоятельство, что это религиозное сообщество, наделенное

правами, защищенными статьей 9 Конвенции. Европейский Суд не усматривает, каким образом наличие такого внутреннего спора может являться основанием для обжалуемого отказа. Прошедшие в 2009–2010 годах обсуждения в рабочих группах предоставили властям государства-ответчика возможность установить и свести воедино общие требования алевитов (см. §§ 39–42 настоящего Постановления). Кроме того, опубликованный по итогам заседаний рабочих групп заключительный отчет демонстрирует, что, хотя внутри алевитского сообщества ведутся споры относительно форм взаимодействия с государством, был достигнут четкий консенсус относительно вопросов, касающихся независимости алевитского сообщества и основополагающих элементов их веры, таких как место церемонии *set* и *cemevis*, а также роль религиозных лидеров алевитов (см. § 53 настоящего Постановления).

(ε) Вывод

135. На основании изложенного Европейский Суд приходит к выводу, что описанная выше ситуация является отказом в предоставлении алевитскому сообществу признания, которое позволило бы его членам и, в частности, заявителям, эффективно осуществлять свое право на свободу религии. Так, обжалуемый отказ повлек за собой отрицание независимости существования алевитского сообщества и сделал невозможным для его членов использовать свои места богослужений (*cemevis*) и титул своих религиозных лидеров (*dede*) в полном соответствии с законодательством. Следовательно, в отсутствие относящихся к делу и достаточных оснований власти государства-ответчика превысили пределы предоставленной им свободы усмотрения. Соответственно, обжалуемое вмешательство не может считаться необходимым в демократическом обществе.

Следовательно, имело место нарушение статьи 9 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ, РАССМОТРЕННОЙ В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЕЙ 9 КОНВЕНЦИИ

136. Заявители утверждали, что стали жертвами дискриминации по религиозному признаку. В этой связи они ссылались на статью 14 Конвенции в совокупности со статьей 9 Конвенции.

Статья 14 Конвенции предусматривает следующее:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, иму-

щественного положения, рождения или по любым иным признакам».

137. Власти Турции оспорил доводы заявителей.

А. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявители

138. Заявители утверждали, что стали жертвами дискриминации по религиозному признаку, поскольку с ними обращались хуже, чем с представителями суннитской ветви ислама в аналогичных ситуациях, без какого-либо объективного и разумного обоснования такого расхождения в обращении.

139. Заявители утверждали, что алевитское сообщество, к которому они относились, подвергалось дискриминации по сравнению с мусульманами-суннитами. Несмотря на то, что последователи суннитского толкования получали многочисленные государственные услуги, предоставляемые Департаментом по религиозным вопросам, аlevитам подобные услуги не предоставлялись.

140. По словам заявителей, отказ в удовлетворении их требований вытекал из отношения властей к их вере, которую власти Турции пытались определить согласно суннитскому пониманию ислама. Заявители подчеркивали, что внутригосударственные органы власти отрицали определенные черты их веры, в нарушение обязанности государства сохранять нейтралитет в отношении религиозных убеждений. Заявители повторили в этом отношении, что власти Турции были обязаны не определять убеждения заявителей или их нужды. Административные власти практически полностью игнорировали особые потребности алевитов и предоставляли «конфессиональную публичную услугу в религиозной сфере», основанную на суннитском понимании ислама. Следовательно, центральными вопросами в деле были нейтралитет религиозных государственных услуг и следующий из него принцип равного доступа к государственным услугам.

141. Заявители также утверждали, что предоставленный Департаменту по религиозным вопросам в 1996–2015 годах бюджет составил 37 275 900 000 турецких лир (примерно 16 млрд. долларов Соединенных Штатов Америки). В 2015 году для государственных услуг в сфере суннитского ислама был выделен бюджет в размере 5 743 000 000 турецких лир, но не было предусмотрено финансирования государственных услуг для алевитского сообщества или иных вероисповеданий или убеждений. По мнению заявителей, хотя государства не обязаны принимать позитивные меры в этом отношении, Турция по собственной инициативе решила предоставлять государственные услуги представителям определенной веры, отказывая в аналогичных привилегиях представителям иных убеждений и религий.

142. Заявители утверждали, что Департамент по религиозным вопросам нанимал примерно 100 000 гражданских служащих для оказания религиозных публичных услуг, руководил сотнями тысяч мечетей и масаджидов и получал из центрального бюджета несколько миллиардов турецких лир для осуществления своих функций. При осуществлении своих функций Департамент по религиозным вопросам, хотя его задачи относились к мусульманству в целом, ограничил свои действия нуждами суннитских школ ислама, в частности школы Ханафи, игнорируя все другие религиозные движения и ветви ислама. Общий бюджет формируется в основном из налоговых отчислений, осуществляемых всеми гражданами. При сборе налогов не проводится ограничений, основанных на религиозной принадлежности налогоплательщиков. Однако Департамент по религиозным вопросам, который получил миллиарды турецких лир из общего бюджета, предоставлял государственные услуги исключительно последователям определенной веры: суннитским последователям ислама.

143. Заявители также считали, что власти государства-ответчика проводили дискриминационную политику в различных сферах. Например, служба телетрансляций Турции предоставила один из телевизионных каналов Департаменту по религиозным вопросам. Аналогичным образом, в дополнение к выделяемому Департаменту по религиозным вопросам бюджету департамент также получал значительные суммы от Фонда по религиозным вопросам, в частности, когда он попал под юрисдикцию департамента. В то же время алевиты, хотя они тоже пользовались государственными услугами и платили налоги, были обязаны сами оплачивать всё, связанные с их религией. Они оплачивали расходы на содержание своих мест богослужений, *setevîs*, которые, более того, не обладали статусом, сравнимым со статусом других мест богослужений, и платили религиозным лидерам *setevîs*. Кроме того, несмотря на то, что были учреждены многочисленные имам-хатип (*imam-hatip*) средние школы, посвященные исключительно обучению религиозных лидеров мусульман-суннитов, Министерство образования не потратило ни единого цента на обучение религиозных лидеров алевитов и не открыло для этого ни единой школы.

144. Заявители требовали, в частности, чтобы государство обеспечило равное отношение ко всем убеждениям и религиям при предоставлении государственных услуг, не оказывая предпочтения ни одной из ветвей религии при оказании государственных услуг, приведшего к ухудшению положений остальных. В замечаниях заявителей изложенные выше доводы явно демонстрировали наличие различий в обращении. В заключение заявители утверждали, что граждане алевитской веры находились в аналогичном положении по отношению к гражданам, являвшимся суннитским последователями.

телями ислама. Различия в обращении, которые испытывали заявители, не имели каких-либо объективных или разумных объяснений.

2. Власти Турции

145. Прежде всего власти Турции настаивали, что доводы заявителей не имели достаточного отношения к делу в свете статьи 9 Конвенции и что отсутствовала прямая связь между указанными утверждениями и статьей 9 Конвенции. Даже если предположить, что данная связь существовала, заявители не смогли в подробностях продемонстрировать ее наличие в той степени, в которой они могли свободно отправлять свои религиозные обряды в *cemevis*. В этом отношении власти государства-ответчика повторили свое мнение о том, что отсутствовало вмешательство в осуществление заявителями своих прав, гарантированных статьей 9 Конвенции, и что поэтому статья 14 Конвенции была неприменима к делу.

146. По мнению властей государства-ответчика, проведенное заявителями в своей жалобе сравнение между «алевитской верой» и «суннитским направлением в исламе» в любом случае было ошибочным, поскольку теологические ветви и суфийские подвиды религии не относились к одной и той же категории.

147. Ссылаясь на заключение семи академиков (см. § 44 настоящего Постановления) и основывая свои доводы на представленном академиками определении термина «суннит», власти государства-ответчика утверждали, что технически было невозможно рассматривать алевизм как теологическую школу мысли (*mezhep*) и поэтому было неуместно сравнивать алевизм и суннизм. По мнению властей Турции, заявители не подвергались дискриминации по признаку религии, с ними не обращались хуже, чем с мусульманами в аналогичной ситуации, а именно с членами религиозных школ Кадири (*Qadiri*) и Мевлеви (*Mevlevi*) или последователями других школ, которые приняли суфийские и эзотерические религиозные обряды. Также ссылаясь на приведенное выше заключение, власти государства-ответчика подчеркнули, что согласно общей классификации, принятой учеными в сфере религии, религиозные группы делились на три основные категории, а именно религии, секты и группы по религиозным убеждениям. Они также сказали, что в мусульманских обществах суфийские образы мышления и вероисповедание относились к третьей категории.

148. Власти государства-ответчика также утверждали, что Республика Турция являлась светским государством, которое соблюдало права человека и чья Конституция гарантировала свободу совести и религии. Согласно статье 136 Конституции Департамент по религиозным вопросам являлся частью общей администрации и выполнял функ-

ции, возложенные на него специальным законом, который устанавливал основы его деятельности в соответствии с принципом отделения церкви от государства, отстраняясь от любых политических взглядов или идей и с целью укрепления национальной солидарности и единства. Департамент по религиозным вопросам осуществлял свои функции на основании, в частности, единого и объективного понимания ислама. Информирова общественность об исламских убеждениях, молитвах и моральных правилах, Департамент по религиозным вопросам выполнял свои задачи, ссылаясь не на религиозные предпочтения или традиции определенной веры или религиозной группы или школы, а на, *inter alia*, источники мусульманской религии, принимаемые всеми мусульманами. Согласно мнению Департамента по религиозным вопросам эти традиции и источники были всеобщими и вечными.

149. Власти Турции оспорили довод заявителей о том, что Департамент по религиозным вопросам представлял интересы суннитско-ханафийского толкования ислама и оказывал религиозные услуги исходя из этого понимания. Департамент по религиозным вопросам не дискриминировал граждан по принципу религиозной принадлежности и оказывал услуги мечетям, расположенным в районах проживания граждан, исповедующих алевизм, шафиизм и шиизм/джафаризм.

150. Власти Турции также утверждали, что Закон о создании и функционировании Департамента по религиозным вопросам был изменен 1 июля 2010 г. Консультативным органом департамента являлся Верховный совет по религиозным вопросам. Согласно пункту «с» статьи 5 названного закона Верховный совет отвечал, среди прочего, за анализ различных религиозных толкований, социорелигиозных групп, культурных и религиозных групп как в Турции, так и за рубежом и за изучение этих вопросов, проведение консультаций и организацию встреч и конференций. В соответствии с подпунктом «а» пункта 10 статьи 7 закона Департамент по религиозным вопросам отвечал за организацию деятельности, касающейся различных религиозных толкований, социорелигиозных групп, традиционных культурных и религиозных групп, придерживающихся мусульманской веры. По мнению властей Турции, рассматриваемые изменения явно демонстрировали, что Департамент по религиозным вопросам представлял интересы не только последователей суннитско-ханафийского толкования ислама и осуществлял деятельность, касающуюся не только данного направления вероисповедания.

151. Власти государства-ответчика также подчеркнули, что положения Конституции и законов не содержали указания на меры, касающиеся учреждений, связанных с суфийской или религиозной традицией, таких как дервишские монастыри (*dergah*), или религиозных обрядов и религиозных

конвенций или правил в этой традиции, включая *semah* и обряд *set*.

152. Департамент по религиозным вопросам набирал персонал в соответствии с Законом о гражданских служащих (Закон № 677) и на основании гражданства. Следовательно, кандидатам не оказывалось предпочтение по признаку их принадлежности к определенной религиозной группе.

153. Кроме того, в бюджете не было предусмотрено финансирования расходов на строительство, эксплуатацию и обновление мечетей. Задача Департамента по религиозным вопросам заключалась в официальном признании мечетей, построенных гражданами или юридическими лицами, в управлении ими и назначении религиозных функционеров.

154. В заключение власти Турции утверждали, что государству должна быть предоставлена свобода усмотрения при определении того, оправдывали ли и в какой степени расхождения между в остальном схожими ситуациями, различие в обращении.

В. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Общие принципы

155. Европейский Суд повторяет, что статья 14 Конвенции дополняет другие материально-правовые положения Конвенции и Протоколов к ней. Она не применяется отдельно, поскольку действует исключительно в отношении «осуществления прав и свобод», гарантируемых данными положениями. Хотя применение статьи 14 Конвенции не предполагает нарушения указанных положений, и в этом отношении статья является автономной, статья не может применяться, если только факты дела не подпадают в сферу действия одного или нескольких положений Конвенции или Протоколов к ней (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Абдулазиз, Кабаль и Балкандали против Соединенного Королевства» (Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom) от 28 мая 1985 г., Series A, № 94, § 71, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х и другие против Австрии» (X and Others v. Austria), жалоба № 19010/07, ECHR 2013, § 94, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Валлианатос и другие против Греции» (Vallianatos and Others v. Greece), жалобы №№ 29381/09 и 32684/09, ECHR 2013 (извлечения), § 72, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хямяляйнен против Финляндии» (Hämäläinen v. Finland), жалоба № 37359/09, ECHR 2014, § 107).

156. Согласно сложившейся прецедентной практике Европейского Суда, чтобы возник вопрос о нарушении статьи 14 Конвенции, должно иметь место разное обращение с лицами, находящимися примерно в одинаковом положении. Такое разли-

чие в обращении является дискриминационным, если оно не имеет объективных и разумных оправданий, другими словами, если оно не преследует законную цель или если не установлено разумного взаимоотношения пропорциональности между использованными средствами и поставленной целью. Договаривающиеся Государства обладают определенной свободой усмотрения при оценке того, оправдывают ли и в какой степени разные обстоятельства ситуаций, в остальном похожих, различие в обращении с гражданами (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х и другие против Австрии», § 98, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Валлианатос и другие против Греции», § 76, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хямяляйнен против Финляндии», § 108).

157. Европейский Суд повторяет, что общая политика или мера, которая оказывает непропорционально предвзятое влияние на определенную группу лиц, может считаться дискриминационной, даже если она не направлена специально на эту группу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «D.H. и другие против Чешской Республики» (D.H. and Others v. Czech Republic), жалоба № 57325/00, ECHR 2007-IV, § 175, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кюрич и другие против Словении» (Kurić and Others v. Slovenia), жалоба № 26828/06, ECHR 2012 (извлечения), § 388, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции», § 161).

158. Европейский Суд также повторяет, что содержащийся в статье 14 Конвенции запрет дискриминации распространяется за пределы осуществления прав и свобод, которые Конвенция и Протоколы к ней требуют от государства гарантировать. Она также применяется к тем дополнительным правам, в пределах общего действия конвенционных прав, которые государство добровольно согласилось обеспечивать. Данный принцип хорошо прослеживается в прецедентной практике Европейского Суда (см. Постановление Европейского Суда по «Делу, “касающемуся определенных аспектов законодательства об использовании языков в сфере образования в Бельгии” против Бельгии» (Case «relating to certain aspects of the laws on the use of languages in education in Belgium») (существо жалобы) от 23 июля 1968 г., Series A, № 6, p. 34, § 9, Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (Stec and Others v. United Kingdom), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, ECHR 2005-X, § 40, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Е.В. против Франции» (E.B. v. France) от 22 янва-

ря 2008 г., жалоба № 43546/02, § 48, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х и другие против Австрии», § 135). Если власти государства вышли за пределы своих обязательств и создали дополнительные права, относящиеся к расширенной сфере действия прав, гарантированных конвенционной статьёй, они не могут при осуществлении этих прав осуществлять дискриминационные меры по смыслу статьи 14 Конвенции (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х и другие против Австрии», § 135, Постановление Европейского Суда по делу «Объединение церквей “Слово жизни” и другие против Хорватии» (Savez crkava «Riječ života» and Others v. Croatia) от 9 декабря 2010 г., жалоба № 7798/08, § 58, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции», § 48).

159. Что касается бремени доказывания в этом отношении, Европейский Суд ранее приходил к выводу, что, как только заявитель устанавливает различие в обращении, именно государство должно доказать, что это различие оправдано (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «D.H. и другие против Чешской Республики», § 177, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кюрич и другие против Словении», § 389).

160. Кроме того, только различия в обращении, основанные на поддающихся идентификации характеристиках или «статусах», могут являться дискриминацией по смыслу статьи 14 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карсон и другие против Соединенного Королевства» (Carson and Others v. United Kingdom), жалоба № 42184/05, ECHR 2010, § 61). «Религия» особо упоминается в тексте статьи 14 Конвенции как запрещенное основание для дискриминации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эвейда и другие против Соединенного Королевства», § 86, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции», § 42).

2. Поход Европейского Суда к делам, касающимся взаимоотношений между государством и религиозными сообществами

161. В целях настоящего дела Европейский Суд также ссылается на свою прецедентную практику относительно взаимодействия между государством и религиозными сообществами.

162. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что, как утверждалось (см. § 112 настоящего Постановления), если речь идет о взаимоотноше-

ниях между государством и религиями, особое значение следует придавать роли внутригосударственных руководящих властей, поскольку в Европе не существует единой модели, регулирующей взаимоотношения между государством и религиозными сообществами. Государства располагают определенной свободой усмотрения при выборе форм взаимодействия с различными религиозными сообществами. То же самое применимо и к регулированию государственных услуг в определенной сфере.

163. Европейский Суд также отмечает, что взаимоотношения между государством и религией, представляющей большинство населения, могут принимать множество различных форм в зависимости от контекста. Хотя в большинстве Договаривающихся Государств церковь отделена от светской власти, в некоторых из них действует система, основанная на государственной религии, которая уже существовала, когда составлялась Конвенция и когда государства к ней присоединялись (см. Постановление Европейского Суда по делу «Религиозная ассоциация “Аусатруарфьелагид” против Исландии» (Ásatrúarfélagid v. Iceland) от 18 сентября 2012 г., жалоба № 22897/08). Аналогичным образом Европейский Суд признал, что конституционная модель, основанная на принципе отделения церкви от государства, также соответствовала конвенционным принципам (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лейла Шахин против Турции», §§ 113–114, и Постановление Европейского Суда по делу «Дору против Франции» (Dogru v. France) от 4 декабря 2008 г., жалоба № 27058/05, § 72). Однако чтобы отвечать требованиям статьи 9 Конвенции, в каждой системе должны существовать особые гарантии для свободы вероисповедания физического лица (см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу «Дарби против Швеции» (Darby v. Sweden) от 23 октября 1990 г., Series A, № 187, § 45).

164. Также верно, что свобода религии не требует от Договаривающихся Государств создавать определенную юридическую схему с целью предоставлять религиозным сообществам определенный статус, обеспечивающий особые привилегии. Тем не менее государство, которое создало у себя такой статус, должно не только выполнять свою обязанность сохранять нейтралитет и беспристрастность, но и гарантировать, чтобы религиозные группы имели бы достаточную возможность обратиться за получением этого статуса и чтобы установленные критерии применялись без дискриминации (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Религиозная община “Свидетели Иеговы” и другие против Австрии», § 85, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Религиозная ассоциация “Аусатруарфьелагид” против Исландии», § 34, и Постановление Евро-

пейского Суда по делу «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней против Соединенного Королевства» (The Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints v. United Kingdom) от 4 марта 2014 г., жалоба № 7552/09, § 34).

3. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

165. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле сторонами не оспаривается, что обжалуемые факты подпадают в сферу действия статьи 9 Конвенции (см. § 68 настоящего Постановления). Кроме того, «религия» особо отмечается в тексте статьи 14 Конвенции как запрещенное основание для дискриминации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции», § 42). Таким образом, этот вопрос явно относится к сфере действия статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции. Следовательно, статья 14 Конвенции применима к обстоятельствам настоящего дела (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Литургическая ассоциация “Ча’аре Шалом Ве Цедек” против Франции», § 87).

(а) Имело ли место различное отношение к лицам, находящимся в аналогичной ситуации

166. Первый вопрос, который должен рассмотреть Европейский Суд, заключается в том, имело ли место различное отношение к лицам, находящимся в аналогичной ситуации. Европейский Суд отмечает, что стороны разошлись во мнениях по этому вопросу. Заявители в основном сравнивали свою ситуацию с положением граждан, которые пользовались государственными религиозными услугами. Они подчеркивали, что согласно законодательству Турции данными услугами могли пользоваться только последователи самой распространенной версии ислама, в то время как алевиты были лишены этих услуг и сопутствующего статуса. По мнению властей государства-ответчика, проведенное заявителями сравнение алевизма с суннитской версией ислама было неправильным, а вместо этого положение заявителей следовало сравнивать с ситуацией граждан, принадлежащих к суфийским школам (*tarikats*), которые относятся к категории группы по религиозным убеждениям (см. §§ 43–44 настоящего Постановления).

167. Прежде всего Европейский Суд полагает, что в том, что касается необходимости правового признания и предоставления юридических услуг, связанных с алевитской верой, заявители могут утверждать, что они находятся в положении, сравнимом с положением других граждан, получивших указанное признание и пользующихся государ-

ственными услугами (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Дарби против Швеции», § 32). В Турции религиозные услуги, связанные с мусульманской религией, предоставляются в качестве государственных услуг, в частности, путем предоставления этой религии статуса в рамках государственной администрации. Административный суд г. Анкары отметил, что предоставляемые Департаментом по религиозным вопросам услуги были доступны каждому и все граждане могли воспользоваться этими услугами на равной основе. Европейский Суд также отмечает, что в Турции юридическая база предоставления государственных услуг должна быть основана на принципе нейтрального характера этих услуг, что является элементом более широкой концепции светского государства (см. § 27 настоящего Постановления).

168. По своей природе рассматриваемые религиозные услуги определяются религиозными убеждениями лиц, которые ими пользуются, в частности, способом, которым они воспринимают и исповедуют свою религию. Хотя теоретически каждый может воспользоваться данной услугой, на практике она предназначена прежде всего последователям версии ислама, принятой Департаментом по религиозным вопросам, а не гражданам, придерживающимся другого понимания ислама.

169. Европейский Суд отмечает, что независимо от места, которое алевизм занимает в мусульманской теологии, нет сомнений, что это религиозное убеждение, которое имеет глубокие корни в турецком обществе и в истории (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хасан и Эйлем Зенгин против Турции», § 66) и представляет значительное сообщество граждан, к которому относятся и заявители, проводящее свои религиозные ритуалы в *семеvis*. Как уже отметил Европейский Суд (см. § 122 настоящего Постановления), алевиты во многих сферах образуют религиозное сообщество с отличительными чертами, включая теологическую доктрину, основные религиозные обряды, места богослужений и образование. Нужды алевитов относительно признания и предоставления их сообществу государственных религиозных услуг, по-видимому, сравнимы с потребностями граждан, для которых религиозные услуги считаются государственными услугами. Таким образом, заявители как алевиты находятся в положении, сравнимом с положением лиц, пользующихся государственными религиозными услугами, предоставляемыми Департаментом по религиозным вопросам.

170. Европейский Суд отмечает, что право на свободу религии, защищаемое статьей 9 Конвенции, включает свободу в сообществе с другими лицами и на публике или в частном порядке исповедовать свою религию в виде богослужения, обучения, отправления и соблюдения религиозных

практик. Следовательно, с заявителями обращались хуже, чем с лицами, пользующимися государственными религиозными услугами, несмотря на то, что они находятся в сопоставимой ситуации. Соответственно, Европейский Суд должен рассмотреть, существовало или нет объективное и разумное оправдание разницы в обращении.

(b) Существовало ли объективное и разумное оправдание разницы в обращении

171. Европейский Суд отмечает, что в Турции правовое признание влечет существенные преимущества для религиозных конфессий и, несомненно, способствует осуществлению права на свободу религии. Одним из самых важных аспектов этого статуса бесспорно является возможность пользоваться преимуществами религиозных услуг, предоставляемых в форме государственных услуг. В связи с этим религиозные услуги, предоставляемые в Турции последователям мусульманства, как оно понимается Департаментом по религиозным полномочиям, считаются государственными, и из государственного бюджета департаменту, который является частью государственной администрации, выделяются значительные суммы. Эти денежные средства предоставляют департаменту возможность нанимать значительное количество религиозных функционеров и управлять их деятельностью и осуществлять множество других действий, касающихся мусульманства. Следовательно, эта религия практически полностью финансируется государством.

172. Однако хотя их ситуация сопоставима с положением других граждан применительно к необходимости правового признания и предоставления соответствующих религиозных услуг, заявители почти полностью лишены сравнимого статуса и многочисленных преимуществ, сопутствующих этому статусу, на том основании, что власти Турции классифицируют их веру как «суфийскую духовную школу».

173. Как Европейский Суд подчеркнул, оценивая настоящее дело с точки зрения статьи 9 Конвенции (см. §§ 120–124 настоящего Постановления), указанная оценка, осуществленная внутригосударственными властями, вызывает серьезные сомнения относительно соблюдения государством своей обязанности сохранять нейтралитет и беспристрастность в отношении алевизма. Таким образом, отношение властей должно быть рассмотрено Европейским Судом особенно тщательно в свете обязательств властей, вытекающих из статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Религиозная община “Свидетели Иеговы” и другие против Австрии», § 97, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу

«Объединение церквей “Слово жизни” и другие против Хорватии», § 87), чтобы определить, преследовало ли различие в обращении законную цель, и было ли оно пропорционально указанной цели.

174. В связи с этим следует отметить, что в своем решении от 4 июля 2007 г. Административный суд г. Анкары признал, что последователи алевизма не могли пользоваться государственными услугами. В качестве оправдания такого расхождения в обращении суд сослался, в частности, на то, что, если бы государство отвечало на все требования и ожидания религиозных групп, предоставляя им государственные услуги, это могло бы вызвать споры относительно способа, которым Департамент по религиозным вопросам должен был бы оказывать государственные религиозные услуги. Также существовал риск нарушения принципа отделения церкви от государства вследствие нарушения баланса между становлением религиозных норм и законотворчеством, а также риск ограничения осуществления права на свободу религии (см. § 14 настоящего Постановления). В своих замечаниях власти Турции повторили данный довод. В итоге, как и внутригосударственные суды, власти государства-ответчика подчеркнули необходимость поддерживать светский характер турецкого государства, который, в свою очередь, был основан на предположении, что Департамент по религиозным вопросам оказывал государственные религиозные услуги на вне конфессиональной основе и в соответствии с принципом нейтралитета.

175. Европейский Суд признает значимость принципа отделения церкви от государства в конституционном порядке Турции (см. § 117 настоящего Постановления). Европейский Суд также отмечает, что, хотя он должен, насколько это возможно, воздерживаться от комментирования вопросов, относящихся исключительно к истории, он может признать существование широко известных исторических фактов и основывать на них свои доводы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» (*Ždanoka v. Latvia*), жалоба № 58278/00, ECHR 2006-IV, § 96, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Миролюбовс и другие против Латвии», § 91). В сфере религии при сравнении внутригосударственных мер с положениями Конвенции Европейский Суд должен принимать во внимание исторический контекст и особенно рассматриваемой религии (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Миролюбовс и другие против Латвии», § 81). Аналогичным образом государство может иметь иные законные причины для ограничения признания определенных религиозных конфессий в рамках особых систем. Оно также может при некоторых обстоятельствах проводить обоснованное различие между разными категориями религиозных сообществ или предлагать другие формы взаимо-

действия. В этом отношении материалы сравнительного правоведения (см. §§ 60–64 настоящего Постановления) показывают, что взаимоотношения между государством и религиями могут принимать разнообразные формы в зависимости от контекста.

176. Тем не менее принцип пропорциональности не просто требует, чтобы выбранная мера в принципе подходила бы для достижения поставленной цели. Должно быть также доказано, что для достижения указанной цели необходимо исключить определенных лиц, в данном случае религиозные сообщества, из сферы действия рассматриваемой меры (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х и другие против Австрии», § 140, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Валлиантос и другие против Греции», § 85).

177. Хотя алевизм является религиозным убеждением, которое имеет глубокие корни в турецком обществе и истории и отличительные характерные черты, он не пользуется правовой защитой как религиозная конфессия: *setevîs* не признаются местами богослужений, религиозные лидеры алевитов не имеют правового статуса, а сами алевиты не пользуются преимуществами государственных религиозных услуг (относительно вопросов, связанных с системой образования в государственной школе см. § 129 настоящего Постановления).

178. По мнению Европейского Суда, проигнорировав особые нужды алевитского сообщества, власти государства-ответчика значительно ограничили действие плюрализма в той степени, в которой отношение государства несопоставимо с его обязанностью поддерживать религиозное многообразие, характеризующее демократическое общество, оставаясь при этом нейтральным и беспристрастным, исходя из объективных критериев. В этой связи Европейский Суд отмечает, что плюрализм также основан на истинном признании и поддержании разнообразия и взаимодействия культурных традиций, особенностей и религиозных убеждений. Гармоничное взаимодействие лиц и групп лиц с разными особенностями является существенным для достижения социального единства (см. § 109 настоящего Постановления).

179. Европейский Суд отмечает, что основной довод, на который ссылались власти государства-ответчика в качестве оправдания разницы в обращении, основан на теологическом споре относительно места алевизма в мусульманстве. Европейский Суд уже ответил на данный довод, установив, то подобный подход несовместим с обязанностью государства сохранять нейтралитет и беспристрастность в сфере религии (см. §§ 120–124 настоящего Постановления) и является явным превышением пределов свободы усмотрения государства при выборе форм взаимодействия с пред-

ставителями различных вероисповеданий (см. § 132 настоящего Постановления).

180. В частности, Европейский Суд не может не отметить явный дисбаланс между положением заявителей и лиц, которые пользуются государственными религиозными услугами. Алевитское сообщество не только считается «суфийской духовной школой (*tarikât*)» и действует в рамках правового режима, которые влечет для алевитов многочисленные и существенные ограничения (см. §§ 126–127 настоящего Постановления), но алевитам также отказано в использовании привилегий, которые предоставляют государственные религиозные услуги. В то время как мусульманская религия в понимании Департамента по религиозным вопросам практически полностью финансируется государством, практически ни одна из государственных религиозных услуг за исключением некоторых исследований различных религиозных толкований и временного назначения религиозных функционеров на ограниченный период времени недоступна алевитскому сообществу как таковому, и в этом отношении особенности сообщества практически полностью игнорируются. Более того, законодательство Турции не содержит положений о какой-либо компенсации, способной являться возмещением ущерба, причиняемого таким явным несоответствием.

181. В этой связи Европейский Суд повторяет, что принцип пропорциональности требует, чтобы выбранная мера по сути подходила бы для достижения поставленной цели. Однако в настоящем деле Европейский Суд не усматривает, почему сохранение светского характера государства-ответчика – та законная цель, на которую ссылались внутригосударственные суды, должно оправдывать необходимость отрицания религиозного характера алевизма и исключать практически полностью возможность для алевитов пользоваться государственными религиозными услугами.

182. В свете своих выводов относительно статьи 9 Конвенции (см., в частности, § 130 настоящего Постановления) Европейский Суд также сомневается, достаточно ли четко турецкая система определяет правовой статус религиозных конфессий, особенно алевизма. Рассмотрение настоящего дела демонстрирует, в частности, что алевитское сообщество лишено правовой защиты, которое позволило бы алевитам эффективно осуществлять свое право на свободу религии (см. § 135 настоящего Постановления). Более того, правовой режим, регулирующий деятельность религиозных конфессий в Турции, по-видимому, не содержит достаточно критериев нейтралитета и фактически недоступен для алевитов, поскольку не содержит никаких гарантий обеспечения того, что не станет источником *de jure* и *de facto* дискриминации по отношению к приверженцам других религий или убеждений (см. §§ 29–34 настоящего Постановления). В демократическом обществе, основанном на принципах

плюрализма и уважения культурного многообразия, любое различие по признаку религии или убеждений требует наличия убедительных оправдательных причин. В этом отношении следует учитывать, что неблагоприятное отношение и необоснованная разница в обращении применительно к определенной вере могут иметь серьезные негативные последствия для осуществления свободы религии ее последователями (см. те же доводы в пункте 42 Совместных руководящих принципов о правовом статусе религиозных сообществ или сообществ по убеждениям, см. § 55 настоящего Постановления).

183. Европейский Суд подчеркивает, что его задачей в настоящем деле не является уточнение того, должны были быть удовлетворены требования заявителей или нет, особенно учитывая, что требования касались большого количества вопросов. Кроме того, в задачи Европейского Суда не входит указывать властям государства-ответчика определенную форму взаимодействия с различными религиозными сообществами. Как уже утверждалось (см. § 162 настоящего Постановления), государства, несомненно, располагают свободой усмотрения при выборе форм взаимодействия с различными религиозными сообществами. Однако какая бы форма ни была выбрана, государство обязано установить объективный и недискриминационный критерий, чтобы религиозные сообщества, которые этого пожелают, имели бы равную возможность обратиться за получением статуса, который предоставляет религиозным конфессиям определенные преимущества (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции», § 49, а также пункт 42 Совместных руководящих принципов о правовом статусе религиозных сообществ или сообществ по убеждениям, § 55 настоящего Постановления).

184. С учетом вышеизложенного наличие алевитского сообщества, которое имеет глубокие корни в обществе и истории Турции, важность полного юридического признания для этого сообщества, неспособность властей государства-ответчика оправдать явный дисбаланс между статусом, который получают лица, исповедующие наиболее распространенное направление ислама и получающие государственные религиозные услуги, и практически открытое исключение алевитского сообщества из сферы действия этих услуг, а также отсутствие компенсационного механизма, выбор, сделанный властями государства-ответчика, представляется Европейскому Суду явно непропорциональным поставленной цели.

185. В заключение различие в обращении, которому подверглись заявители как алевиты, не имеет объективных и разумных оправданий. Следовательно, имело место нарушение статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

186. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

187. Заявители настаивали на своих жалобах, изначально представленных в Палату Европейского Суда, и требовали выплаты по 50 000 евро каждому в качестве компенсации морального вреда.

188. Власти Турции оспорили данные требования.

189. Европейский Суд полагает ввиду особых обстоятельств дела, что установление нарушения статьи 9 Конвенции и статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 9 Конвенции может считаться достаточной справедливой компенсацией в этом отношении. Следовательно, он не присуждает компенсации по данному пункту.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

190. Заявители представили недетализированное требование компенсации расходов на проезд и других расходов, понесенных шестью адвокатами при посещении слушаний в Большой Палате Европейского Суда. Заявители предоставили счета в отношении суточных расходов и стоимости авиабилетов в отношении Иззеттина Догана и пяти адвокатов.

191. Власти Турции оспорили данные требования.

192. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если доказано, что они были понесены в действительности и по необходимости и являлись разумными по количеству. То есть заявитель должен был оплатить эти расходы или быть обязан их оплатить согласно закону или договору, и расходы должны быть неизбежно связаны с предотвращением нарушения Конвенции и или процедурой получения возмещения за нарушение. Европейский Суд требует представления подробных счетов и чеков, которые содержат достаточно деталей, чтобы Европейский Суд мог установить, в какой степени были соблюдены вышеупомянутые требования (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мактуф и Дамианович против Боснии и Герцеговины» (*Maktouf and Damjanović v. Bosnia and Herzegovina*), жалобы №№ 2312/08 и 34179/08, *ECtHR* 2013 (извлечения), § 94). В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что предоставленные

счета относительно суточных расходов заявителей и их адвоката не позволяют точно рассчитать размер понесенных расходов. С учетом предоставленных ему документов и своей прецедентной практики Европейский Суд считает разумным присудить заявителям совместно 3 000 евро в качестве компенсации накладных расходов.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖА

193. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *объявил* единогласно жалобу приемлемой для рассмотрения по существу;

2) *постановил* 12 голосами «за» при пяти – «против», что имело место нарушение статьи 9 Конвенции;

3) *постановил* 16 голосами «за» при одном – «против», что имело место нарушение статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции;

4) *постановил* единогласно, что установление факта нарушения Конвенции само по себе является достаточной справедливой компенсацией в отношении любого морального вреда, причиненного заявителям;

5) *постановил* 16 голосами «за» при одном – «против», что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителям совместно 3 000 (три тысячи) евро плюс любой налог, который может быть взыскан с заявителей, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, и указанные суммы должны быть переведены в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день оплаты;

(б) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процента;

6) *отклонил* единогласно оставшиеся требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено во время публичных слушаний во Дворце прав человека в г. Страсбурге 26 апреля 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Йохана КАЛЛЕВЕРТ
Заместитель
Секретаря Большой
Палаты Суда

Гвидо РАЙМОНДИ
Председатель
Большой Палаты
Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(а) совместное частично несовпадающее и частично совпадающее мнение судей Марка Виллигера, Хелены Келлер и Йона Фридрика Кьельбро;

(b) несовпадающее мнение судьи Йоханнеса Силвиса;

(с) несовпадающее мнение судьи Фариса Ве-хабовича;

(d) заявление судьи Роберта Спано.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ И ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ МАРКА ВИЛЛИГЕРА, ХЕЛЕНА КЕЛЛЕР И ЙОНА ФРИДРИКА КЬЕЛЬБРО

1. В отличие от большинства судей Европейского Суда мы проголосовали против установления нарушения статьи 9 Конвенции. В то же время, как и большинство судей, мы проголосовали за установление нарушения статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 9 Конвенции, хотя и по более узко специализированным основаниям, если сравнивать с доводами большинства судей Европейского Суда. Далее мы кратко объясним свою позицию по каждому из вопросов.

Статья 9 Конвенции

2. Из требования исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты (статья 35 Конвенции) следует, что поданная в Европейский Суд жалоба должна быть заранее представлена на рассмотрение, хотя бы по существу, компетентным внутригосударственным органам власти, представляя им, таким образом, возможность первыми возместить ущерб, причиненный нарушением (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вучкович и другие против Сербии (предварительные возражения)» (Vučković and Others v. Serbia) (preliminary objection) от 25 марта 2014 г., жалобы №№ 17153/11 и 29 других, §§ 70–72). Из этого следует, что в целом жалобы, представленные внутригосударственным властям и в Европейский Суд должны быть одними и теми же.

3. Жалобы, представленные заявителями на рассмотрение внутригосударственных и судебных властей, являются понятными. Заявители хотели, (1) чтобы Департамент по религиозным вопросам предоставлял им государственные религиозные услуги, которые были для них важны и полезны, (2) признания *setevis* в качестве «мест богослужений» с сопутствующими привилегиями, (3) найма своих религиозных лидеров в качестве гражданских служащих Департаментом по религиозным вопросам и (4) выделения средств из государственного бюд-

жета для финансирования деятельности алевитов (см. §§ 10 и 14 настоящего Постановления).

4. Эти требования должны были стать основной жалобы в Европейский Суд. Следовательно, заявители жаловались не на отсутствие процедуры признания алевизма в качестве религиозной группы или конфессии. Данная процедура не являлась объектом или целью внутригосударственных процедур и даже в случае удовлетворения требования заявителей не предоставила бы последним каких-либо из запрашиваемых ими привилегий. Также жалоба в Европейский Суд не касается каких-либо других проблем или последствий, рассмотренных Европейским Судом, но не включенных в особые требования, представленные заявителями внутригосударственным властям (см., например, §§ 128–130 настоящего Постановления).

5. Изменив предмет рассмотрения Европейского Суда с особых требований заявителей (см. § 89 настоящего Постановления) на отсутствие процедуры признания религиозных конфессий (см. §§ 115–116 настоящего Постановления), Европейский Суд, по нашему мнению, отступает от самой сути представленной ему жалобы. Мы полагаем, что это плохо согласуется с принципом исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, который является условием для подачи жалобы в Европейский Суд.

6. Большинство судей неоднократно утверждали, что власти Турции не признавали религиозный характер алевитской веры (см. §§ 92, 95 и 115 настоящего Постановления). Со всем уважением мы не согласны с этим высказыванием. Из решений внутригосударственных властей явно следует, что религиозный характер алевизма был признан. В своем решении Административный суд г. Анкары, ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда (Постановление Европейского Суда по делу «Хасан и Эйлем Зенгин против Турции» (*Hasan and Eylem Zengin v. Turkey*) от 9 октября 2007 г., жалоба № 1448/04), утверждал, что «алеvizм является серьезной и последовательной системой убеждений [и] видом толкования ислама» и что «общепринято, что на алевизм распространяется защита, предоставляемая статьей 9 Конвенции» (см. § 14 настоящего Постановления).

7. Делая вывод, что жалоба касается вопроса вмешательства (а не позитивного обязательства), Европейский Суд ссылается в основном на перечень судебных прецедентов, касающихся отсутствия (или его несвоевременности) признания внутригосударственными властями религиозных групп в случаях, когда это имеет значительные негативные последствия для рассматриваемой религиозной группы (см. § 94 настоящего Постановления). Однако мы полагаем, что настоящая жалоба явно отличается от постановлений, на которые ссылались большинство судей, которые не обосновали достаточным образом вывод о том, что

имело место вмешательство в права заявителей, гарантированные статьей 9 Конвенции.

8. Так, дело «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова» (*Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova*) (жалоба № 45701/99, *ECHR* 2001-XII, § 105) касается ситуации, когда церковь-заявительница не могла действовать в качестве церкви без официального признания в качестве религии согласно внутригосударственному законодательству, в частности, поскольку ее священники не имели права проводить богослужения, а ее члены не могли собираться вместе для отправления религиозных обрядов, а также потому, что она вследствие отсутствия статуса юридического лица не имела права на судебную защиту своих активов. Аналогичным образом в деле «Московское отделение “Армии спасения” против Российской Федерации» (*Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia*) (жалоба № 72881/01, *ECHR* 2006-XI, § 74) религиозная организация-заявительница после того, как ее вынудили изменить свой устав, столкнулась с ситуацией, когда власти отказались регистрировать указанные изменения, что привело к утрате статуса юридического лица. Кроме того, согласно внутригосударственному законодательству отсутствие у религиозной ассоциации статуса юридического лица ограничивало возможность ассоциации осуществлять весь спектр религиозной деятельности. Дело «Религиозная община “Свидетели Иеговы” и другие против Австрии» (*Religionsgemeinschaft der Zeugen Jehovas and Others v. Austria*) (Постановление от 31 июля 2008 г., жалоба № 40825/98, §§ 79–80) также касалось длительного непредоставления согласно внутригосударственному законодательству статуса юридического лица религиозному обществу-заявителю.

9. Мы полагаем, что вышеупомянутые дела (а также другие дела, процитированные большинством судей в § 94 настоящего Постановления) явно отличаются от настоящего дела.

10. С учетом вышесказанного основным остается вопрос о том, следует ли рассматривать жалобу как вопрос о вмешательстве, которое должно быть оправдано, или как вопрос о позитивных обязательствах. Как уже упоминалось, внутригосударственные жалобы касались не отсутствия процедуры признания религиозной группы, а особых запросов. Кроме того, сама по себе процедура признания не удовлетворила бы ни один из специальных запросов заявителей. В этом контексте мы не можем не отметить, что заявители могли и до сих пор могут осуществлять свою религиозную деятельность. Так, из представленных в Европейский Суд обстоятельств дела явно следует, что алевитская вера существует много лет и имеет большое количество последователей, которые могут свободно встречаться и осуществлять религиозную

деятельность и ритуалы в *cemevis*, количество которых измеряется тысячами (см., например, §§ 35–37 настоящего Постановления).

11. Кроме того, как Административный суд г. Анкары также подчеркнул в своем решении (см. § 14 настоящего Постановления), заявители не упоминают и не ссылаются на особые примеры, предполагающие, что заявителям каким-либо образом препятствовали в осуществлении их религиозной деятельности и ритуалов в *cemevis*. Не оспаривается, что алевитское сообщество, к которому относятся заявители, может беспрепятственно функционировать как религиозное сообщество и исповедовать свою религию. Оно может создавать юридические лица в форме фондов и ассоциаций, и как такое оно может и использует эту возможность владеть зданиями, необходимыми для религиозной деятельности. Как религиозное сообщество алевитское сообщество может, и осуществляет это на практике, иметь религиозных лидеров. Алевитское сообщество может, осуществляет это на практике, обучать основам своей веры, а также его члены могут встречаться и исповедовать свою религию. Кроме того, религиозный характер алевизма и соответствующие гарантии статьи 9 Конвенции были, как уже было сказано, открыто признаны властями государства-ответчика.

12. Большинство судей ссылаются на Закон № 677 (см. §§ 123 и 126 настоящего Постановления). Мы согласны, что данный закон ввиду его содержания несколько проблематичен и затрагивает ряд серьезных вопросов применительно к положениям Конвенции. Однако закон и его ограничения не были применены к заявителям, и сами заявители этого не утверждали. Кроме того, как указали власти государства-ответчика, этот закон более не применяется (см. § 84 настоящего Постановления).

13. Принимая во внимание фактические обстоятельства дела и сложившееся на практике положение заявителей, мы полагаем сложным утверждать, что имело место вмешательство в права заявителей, гарантированные статьей 9 Конвенции. Следовательно, по нашему мнению, жалоба должна оцениваться в свете позитивных обязательств государства-ответчика, вытекающих из статьи 9 Конвенции. Предъявляя внутригосударственным властям свои особые требования, заявители просили предоставить им ряд привилегий и преимуществ со стороны государства. В целом религиозная группа не может требовать от государства особого отношения. Если религиозная группа требует права обращения с ней также, как и с другими религиозными группами, жалобу следует оценивать в свете статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции (см. ниже § 17, *et seq*¹).

14. По нашему мнению, статья 9 Конвенции не может толковаться как налагающая на государство позитивную обязанность оказывать религиозной группе религиозные услуги, признавать их места богослужений, нанимать религиозных лидеров группы и платить им заработную плату и выделять средства из государственного бюджета для оплаты, полной или частичной, деятельности группы. Исходя из изложенного и принимая во внимание то, что не является предметом жалобы, мы проголосовали против установления нарушения статьи 9 Конвенции.

Статья 14 Конвенции, рассмотренная в совокупности со статьей 9 Конвенции

15. Мы проголосовали за установление нарушения статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции. Однако мы поступили так, исходя из более узкого и ограниченного подхода к вопросу, чем примененный большинством судей.

16. Мы полностью согласны, что факты дела относятся к сфере действия статьи 9 Конвенции, что делает применимой и статью 14 Конвенции. В прецедентной практике Европейского Суда четко установлено, что, если государство хочет установить права или привилегии, не требуемые Конвенцией, они должны делать это с учетом запрета дискриминации (см., например, прецедентную практику, приведенную в § 158 настоящего Постановления). Кроме того, предоставление определенных прав и привилегий религиозной группе в некоторых ситуациях может быть настолько тесно связано с правом исповедовать религиозные убеждения и функционировать в качестве религиозного сообщества (и иметь такие серьезные последствия для этого права), что факты дела будут подпадать в сферу действия статьи 9 Конвенции, что делает применимой статью 14 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции» (*Cumhuriyetçi Eğitim ve Kültür Merkezi Vakfı v. Turkey*) от 2 декабря 2014 г., жалоба № 32093/10, § 41).

17. Отказ властей Турции признать алевизм религией и, как следствие, отказ признать алевитские *cemevis* «местами богослужений» по смыслу внутригосударственного законодательства в зависимости от конкретных обстоятельств дела будут являться дискриминацией в нарушение положений Конвенции.

18. Европейский Суд пришел к этому выводу в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции», в котором он оценил ситуацию, когда «места богослужений» по смыслу внутригосударственного законодательства могли быть освобождены от необходимости оплачи-

¹ *Et seq.* (лат.) – и далее (примеч. переводчика).

вать электричество, использованное в указанных местах. Согласно внутригосударственному законодательству это исключение распространялось на мечети, церкви и синагоги. Однако из-за того, что внутригосударственные власти не признали алевизм в качестве религии и, таким образом, не признали алевитские *cemevis* в качестве «мест богослужений» по смыслу внутригосударственного законодательства, *cemevis*, в отличие от мечетей, церквей и синагог не могли пользоваться привилегиями, предоставляемыми внутригосударственным законодательством. По мнению Европейского Суда, это являлось дискриминацией в нарушение положений статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции.

19. Мы не видим причин отступать от оценки Европейского Суда в деле «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции» или оспаривать его. Ни в этом деле, ни в настоящем деле власти государства-ответчика не предоставили объективного и разумного оправдания различий в обращении с алевитами и представителями других религий или религиозных групп в отношении прав и привилегий, предусмотренных внутригосударственным законодательством.

20. Исходя из этого мы без колебаний проголосовали за установление нарушения статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции в настоящем деле. Мы полагаем, что Европейский Суд должен был ограничить свою оценку различиями в обращении с алевитами и представителями других религий или религиозных групп в отношении прав и привилегий, установленных внутригосударственным законодательством. Однако в настоящем деле Европейский Суд применил гораздо более широкий подход, на основании которого он установил нарушение статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции. Поступая подобным образом, Европейский Суд следовал чрезмерно широкому подходу, который он уже применил в контексте статьи 9 Конвенции в настоящем деле.

21. В настоящем Постановлении Европейский Суд сравнивает ситуацию заявителей, последователей алевизма, с положением лиц, «пользующихся государственными религиозными услугами, оказываемыми Департаментом по религиозным вопросам» (см. §§ 166–170 настоящего Постановления). Проводя данное сравнение, Европейский Суд не уделяет достаточного внимания тому факту, что оказываемые Департаментом по религиозным вопросам государственные религиозные услуги практически либо полностью бесполезны для любого, кто не разделяет религиозные взгляды и обряды, отражаемые этими услугами, которые основаны на суннитском толковании ислама. Другими словами, любая религиозная группа, которая не относится к суннизму в понимании Департамента по религиозным вопросам, будут ли это шииты,

иудеи, католики, ортодоксы, христиане, протестанты, индуисты или иные религиозные группы, не получат привилегий, предоставляемых услугами Департамента по религиозным вопросам. Если заявители как религиозная группа могут утверждать, что они находятся в положении, сравнимом с положением лиц, которые пользуются государственными религиозными услугами Департамента по религиозным вопросам, то же самое может утверждать и любая другая религиозная группа.

22. Сравнивая заявителей как последователей алевизма с мусульманами-суннитами, которые «пользуются привилегиями государственных религиозных услуг, предоставляемых Департаментом по религиозным вопросам», Европейский Суд на практике требует, чтобы услуги департамента или аналогичные привилегии предоставлялись бы не только заявителям как последователям алевизма, но и приверженцам других религиозных убеждений, поскольку они, как и заявители, не пользуются привилегиями государственных религиозных услуг, предоставляемых Департаментом по религиозным вопросам, и согласно оценке Европейского Суда находятся в сопоставимом положении с лицами, пользующимися указанными услугами (см. §§ 183–184 настоящего Постановления). Поступая подобным образом, Европейский Суд, по нашему мнению, заходит слишком далеко.

23. На практике суннитское толкование ислама, которое поддерживает Департамент по религиозным вопросам, выступает как *de facto* «государственная религия» в Турции даже при том, что это не признается властями государства-ответчика (см. §§ 17–28 настоящего Постановления). Из предоставленных в Европейский Суд фактов явно следует, что деятельность представителей суннитского толкования ислама, которое поддерживает Департамент по религиозным вопросам, полностью финансируется государством с затратами значительных денежных сумм, а указанные лица занимают в Турции привилегированное положение (см. § 25 настоящего Постановления). Департамент по религиозным вопросам нанимает в качестве гражданских служащих и платит заработную плату большому количеству лиц, включая религиозных лидеров и учителей (см. § 24 настоящего Постановления). Департамент по религиозным вопросам управляет многими мечетями им масаджидами и поддерживает их (см. § 24). Кроме того, Департамент по религиозным вопросам обеспечивает религиозное образование и обучение (см. § 24 настоящего Постановления). Поэтому, как нам кажется, затронутая в настоящем деле основная юридическая проблема, которую Европейский Суд недостаточно рассмотрел в своем Постановлении, заключается в том, может ли считаться соответствующим Конвенции обстоятельство, когда одна религия, в данном случае суннитское толкование ислама, занимает в Турции привилегированное положение по историческим и культурным причинам.

24. Признавая привилегированное положение суннитского толкования ислама, как его поддерживает Департамент по религиозным вопросам, и его *de facto* статус «государственной религии» в Турции, власти государства-ответчика не привели доводов, которые, по нашему мнению, были бы достаточными, чтобы обеспечить объективное и разумное оправдание различному обращению с мусульманами, пользующимися услугами Департамента по религиозным вопросам, и с другими мусульманами (или другими религиозными группами, если уж об этом говорить) (см. §§ 78–88 и 145–154 настоящего Постановления). Так, например, когда власти государства-ответчика утверждают, что услуги Департамента по религиозным вопросам предназначены для всех мусульман, включая алевитов, и что они являются «вне конфессиональными» (см, например, §§ 11, 13 и 148 настоящего Постановления), они надлежащим образом не признают и не рассматривают тот факт, что указанные услуги либо почти, либо полностью бесполезны для лиц, которые не придерживаются суннитского толкования ислама, как его поддерживает Департамент по религиозным вопросам.

25. По нашему мнению, ключевым моментом проблемы, несомненно, является тот факт, что суннитскому толкованию ислама как виду религии, которое практикует большинство населения, предоставляется преимущественное положение, в то время как другим видам религий не обеспечивается аналогичное обращение, за небольшими исключениями, такими как возможность не оплачивать счета за электроэнергию.

26. Поэтому вопрос заключается в том, имеет ли Турция право предоставлять особое и привилегированное положение одной религии, в данном случае суннитскому толкованию ислама, как его понимает Департамент по религиозным вопросам. Этот вопрос затрагивает взаимоотношения между государством и религией. До настоящего времени Европейский Суд признавал в своей прецедентной практике, что религия может занимать привилегированное положение в государстве по историческим и культурным причинам (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Дэрби против Швеции» (Darby v. Sweden) от 23 октября 1990 г., Series A, № 187, § 45, Решение Европейского Суда по делу «Религиозная организация “Аусатруарфэлагид” против Исландии» (Ásatrúarfélagið v. Iceland) от 18 сентября 2012 г., жалоба № 22897/08, и Постановление Европейского Суда по делу «Члены Глданской религиозной общины “Свидетели Иеговы” и другие против Грузии» (Members of the Gldani Congregation of Jehovah’s Witnesses and Others v. Georgia) от 3 мая 2007 г., жалоба № 71156/01, § 132). В то же время Европейский Суд подчеркивает, что, если государство гарантирует религиозным группам права и привилегии, оно должно это делать без дискриминации

(см. дела, перечисленные в § 164 настоящего Постановления). В заключение, но не самое последнее, это область, относительно которой в Европе не достигнуто консенсуса (см. данные по сравнительному правоведению, приведенные в §§ 60–64 настоящего Постановления) и где государства имеют широкие пределы усмотрения (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Литургическая ассоциация “Ча’аре Шалом Ве Цедек” против Франции» (Cha’are Shalom Ve Tsedek v. France) (жалоба № 27417/95, ECHR 2000-VII, § 84, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции» (S.A.S. v. France), жалоба № 43835/11, ECHR 2014 (извлечения), § 129).

27. Исходя из изложенного и принимая во внимание предметы жалоб заявителей на внутригосударственном уровне, то есть особые требования, представленные на рассмотрение судов Турции (требование признать религиозные услуги значимыми и полезными для алевитов, признать *setevîs* местами богослужений с сопутствующими привилегиями, нанять религиозных лидеров алевитов в качестве гражданских служащих и выделить средства из государственного бюджета), которые также должны являться основой для рассмотрения жалобы Европейским Судом (см. § 5 настоящего Постановления), мы считаем сложным сравнивать ситуацию заявителей с положением лиц, пользующихся государственными религиозными услугами, предоставляемыми Департаментом по религиозным вопросам, поскольку эти услуги представляют интерес только для лиц, исповедующих суннитское толкование ислама, как его признает Департамент по религиозным вопросам.

28. В заключение, по нашему мнению, положение заявителей следовало бы сравнивать с положением других религиозных групп, в отношении которых заявители с уверенностью могут утверждать, что они находятся в аналогичной или сопоставимой ситуации применительно к правам и привилегиям, гарантированным внутригосударственным законодательством религиям или религиозным группам, как в деле «Фонд Республиканского центра образования и культуры против Турции», касающемся освобождения «мест богослужений» от оплаты счетов за электроэнергию. На этом основании мы проголосовали за установление нарушения статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЙОХАННЕСА СИЛВИСА

Заявители, исповедующие алевизм, жаловались на то, что их религия не пользуется в Турции той же поддержкой, что и суннитское толкование ислама. Нарушение Конвенции должно быть установ-

лено только при сравнении указанных двух ветвей религии.

Что останется для рассмотрения Европейскому Суду, если в настоящем деле убрать разницу в обращении между двумя указанными религиозными группами? По-моему, очень мало.

Почему должно само по себе быть проблематичным следующее:

1) услуги, связанные с религиозными обрядами алевитов, не считаются государственными услугами;

2) алевитские места богослужений (*cemevis*) не получают от государства специального статуса;

3) алевитские духовные лидеры не находятся на государственной гражданской службе с оплатой их работы;

4) в государственном бюджете не предусмотрены средства на оплату расходов, связанных с исповедованием алевизма?

В странах Совета Европы, где государство и церковь разделены по закону и на практике, ситуация не является отличной от настоящего дела.

Конвенция не возлагает на государство обязанность играть активную поддерживающую роль в вопросах религии. В связи с этим я с уважением не соглашусь с мнением большинства судей, что в настоящем деле имело место нарушение отдельно взятой статьи 9 Конвенции.

Тем не менее, сравнивая положение алевитов с положением последователей суннитской версии ислама в Турции, очевидно, что имело место различие в обращении, которому нет объективных и разумных объяснений. Следовательно, настоящее дело представляет собой типичное дело о дискриминации и ничего более.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ФАРИСА ВЕХАБОВИЧА

К сожалению, я не могу согласиться с мнением большинства судей о том, что имело место нарушение статьи 9 Конвенции и статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 9 Конвенции.

Требования заявителей, адресованные премьер-министру и Европейскому Суду, являлись следующими:

(а) признать услуги, связанные с исповедованием алевизма, государственными услугами;

(б) предоставить алевитским местам богослужений (*cemevis*) статус «места богослужений»;

(с) нанять алевитских религиозных лидеров в качестве государственных гражданских служащих;

(д) предусмотреть в государственном бюджете средства на оплату расходов, связанных с исповедованием алевизма.

Ни одно из этих требований не содержит косвенных указаний на свободу заявителей исповедовать алевизм по-своему.

Статья 14 Конвенции дополняет другие материально-правовые положения Конвенции и Протоколов к ней. Она не существует отдельно, поскольку применяется только в связи с «осуществлением прав и свобод», гарантированных указанными положениями. Применение статьи 14 Конвенции необязательно предполагает нарушение одного из материальных прав, гарантированных Конвенцией. Это необходимо, но фактам дела достаточно также только подпадать «в сферу действия» одной или более статей Конвенции (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бёрден против Соединенного Королевства» (*Burden v. United Kingdom*), жалоба № 13378/05, *ECHR* 2008, § 58). Так, мера, которая сама по себе соответствует требованиям статьи Конвенции, гарантирующей рассматриваемые права или свободы, может, тем не менее, нарушать соответствующую статью при рассмотрении в совокупности со статьей 14 Конвенции, поскольку может являться дискриминационной по характеру (см., например, «Дело, “касающееся определенных аспектов законодательства об использовании языков в сфере образования в Бельгии” против Бельгии» (*Case «relating to certain aspects of the laws on the use of languages in education in Belgium»*) (существо жалобы), Постановление Европейского Суда от 23 июля 1968 г., Series A, № 6, pp. 33–34, § 9). Статья 14 Конвенции применяется в каждом случае, когда «суть неблагоприятного положения... является одной из форм осуществления гарантированного права» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Национальный союз полиции Бельгии против Бельгии» (*National Union of Belgian Police v. Belgium*) от 27 октября 1975 г., Series A, № 19, § 45) или если обжалуемая мера «связана с осуществлением гарантированного права» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шмидт и Дальштрём против Швеции» (*Schmidt and Dahlström v. Sweden*) от 6 февраля 1976 г., Series A, № 21, § 39).

Европейский Суд установил в своей прецедентной практике, что только различия в обращении, основанные на определяемых характеристиках или «статусе, способны являться дискриминацией по смыслу статьи 14 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карсон и другие против Соединенного Королевства» (*Carson and Others v. United Kingdom*), жалоба № 42184/05, *ECHR* 2010, § 61). «Религия» особо упоминается в тексте статьи 14 Конвенции как запрещенное основание для дискриминации.

Однако чтобы являться дискриминацией по религиозному признаку предполагаемое обращение должно «подпадать в сферу действия» права, защищаемого статьей 9 Конвенции, в настоящем случае права исповедовать свою религию. В настоящем деле возможность (или ее отсутствие) для алевитов добиться предоставления их религии

озным услугам статуса государственных и получить остальные финансовые привилегии, связанные с этим статусом, не препятствовала алевитам исповедовать свою религию. Но я бы не рассматривал данный вывод как окончательный. Если законодательством исключительно для алевитов были предусмотрены какие-либо дополнительные обязательства, я бы рассматривал это обстоятельство как относящиеся к сфере действия статьи 9 Конвенции. Но в настоящем деле на алевитов не возлагается какого-либо бремени в связи с исповедуемой ими религией. Заявители просто жаловались, что государство не предоставляет им услуг, имеющих статус государственных, а также привилегий, вытекающих из соответствующего статуса. Мне это кажется абсолютно другим вопросом.

Кроме того, я думаю, что, даже если рассматривать это дело как случай косвенной дискриминации, оно может касаться только статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Я не согласен с выводом большинства судей о том, что осуществленная властями Турции оценка религиозного характера исповедания ислама алевитами является отрицанием того, что религиозная практика алевитов составляет форму религиозного богослужения, а также является лишением алевитов мест религиозных встреч, а их религиозных лидеров – правовой защиты. Европейский Суд идет еще дальше, делая вывод о том, что признание религиозного характера обрядов, связанных с этой верой, и статуса религиозных лидеров алевизма и алевитских мест богослужений рассматривается алевитским сообществом как ключевое для выживания их религии и развития их веры. В заключение, Европейский Суд полагает, что отклонение требований заявителей, которое является отрицанием религиозного характера веры алевитов, является вмешательством в право заявителей на свободу религии, гарантированное пунктом 1 статьи 9 Конвенции.

Сегодня в мире существует много различных форм исповедания религий и убеждений, которые никогда не должны быть узаконены и посредством такого признания никогда не должны получить возможность распространять свои идеи и идеологию. Конечно, настоящее дело никаким образом не связано с этими идеями, но вопрос относится к рассматриваемой проблеме применительно к предоставленной государствам широкой свободе усмотрения в данной области и возможности создания прецедента на будущее. Законодатель должен обладать широкой свободой усмотрения при принятии решения о том, что должно считаться достаточной государственной привилегией, чтобы оправдать включение других религиозных групп и религиозных движений в систему государственных услуг.

Говоря кратко, я не вижу, каким образом настоящее дело относится к сфере действия статьи 9 Конвенции. Лицам, отправляющим обряды в се-

mevis, не мешает исповедовать свою религию или убеждения тот факт, что *cemevis* не имеют статуса мест богослужений или что алевитские религиозные лидеры не являются гражданскими служащими и, как следствие, не получают заработную плату из государственного бюджета. Законодательство не направлено исключительно против алевитов, исходя из их религиозных убеждений. Проще признать, что настоящее дело относится к сфере действия статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Из различных источников видно, что в Турции имеются тысячи мест богослужений (*cemevis*), которыми пользуются бесчисленные сообщества алевитов, и что все *cemevis* действуют без вмешательства со стороны государства без давления или ограничений применительно к алевитским богослужению, обучению, отправлению и соблюдению. Имеются ли ограничения для исповедания алевитами своей религии? Применяются ли к заявителям какие-либо ограничения или запреты при исповедании ими ислама? Я не усматриваю таких доводов в замечаниях заявителей. То, что я вижу, это то, что все требования заявителей связаны не с правом, гарантированным статьей 9 Конвенции, а, скорее, со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, что явно следует из адресованного государству требования предоставить алевитскому сообществу финансовые услуги. Другими словами, требования алевитов направлены не на достижение юридического признания своей веры, чтобы они могли начать исповедовать свою религию, а на получение финансирования для своих религиозных лидеров и мест богослужений и на признание их религиозных лидеров государственными гражданскими служащими. Ни одним словом не упоминается предполагаемое ограничение права заявителей на исповедание ими свои убеждений или нарушение любого другого права, гарантированного статьей 9 Конвенции, скорее, жалобы заявителей касаются имущественных прав.

Попытки вывести определение религии и отделить религию от религиозного направления (школы) являются очень опасным мероприятием. Является ли алевизм самостоятельной религией или религиозной школой в рамках ислама? Западная концепция религии полностью отличается от восточного понимания этого вопроса. Согласно своей сложившейся прецедентной практике Европейский Суд предоставляет Договаривающимся Государствам широкую свободу усмотрения при решении вопроса о том, в какой степени необходимо то или иное вмешательство. Действительно, государству обычно предоставляется широкая свобода усмотрения, когда речь идет об общих мерах экономической или социальной стратегии. Это объясняется тем, что, учитывая непосредственное владение государством сведениями о своем обществе и его нуждах, внутригосударственные органы власти находятся

в лучшем положении, чем международные судьи, чтобы оценить, что «отвечает публичным интересам» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства» (James and Others v. United Kingdom) от 21 февраля 1986 г., Series A, № 98, § 46, см. также, например, Постановление Европейского Суда по делу «Государственное строительное общество и строительное общество графств, общество капитального строительства г. Лидса и Йоркширское строительное общество против Соединенного Королевства» (National and Provincial Building Society, Leeds Permanent Building Society and Yorkshire Building Society v. United Kingdom) от 2 октября 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-VII, § 80, и Постановление Европейского Суда по делу «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней против Соединенного Королевства» (The Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints v. United Kingdom) от 4 марта 2014 г., жалоба № 7552/09).

ЗАЯВЛЕНИЕ СУДЬИ РОБЕРТА СПАНО

Я согласен с настоящим Постановлением, но в том, что касается моих причин установления нарушения статьи 14 Конвенции, рассмотренной в совокупности со статьей 9 Конвенции, я присоединяюсь к более узконаправленным доводам, представленным в частично несовпадающем, частично совпадающем мнении моих коллег – судей Марка Виллигера, Хелены Келлер и Йона Фридрика Кьельбро.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список заявителей

1. Кемаль Адзыз, гражданин Турции, 1959 г.р.
2. Фатиме Айырман, гражданка Турции, 1940 г.р.
3. Имам Айырман, гражданин Турции, 1941 г.р.
4. Фериде Акбаш, гражданин Турции, 1964 г.р.
5. Джеват Акбаш, гражданин Турции, 1961 г.р.
6. Ильяс Акдемир, гражданин Турции, 1937 г.р.
7. Селахаттин Акдемир, гражданин Турции, 1977 г.р.
8. Хусейн Акдемир, гражданин Турции, 1965 г.р.
9. Мутлу Акдемир, гражданин Турции, 1980 г.р.
10. Эсма Акдемир, гражданка Турции, 1941 г.р.
11. Джафер Актан, гражданин Турции, 1959 г.р.
12. Байрам Акташ, гражданин Турции, 1944 г.р.
13. Йетер Алтынаш, гражданка Турции, 1981 г.р.
14. Хасан Алтынаш, гражданин Турции, 1974 г.р.
15. Бейхам Алтынаш, гражданин Турции, 1974 г.р.
16. Ашур Армутлу, гражданин Турции, 1969 г.р.
17. Хусаметтин Арслан, гражданин Турции, 1965 г.р.
18. Сельма Арслан, гражданка Турции, 1972 г.р.
19. Шенай Арслан, гражданка Турции, 1983 г.р.
20. Санийе Арслан, гражданка Турции, 1977 г.р.
21. Тюнджай Арслан, гражданин Турции, 1977 г.р.
22. Гюльбейаз Арслан, гражданка Турции, 1956 г.р.
23. Мустафа Арслан, гражданин Турции, 1957 г.р.
24. Гази Арслан, гражданин Турции, 1974 г.р.
25. Мурат Арслан, гражданин Турции, 1958 г.р.
26. Дёндю Арслан, гражданка Турции, 1949 г.р.
27. Садык Арслан, гражданин Турции, 1955 г.р.
28. Зеки Аслан, гражданин Турции, 1950 г.р.
29. Идрис Аслан, гражданин Турции, 1961 г.р.
30. Шазийе Аслан, гражданка Турции, 1965 г.р.
31. Мехмет Аслан, гражданин Турции, 1956 г.р.
32. Туран Аслан, гражданин Турции, 1966 г.р.
33. Исмихан Асландаш, гражданка Турции, 1963 г.р.
34. Хидайет Асландаш, гражданин Турции, 1960 г.р.
35. Хюлья Асландаш, гражданка Турции, 1983 г.р.
36. Мехрали Атешойлю, гражданин Турции, 1964 г.р.
37. Мустафа Кемаль Айдын, гражданин Турции, 1948 г.р.
38. Исмет Баджиойлю, гражданин Турции, 1955 г.р.
39. Абидин Баджиойлю, гражданин Турции, 1976 г.р.
40. Хакан Баджиойлю, гражданин Турции, 1979 г.р.
41. Дёне Баджиойлю, гражданка Турции, 1953 г.р.
42. Мурат Баджиойлю, гражданин Турции, 1975 г.р.
43. Бетюль Баджиойлю, гражданка Турции, 1984 г.р.
44. Али Гюндюз Балджик, гражданин Турции, 1975 г.р.
45. Адем Баран, гражданин Турции, 1981 г.р.
46. Дерья Баран, гражданка Турции, 1983 г.р.
47. Мавиш Бекар, гражданка Турции, 1944 г.р.
48. Али Бекар, гражданин Турции, 1936 г.р.
49. Незих Доган Бермек, гражданин Турции, 1948 г.р.
50. Казым Бюкюлю, гражданин Турции, 1952 г.р.
51. Исмаил Бюкюлю, гражданин Турции, 1934 г.р.
52. Ёзкам Бюйюкташ, гражданин Турции, 1977 г.р.
53. Касым Чайлар, гражданин Турции, 1952 г.р.
54. Али Ихсан Чайлар, гражданин Турции, 1966 г.р.
55. Чичек Чайлар, гражданка Турции, 1937 г.р.
56. Гюльдан Чайлар, гражданка Турции, 1972 г.р.
57. Сати Чайлар, гражданка Турции, 1960 г.р.
58. Нуркан Чакмак, гражданка Турции, 1959 г.р.
59. Сулейман Джан, гражданин Турции, 1979 г.р.
60. Джемаль Джанкурт, гражданин Турции, 1973 г.р.

61. Кираз Чай, гражданин Турции, 1978 г.р.
62. Казым Чеик, гражданин Турции, 1940 г.р.
63. Али Рыза Челик, гражданин Турции, 1947 г.р.
64. Хамид Челик, гражданка Турции, 1948 г.р.
65. Дурмуш Челик, гражданин Турции, 1953 г.р.
66. Пенпе Челик, гражданка Турции, 1958 г.р.
67. Хасан Челик, гражданин Турции, 1958 г.р.
68. Зелиха Чифтчи, гражданка Турции, 1942 г.р.
69. Мехмет Чифтчи, гражданин Турции, 1930 г.р.
70. Хасан Чыкар, гражданин Турции, 1935 г.р.
71. Джафер Чынар, гражданин Турции, 1958 г.р.
72. Садык Чыпак, гражданин Турции, 1974 г.р.
73. Зейнеп Чыпак, гражданка Турции, 1953 г.р.
74. Ахмет Чыпак, гражданин Турции, 1955 г.р.
75. Салих Чобан, гражданин Турции, 1952 г.р.
76. Хыдыр Демир, гражданин Турции, 1956 г.р.
77. Нуртен Дилек, гражданка Турции, 1980 г.р.
78. Эрол Дилек, гражданка Турции, 1980 г.р.
79. Чешминаз Дилек, гражданка Турции, 1960 г.р.
80. Али Дилек, гражданин Турции, 1955 г.р.
81. Ибрагим Доган, гражданин Турции, 1965 г.р.
82. Селахаттин Доган, гражданин Турции, 1971 г.р.
83. Зийа Доган, гражданин Турции, 1963 г.р.
84. Гюльбейаз Доган, гражданка Турции, 1968 г.р.
85. Ариф Доган, гражданин Турции, 1974 г.р.
86. Али Доган, гражданин Турции, 1966 г.р.
87. Гюлизар Доган, гражданка Турции, 1942 г.р.
88. Айгюль Доган, гражданка Турции, 1950 г.р.
89. Ниязи Доган, гражданка Турции, 1954 г.р.
90. Зейнель Доган, гражданин Турции, 1936 г.р.
91. Хедийе Доган, гражданка Турции, 1954 г.р.
92. Иззеттин Доган, гражданин Турции, 1940 г.р.
93. Вели Эльгюн, гражданин Турции, 1947 г.р.
94. Ремзийе Эрчелик, гражданка Турции, 1978 г.р.
95. Арслан Эрчелик, гражданин Турции, 1968 г.р.
96. Давут Эскиоджак, гражданин Турции, 1974 г.р.
97. Азиз Гюнеш, гражданин Турции, 1954 г.р.
98. Эркан Гювенч, гражданин Турции, 1964 г.р.
99. Джемаль Гювенч, гражданин Турции, 1947 г.р.
100. Абидин Харман, гражданин Турции, 1933 г.р.
101. Гюлезер Хир, гражданка Турции, 1967 г.р.
102. Рыза Хир, гражданин Турции, 1959 г.р.
103. Севинч Илгин, гражданка Турции, 1962 г.р.
104. Исмаил Илгин, гражданин Турции, 1961 г.р.
105. Кайа Изджи, гражданин Турции, 1966 г.р.
106. Наргюль Кале, гражданка Турции, 1966 г.р.
107. Айдын Кале, гражданин Турции, 1966 г.р.
108. Фадиме Кама, гражданка Турции, 1967 г.р.
109. Али Каплан, гражданин Турции, 1948 г.р.
110. Хасан Хусейн Каплан, гражданин Турции, 1950 г.р.
111. Вейис Кара, гражданин Турции, 1955 г.р.
112. Хасан Каракёзе, гражданин Турции, 1976 г.р.
113. Фадык Каракёзе, гражданин Турции, 1978 г.р.
114. Эйлем Караташ, гражданка Турции, 1977 г.р.
115. Али Кавак, гражданин Турции, 1934 г.р.
116. Нермин Кайа, гражданка Турции, 1953 г.р.
117. Садык Кайа, гражданин Турции, 1953 г.р.
118. Али Кайа, гражданин Турции, 1958 г.р.
119. Хусейн Кайа, гражданин Турции, 1949 г.р.
120. Гюлюзар Кайа, гражданка Турции, 1961 г.р.
121. Теслиме Кайа, гражданка Турции, 1966 г.р.
122. Хусейн Кайа, гражданин Турции, 1964 г.р.
123. Кемаль Кайа, гражданин Турции, 1961 г.р.
124. Сенем Кайа, гражданка Турции, 1944 г.р.
125. Туран Кайа, гражданин Турции, 1943 г.р.
126. Зейнель Кайа, гражданин Турции, 1944 г.р.
127. Мехмет Кайаджик, гражданин Турции, 1949 г.р.
128. Хасан Кайтан, гражданин Турции, 1960 г.р.
129. Тюркмен Кайтан, гражданка Турции, 1962 г.р.
130. Гюрзель Кайтан, гражданка Турции, 1985 г.р.
131. Дюзгюн Келеш, гражданин Турции, 1964 г.р.
132. Нурийе Келеш, гражданка Турции, 1967 г.р.
133. Тайяр Кетен, гражданин Турции, 1975 г.р.
134. Джемаль Кетен, гражданин Турции, 1970 г.р.
135. Алиме Кетен, гражданка Турции, 1963 г.р.
136. Актюль Кетен (Кале), гражданка Турции, 1980 г.р.
137. Хасан Кылыч, гражданин Турции, 1959 г.р.
138. Хашим Кырыккайа, гражданин Турции, 1968 г.р.
139. Дилбер Кёзе, гражданка Турции, 1966 г.р.
140. Казым Кючюкшахин, гражданин Турции, 1933 г.р.
141. Сулейман Кумраль, гражданин Турции, 1967 г.р.
142. Гюльтен Курт, гражданин Турции¹.
143. Ипек Мысырлы, гражданка Турции, 1972 г.р.
144. Али Мулаойлю, гражданин Турции, 1960 г.р.
145. Айтен Мулаойлю, гражданка Турции, 1963 г.р.
146. Фатма Наджар, гражданка Турции, 1965 г.р.
147. Али Наджар, гражданин Турции, 1960 г.р.
148. Джевахир Найир, гражданка Турции, 1951 г.р.
149. Хусейн Найир, гражданин Турции, 1950 г.р.
150. Шюкрю Оджак, гражданин Турции, 1940 г.р.
151. Тюлай Одабаш, гражданка Турции, 1968 г.р.
152. Ахмет Ёнер, гражданин Турции, 1932 г.р.
153. Бекир Ёзкан, гражданин Турции, 1955 г.р.
154. Йетер Ёздемир, гражданка Турции, 1964 г.р.
155. Гюльден Ёздемир, гражданка Турции, 1964 г.р.
156. Салман Ёздемир, гражданин Турции, 1964 г.р.
157. Фазлы Ёздемир, гражданин Турции, 1964 г.р.
158. Мустафа Ёздемир, гражданин Турции, 1958 г.р.
159. Сати Ёзекер, гражданка Турции, 1956 г.р.
160. Джелаль Ёзекер, гражданин Турции, 1951 г.р.

¹ Так в тексте (примеч. переводчика).

161. Али Хайдар Ёзпынар, гражданин Турции, 1951 г.р.
162. Мустафа Парлак, гражданин Турции, 1939 г.р.
163. Джемаль Полат, гражданин Турции, 1951 г.р.
164. Юксель Полат, гражданин Турции, 1963 г.р.
165. Фетхи Сайлам, гражданин Турции, 1959 г.р.
166. Ильяс Шахбаз, гражданин Турции, 1976 г.р.
167. Салих Шахин, гражданин Турции, 1960 г.р.
168. Ибрагим Шахин, гражданин Турции, 1944 г.р.
169. Тамо Шахин, гражданка Турции, 1943 г.р.
170. Хасан Хусейн Шахин, гражданин Турции, 1966 г.р.
171. Хатидже Шахин, гражданка Турции, 1973 г.р.
172. Али Шахин, гражданин Турции, 1962 г.р.
173. Абдулла Шахин, гражданин Турции, 1942 г.р.
174. Сати Шахин, гражданка Турции, 1931 г.р.
175. Рыза Шахин, гражданин Турции, 1947 г.р.
176. Хасан Шахин, гражданин Турции, 1941 г.р.
177. Гюнер Шахин, гражданка Турции, 1939 г.р.
178. Сабри Шакар, гражданин Турции, 1949 г.р.
179. Хаккы Сайы, гражданин Турции, 1931 г.р.
180. Джелаль Севинч, гражданин Турции, 1950 г.р.
181. Пынар Софуйлю, гражданка Турции, 1985 г.р.
182. Намык Софуйлю, гражданин Турции, 1958 г.р.
183. Хыдыр Софуйлю, гражданин Турции, 1925 г.р.
184. Йюлиде Суджуйлю, гражданка Турции, 1975 г.р.
185. Саит Танрыверди, гражданин Турции, 1962 г.р.
186. Хасан Ташделен, гражданин Турции, 1947 г.р.
187. Серап Топчу, гражданка Турции, 1973 г.р.
188. Хамди Тюркель, гражданин Турции, 1974 г.р.
189. Али Рыза Тюркель, гражданин Турции, 1956 г.р.
190. Али Рыза Уйурлю, гражданин Турции, 1951 г.р.
191. Кенан Яйыз, гражданин Турции, 1970 г.р.
192. Мансур Ялчын, гражданин Турции, 1967 г.р.
193. Паша Ялчын, гражданин Турции, 1955 г.р.
194. Севим Йылдырым, гражданка Турции, 1964 г.р.
195. Хаккы Йылдырым, гражданин Турции, 1964 г.р.
196. Юсуф Йылмазер, гражданин Турции, 1955 г.р.
197. Али Юдже, гражданин Турции, 1974 г.р.
198. Али Юджесой, гражданин Турции, 1957 г.р.
199. Дурсун Зебиль, гражданин Турции, 1959 г.р.
200. Сакине Зебиль, гражданка Турции, 1965 г.р.
201. Ганиме Зебиль, гражданка Турции, 1932 г.р.
202. Фадиме Зебиль, гражданка Турции, 1965 г.р.
203. Исмихан Зебиль, гражданка Турции, 1954 г.р.

Права и ограничение ответственности

Электронное периодическое издание «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 – 58098) является средством массовой информации в соответствии с Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и предназначено для обеспечения доступа к информации о деятельности Европейского Суда по правам человека и Совета Европы.

Исключительные права на литературные произведения и переводы, опубликованные в электронном периодическом издании, принадлежат ООО «Развитие правовых систем».

© ООО «Развитие правовых систем», 2017

Использование материалов электронного периодического издания «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» возможно только с письменного разрешения правообладателя.

Единственно аутентичными текстами постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, опубликованных в издании, являются тексты на французском и английском языках. Переводы на русский язык не носят официального характера и не обязывают Совет Европы и его органы, а равно Европейский Суд по правам человека.